

ISSN 0869-6322

*Должно приучить россиян
к уважению собственного.*

Н.М.Карамзин

2001

К 40-ЛЕТИЮ
ПОЛЕТА
Г.С.ТИТОВА

ДВА ПИСЬМА
А.Г.СТАХАНОВА
И.В.СТАЛИНУ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

В.М.ЧЕРНОВ
О ДЕМОКРАТИИ
И СОЦИАЛИЗМЕ

ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ АКАДЕМИКЕ
В.Г.ТРУХАНОВСКОМ

ПРЕДЫСТОРИЯ
ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ
ПАРТИЙ

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivio Historico

№ 4

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2001

№ 4

Выходит 6 номеров в год

ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

А.А.Жданов
и несостоявшийся
съезд ученых-славистов

НКВД СССР
о деятельности
германской разведки

Дневник
В.И.Вернадского:
1935–1936 гг.

«Путевые заметки»
Глеба Алексева

Из переписки
П.А.Столыпина

Д.Я.Самоковасов
об археологии

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ,
АНО ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А.ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В.АНАНЬИЧ, Н.Н.БОЛХОВИТИНОВ, О.В.ВОЛОБУЕВ,
В.П.КОЗЛОВ (председатель), С.В.МИРОНЕНКО, В.С.МЯСНИКОВ,
Р.Г.ПИХОЯ, Н.Н.ПОКРОВСКИЙ, А.Н.САХАРОВ, А.К.СОРОКИН,
А.Д.СТЕПАНСКИЙ, А.О.ЧУБАРЬЯН, В.В.ШЕЛОХАЕВ, С.О.ШМИДТ

Редакция:

В.Ю.АФИАНИ (зам. главного редактора), О.И.ГОРЕЛОВ
(зам. главного редактора), Г.И.НАУМЕНКО (отв. секретарь),
М.И.ОДИНЦОВ, А.Н.СВАЛОВ, Ю.В.СИГАЧЕВ

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-17-52

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».
Адрес издательства: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-34-57. E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ
в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:
<http://www.gipn.net> [gopher://gopher.gipn.net](http://gopher.gipn.net)

Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует
направить письмо с командой help по адресу: ims@gipn.net
Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ
на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

© «Исторический архив», 2001

Перепечатка материалов допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Исторический архив» обязательна

В.М.ЧЕРНОВ О ДЕМОКРАТИИ И СОЦИАЛИЗМЕ

Тезисы. Вторая половина 1930-х гг.*.

Проблема соотношения демократии и социализма находилась в центре внимания теоретика и идеолога партии социалистов-революционеров В.М.Чернова. Еще до 1917 г. в своих выступлениях на партийных форумах и в программных статьях он пытался обосновать идею о неразрывной связи социализма и демократии¹. Эту тему он развивал и в ряде публикаций периода революции и гражданской войны². Годы послеоктябрьской эмиграции стали для В.М.Чернова временем переосмысления прожитого, систематизации и развития демократических установок. В 1920-е гг. на страницах журналов «Революционная Россия», «Воля России» выходят его статьи, посвященные вопросам демократии и социализма, анализу политического опыта большевиков³. Часть этих работ вошла в первый том фундаментальной работы

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда науки (Krasnoyarsk Regional Science Foundation), грант 9 F0018.

¹ См.: Гарденин Ю. (Чернов В.М.) О народно-социалистической партии // Партийные известия. Изд. ЦК ПСР. 1906. № 3; он же. Типы рабочего синдикализма // Народный вестник. 1906. № 2; Тучкин (Чернов В.М.) Речи на съезде. Нижний Новгород, 1906; Чернов В.М. Анархизм и программа минимум // Сознательная Россия. СПб., 1906. № 4; он же. Еще о народно-социалистической партии // Новая мысль. Сб. ст. СПб., 1906. № 2, 3; он же. О народно-социалистической партии // На современные темы. СПб., 1906. № 3; он же. Теоретики романского синдикализма. М., 1908; он же. К характеристике максимализма // Социалист-революционер. 1910. № 1.

² См.: Чернов В.М. Основные вопросы пролетарского движения. Пг., 1917; он же. От председателя Учредительного собрания: ко всем гражданам России // Дело народа. 1918. № 5; он же. Право революционной диктатуры // Дело народа. 1918. № 1; он же. Советы в нашей революции // Год русской революции. М., 1918; он же. Советы и демократия. Центральный комитет П.С.-Р. Тезисы докладов для партийных агитаторов и пропагандистов. Пг., 1918 // Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года / Собр. М.Янсенс. Амстердам, 1989. С 68—71; он же. Ленин против Каутского. Демократия и диктатура // Дело народа. 1919. № 2, 21 марта.

³ См.: Чернов В.М. Фазы социализма // Революционная Россия. 1920. № 1; он же. Большевицкий эксперимент и марксизм // Там же. 1921. № 16—18; он же. Кронштадт и демократия // Там же. 1921. № 5; он же. На второй день после ликвидации большевизма // Там же. 1921. № 4; он же. Основные мотивы «гильдейского социализма» // Там же. 1921. № 6; он же. Пересмотр партийной программы // Там же. 1921. № 3; он же. Индустриальный социализм в России // Там же. 1923. № 26—27; он же. О демократии и трудовом цензе // Там же. 1923. № 30; он же. Уроки коммунистического опыта // Воля России. 1923. № 26—27; он же. В.Ленин // Там же. 1924. № 3; он же. Проект новой

В.М.Чернова, «Конструктивный социализм», вышедшей в Праге в 1925 г. Но в опубликованной книге автор лишь касается некоторых аспектов проблемы, вероятно, полагая изложить их в развернутом виде во втором томе. Об этом свидетельствуют опубликованные в 1997 г. сохранившиеся материалы второго тома⁴. Полностью второй том «Конструктивного социализма» так и не был издан.

Во второй половине 1920-х гг. — начале 1930-х гг. В.М.Чернов продолжал активно работать над темой: демократия и социализм. В «Революционной России» выходит несколько его статей по этой проблематике⁵. Суть своих идей о демократии и социализме идеолог эсерства планировал изложить в подготовленной в 1933 г. к 50-летию со дня смерти К.Маркса брошюре «Итоги марксизма. Демократия, диктатура, социализм»⁶. Ряд ее глав специально посвящены этим вопросам, например, глава 5 — «Пути и перепутья диктатуры», 8 — «На теоретическом перепутье», 10 — «Эмбрионы большевизма в марксизме», 14 — «Трудности рабочевластия», 19 — «Тяга к коалиции», главы 24–28 — «Идеократия против демократии», «Моральные основы демократии», «Затруднения демократии», «Демократия и марксизм», «Австромарксизм и большевистская диктатура». В.М.Чернов несколько раз пытался опубликовать работу в Чехословакии или в Польше, но безуспешно⁷.

К 1937 г. он подготовил новый дополненный вариант — книгу «Демократия, диктатура, социализм»⁸. Эта работа должна была состоять из таких глав, как: «Демократия и социализм», «Теория «трудоуластия»», «Диктатура и демократия», ««Сверхдемократия» фашизма», «Сверхдемократия» большевизма», «Фашиобольшевизм», «Диктатура и террор. Охлос и демос в революции», «Нравственные проблемы в революции», «Социализм и религия», «Жизненная философия социализма», «Воспитание личности»⁹. Однако, и этот вариант книги не был опубликован.

В фонде В.М.Чернова (ф. 5847) в ГА РФ нами обнаружены его тезисы о демократии, в которых в сжатом, концентрированном виде выражены основные идеи о демократии, развиваемые им в последних, неопубликованных работах. В них теоретик эсерства выступает как последовательный приверженец демократического социализма. В тезисах достаточно полно представлена политическая сторона социалистической модели В.М.Чернова. Демократия для него — это не только определенный характер власти, но и особое духовное, политическое, социально-экономическое состояние общества, которое неразрывно связано с социализмом. Тезисы В.М.Чернова о демократии позволяют познакомиться не только с теоретическими установками лидера эсерства в конце 30-х гг. XX в., но и выяснить тактическую позицию Виктора Михайловича по отношению к политике западной социал-демократии, пошедшей на компромисс с большевизмом в борьбе с фашизмом.

партийной программы // Революционная Россия. 1924. № 33–34; он же. Разрушение вместо созидания // Воля России. 1924. № 1–2.

⁴ См.: Чернов В.М. Конструктивный социализм. М., 1997.

⁵ См.: Чернов В.М. К теории государственного социализма или государственного капитализма // Революционная Россия. 1926. № 47; он же. Романтика и проза большевизма // Там же. 1926. № 53, 54; он же. К десятилетию революции. Аккорды и диссонансы революции // Там же. 1927. № 62; он же. Социализм и религия // Там же. 1928. № 65; он же. Метаморфозы диктатуры // Там же. 1929. № 74.

⁶ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–190.

⁷ Там же. Д. 75. Л. 38об. Л. 68; Там же. Оп. 2. Д. 16. Л. 400.

⁸ Там же. Л. 74; Там же. Оп. 2. Д. 210. Л. 567; Там же. Оп. 2. Д. 16. Л. 47–52, 104–141; Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 18–35об, 109–113; Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 121–156; Там же. Оп. 1. Д. 67. Л. 470–472.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 210. Л. 567.

Вероятно, тезисы были написаны В.М.Черновым в 1937 или 1938 гг. в связи с подготовкой к чтению лекций по вопросам социализма и демократии. В этот период Чернов активно занимался лекторской деятельностью: читал циклы лекций в Чехословакии, Польше, Латвии, Литве и других странах. В ГА РФ выявлен примерный план курса лекций по данной тематике. Он предусматривает освещение вопросов, связанных со строительством экономических основ социализма, соотношением демократии и социализма, международными проблемами и характеристикой современного социализма¹⁰.

Публикуемые тезисы представляют собой рукописный текст без заглавия, написанный В.М.Черновым на трех листах пергаментной бумаги формата 34,5x21. Текст публикуется с сохранением стилистики оригинала. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Слова, подчеркнутые автором, выделены курсивом.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук О.В.КОНОВАЛОВА.

В.М.Чернов

Тезисы о демократии

1. Рабочий класс не может вести успешную борьбу за демократию, не выяснив себе предварительно с исчерпывающей ясностью, какой смысл он вкладывает в понятие «демократия», чем он именно такое содержание этого понятия обосновывает, на какой идеологии он базируется и какую внутреннюю ценность ее устанавливает.

2. Популярное, вульгарное понятие *демократии*, возникшее из поверхностного противопоставления его *автократии*, *аристократии* и *плутократии*, для этого совершенно недостаточно, ибо говорит только о привлечении в управлении государством широких слоев народа («демос») и о прочной правовой нормализации этого участия (в отличие от участия спорадического, неорганизованного, стихийного — охлократии)¹.

3. Само это противопоставление было причиной многих грубых ошибок, ибо приковывало одностороннее внимание к вопросу о том, кому принадлежит право управления государством, а не о том, какова внутренняя природа самой власти.

4. Демократия, потому, часто определяется, как «самодержавие народа», а тем самым абстрактно «народ» оказывался облеченным приблизительно всем тем комплексом прав, которым обладал помазанник и светский наместник Бога на земле, самодержец.

5. Отсюда извращение понятия демократии привкусом «деспотизма большинства», вызвавшее уже давно недостаточно обоснованный, но искренний и горячий протест духовной элиты человечества, провозгласившей устами Ибсена², что большинство всегда косно, традиционно и недоверчиво к новшествам, тогда как весь прогресс человечества, вся инициатива, всякие открытия новых горизонтов были всегда делом умеющего плыть против течения смелого и творческого меньшинства.

---

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 29.

6. Крошущееся под этим протестом глубочайшее недоразумение происходит от того, что понятие демократии создано с односторонним упором на понятие *власти*, тогда как строй, называемый демократическим, имеет в виду, в равной мере с понятием *власти*, понятия *права* и *свободы* (в этом смысле удачнее, чем термин «демократия», русский термин — «народоправство»).

7. Демократия имеет свои глубокие моральные и культурно-социальные основы. Она есть принесение в сферу политики радикального отрицания всякого божественного или квазибожественного, вообще сверхчеловеческого и сверхисторического права и авторитета. Для демократии существуют вырабатываемые личной и коллективной мыслью *идеалы*, но нет *идолов*; нет никакого сверхчеловеческого мессианизма лица, школы, партии, класса или национальности; нет непогрешимых догм, есть принципиальное равенство всех в искании как истины теоретической, так и истин практических, т.е. норм социальной жизни; нет иной проверки их, кроме совокупного опыта и экспериментирования; нет, с одной стороны, правовомочных опекунов, с другой, — пассивных объектов черной опеки; демократия есть декларация равенства и полноты прав всех индивидуумов, персональных или коллективных, безразлично^а.

8. Весь исторический ход развития демократического режима неразрывно связан поэтому с гарантией неприкосновенности некоторых основных личных прав — «неотчуждаемых прав человека и гражданина»; а также с защитой прав меньшинства путем децентрализации власти: разгрузки ее частью в пользу широкой местной автономии, частью же также автономии «персональной» — (национально-корпоративной или профессиональной, вне зависимости от территории), т[ак] н[азываемая] «функциональная демократия».

9. Одностороннее понимание демократизма служит источником парадоксальных, сбивающих с толка понятий и словоупотреблений; таково, напр[имер], понятие «демократического цезаризма», который с подавлением личных и общественных свобод соединяет периодические призывы народа ко всеобщей подаче голосов («плебисциту»), на которой и основывают фикцию «народного» источника существующей власти и «народной» санкции ее политики.

10. Демократия лишь медленно, урывками и неполно продолжает себе дорогу в среде, насквозь пропитанной атмосферой насилия и несвободы, автократических и аристократических замашек мышления и ведения общих дел. Мы сейчас живем лишь в зачаточной эпохе ее развития; поэтому под ее именем слишком часто слышатся разные гибридные формы полудемократии и квазидемократии, — результат компромиссов демократии с антидемократическими силами прошлого.

11. Модное «развенчание демократии» и манера глядеть на нее сверху вниз, вместо оспаривания основ демократии, занимается

---

^а В оригинале п. 7 тезисов находится в конце текста. Здесь излагается в порядке возрастания нумерации, проставленной В.М.Черновым, с сохранением логики материала.

критикой этих компромиссов, свидетельствующих лишь о недоразвитости демократии или урезании и фальсификации ее.

12. «Кризиса демократии» в смысле изживания ею самой себя нет, да и не может быть уже по одному тому, что в современной жизни мы встречаем лишь слабые намеки на истинную и полную демократию. Есть лишь «кризисы роста» и «детской болезни» нашей, весьма, младенческой демократии.

13. Внешним формам нарождающейся демократии нехватает еще демократического воспитания народа и подлинно-демократического духа даже в его передовом культурном авангарде. Внутренний демократизм означает глубочайшую терпимость и уважение к чужому убеждению, как к «святому святых» личности. Им исключаются все виды духовного деспотизма, фанатизма догмы и ненависти к несогласно мыслящим. Духовный демократизм предполагает внутреннюю потребность в критике и в оппозиции как в элементах совместного искания истины.

14. Кроме искажения демократии путем обращения ее в показную фикцию, следует отметить еще два основных ограничения ее: сверху — режимом обособленных «суверенных» государств, в своих взаимных отношениях культивирующих антидемократическую политику «силы», а не *права*; снизу — режимом суверенной частной собственности, изымающей из демократической компетенции народа значительную часть проблем, от решения которых зависит его благосостояние и самая жизнь.

15. Полная, интегральная демократия требует подчинения международных отношений тому же режиму права, которому подчинены отношения междуличные. Она требует, далее, чтобы демократия внутри страны не оставалась лишь «формальной», чисто политической демократией, но чтобы «демос» стал полным сувереном своих, грандиозно сосредоточенных уже капитализмом, средств производства, плановым руководителем всего народного хозяйства, регулятором — на принципе демократического уравнивания — всех производственных отношений. Иными словами, интегральная демократия должна быть также и «экономической демократией». Но развернутая до своих логических последствий хозяйственная демократия есть не что иное как социализм.

16. Здесь мы подходим к самой сердцевине проблемы борьбы за демократию. Пока демократизация означала лишь «переход власти к народу», она неизбежно принимала значение лишь «средства». И естественно, что власть для власти, власть-самоцель с социалистической точки зрения есть *nonsens*. Демократия, как «средство», социализм, как цель: таково широко распространенное и в корне ложное *дуалистическое* представление.

17. Это представление дуалистично, ибо разрывает демократию и социализм, как особые, требующие какого-то искусственного примирения, начала; как будто социализм возможен без демократии и демократия может быть последовательной и полной без социализма. В этом и заключается первородный грех обычного дуалистического представления.

18. Оно должно быть заменено строго монистическим. Демократия — не «средство», которое при одних условиях может быть годным, при других же может быть отброшено и заменено каким угодно другим, хотя бы и прямо противоположным. Демократия в истинном и глубоком смысле этого слова есть неразрывная составная часть «государства будущего» или социалистического идеала. Свести ее на уровень «только средства», лишить ее культурно-исторической самооценности значит изменить социализму.

19. Недемократический, антидемократический социализм — вовсе не социализм, а новый вид автократии, новый вид олигархического деспотизма. Он попадает в опасную близость к фашизму, демагогически обещающему человечеству равенство и трудовую дисциплину на общей службе идолу национальной государственности, ценою добровольного отказа от свободы и от демократического права.

20. С этой стороны приходится пересмотреть отношение социализма к лозунгу диктатуры пролетариата, в свое время выставленному в качестве вызова существующему порядку, характеризованному как диктатура буржуазии. «Прагматическое», полемическое и утилитарное значение этого термина заслоняет его правовую двусмысленность и неопределенность.

21. Для современного социализма стало долгом теоретической совести с этою двусмысленностью покончить. Или должно отказаться от пользования данным лозунгом, признав за ним лишь давно исчерпанное чистоисторическое значение, или же надо открыто ввести его в официальные программы партий РСИ³.

22. Но недопустимо положение, при котором, с одной стороны, ни одна из партий РСИ не обмолвливается^a в своей программе об этом требовании ни словом, а, с другой, как будто молчаливо подразумевается, что диктатура пролетариата — единственно нормальный режим для всей долгой промежуточной эпохи, отделяющей буржуазно-капиталистическое бытие Европы и мира от интегрально-социалистического.

23. Оставаться далее при правовой неопределенности формулы «диктатура пролетариата» тем менее возможно, что у нас нет перед глазами иной ее жизненной конкретизации, кроме режима, развившегося в Советском Союзе, не только столь же «тоталитарного», как итало-германский, но — вспомним «испанскую» практику ГПУ⁴ и последнюю серию скандальных сталинских процессов, — и воскрешающего худшие методы средневековой юстиции, позорящие социалистическое знамя.

24. Делу нисколько не помогает прибавление к формуле «диктатура пролетариата» эпитета «безличной» (*impersonelle*), ибо диктатура никогда не бывает безличной. Субъектом диктаторской власти не может быть и «класс», а только действующее его именем политическая организация, которая для диктаторствования над страной сама должна быть организована на началах строжайшей централизации, т.е.

---

^a Так в тексте.

управляться диктаториально. Диктатура в крайнем случае еще может быть, особенно в начале, олигархической, но самую логику своего осуществления непреодолимо тяготеет к типически-единоличной власти диктатора.

25. В чистоте морального облика социализма, в безупречности принципов его поведения заключается секрет его великой притягательной силы, значительную долю которой он утратил. И утрата эта не в малой степени объясняется тем, что в борьбе против фашизма он не может обойтись без союзнических отношений с русским большевизмом, а оправдать это сотрудничество ему невозможно, не оправдывая или не вуализируя^а тех методов большевистского управления, которые возмущают нравственное чувство; причем, в первом случае приходится впадать в конфликт с собственным представлением о справедливости, во втором же идти против правды; в обоих случаях, — подрывая собственное дело неискренностью.

26. Поэтому в борьбе за демократию социализм допустил тяжкую ошибку, приняв односторонне на себя обязанность, вытекающую из тактики «народного фронта» в тех странах, где силы коммунизма существенно ниже сил социалистических, без условия взаимности, т.е. без обязательства со стороны коммунистов сделать все необходимое для восстановления всеобщих демократических прав и свобод.

Результатом было то, что и в странах «народного фронта» коммунисты стали освобождать себя от обязанностей, неукоснительного и шепетильного исполнения которых шумно требовали от социалистов.

27. Но еще больше этой невыгоды — тот подрыв борьбы за демократию, который является неизбежным последствием борьбы за нее в безоговорочном союзе с партией, растоптавшей свободу и демократию под флагом «диктатуры пролетариата». Там, где наличие фашистской опасности делало практически полезным сотрудничество с большевизмом, массы не должны быть обмануты, и этот союз должен быть основан как чисто конъюнктурный, т.е. как использование одной диктаториальной партии против другой, вреднейший. Без этого союз превратится в мостик для перехода менее сознательных, более юных или импульсивных элементов от центростремительной социалистической линии поведения к центробежным демагогическим течениям, вплоть до впадения в диктаториальный коммунизм.

28. Борьба за демократию есть борьба за такое состояние человечества, при котором осуществленная демократия означает такие свободные и формы организации, и личной и коллективной дееспособности человечества, при которых дальнейшая эволюция культуры, права и хозяйства должна мыслиться, как бескризисная, не требующая для разрешения социальных проблем никаких вооруженных столкновений и никаких кровавых революций.

29. Демократия поэтому не может быть смешиваема с преходящими юридическими формами ее осуществления, подлежащими закону

---

^а Вуализировать (вуализовать) — делать не совсем ясным, как бы прикрывать вуалью, затуманивать.

бесконечных изменений и совершенствованию. Демократия есть, прежде всего, регулирующий эти формы моральный постулат политики, «постоянный закон с текущим содержанием».

30. Только при таком понимании демократии, которое одно заслуживает название социалистического понимания, можно отдаться борьбе за нее без оглядки и колебаний, со всею полнотою духовного подъема и энтузиазма, соперничающего по силе своей с религиозным, но бесконечно превосходящим его по жизненной реалистичности подъема и энтузиазма, являющегося одним из самых мощных факторов победы.

ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 67. Л. 470—472. Автограф.

Примечания

¹ Автократия (греч.) — самовластие, самодержавие; форма правления, представляющая собой неограниченное и бесконтрольное полновластие одного лица в государстве. Ее разновидностью являются деспотия, тирания, абсолютизм.

Аристократия (греч.) — власть лучших, знатнейших; форма правления, при которой государственная власть находится у привилегированного меньшинства.

Плутократия (греч.) — форма правления, при которой политическая власть принадлежит наиболее состоятельным в денежном отношении кругам.

² Вероятно, В.М.Чернов подразумевает *Генрика Ибсена* (1828—1906), норвежского драматурга. В исторической драме «Борьба за престол» (1864) Ибсен показал победу героя, выполняющего прогрессивную историческую миссию вопреки окружающей действительности.

³ РСИ — Рабочий социалистический интернационал, существовал с 1923 г. до Второй мировой войны. Принял эстафету от Бернского Интернационала (1919—1923 гг.) и Второй с половиной Интернационала (1921—1923 гг.).

⁴ ГПУ — Государственное политическое управление было создано 6 февраля 1922 г. вместо ВЧК, функционировало при НКВД РСФСР. В его функции входили борьба со шпионажем, контрреволюцией, бандитизмом. После создания СССР ЦИК СССР от 2 ноября 1923 г. образовал Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР, которому были подчинены республиканские ГПУ. В 1934 г. ГПУ было переименовано в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) при НКВД. В.М.Чернов в данном случае, видимо, по привычке употребляет старое название — ГПУ. В Здесь имеются в виду неофициальная поддержка СССР Коммунистической партии Испании в гражданской войне 1936—1939 гг. и серия политических репрессий 1937—1938 гг.

«ДАЙТЕ МНЕ МАШИНУ, Я ОПРАВДАЮ ВАШЕ ДОВЕРИЕ»

Два письма А.Г.Стаханова И.В.Сталину. 1945 г.

В недавно рассекреченном и переданном на хранение в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) личном фонде И.В.Сталина особое место занимают письма различных лиц в адрес «вождя всех народов». Подобных документов, поступивших в свое время в Особый сектор ЦК ВКП(б), довольно большое количество. Хотя, конечно, это лишь незначительная часть тех писем, которые посылались Сталину в разные годы со всех концов СССР и из зарубежных стран. В Особый сектор попадали только те из них, которые были написаны людьми, лично известными Сталину, либо те, что содержали важные соображения и предложения. Как правило, Сталин не отвечал на эти послания, а переадресовывал их своим ближайшим сотрудникам для принятия решения.

В числе писем, поступивших в Особый сектор летом 1945 г., обращают на себя внимание два послания от Алексея Григорьевича Стаханова, одного из инициаторов массового социалистического соревнования, начавшегося в 1935 г. Ко времени окончания Великой Отечественной войны Стаханов работал в Наркомате угольной промышленности в Москве. Одной из особенностей стахановского движения было то, что для стимулирования его участников первоначально власти пошли на использование в известных пределах материальных стимулов — стахановцам вне очереди предоставляли жилплощадь, автомобили, телефоны. Сам Стаханов даже имел собственное место в местном театре. Выше, чем у других рабочих, была у стахановцев и заработная плата. К чему привела привычка иметь эти и другие преимущества видно из письма прославленного шахтера: имея квартиру в Доме правительства, машину, хорошую работу и немалый доход, он считал себя обойденным тем, что, в отличие от других обитателей знаменитого «Дома на набережной» из числа партийно-государственной и военной элиты страны, он не имел «стен, обшитых шелком», импортной «машины Шеврале», подмосковной дачи. Он апеллирует к Сталину с вопросом: «Где же справедливость?» и надеется, что «правда восторжествует».

Характерно, что вождь не удостоил знатного шахтера ответом ни в первом, ни во втором случае. Ему, безусловно, были неприятны не только меркантильные соображения, изложенные в письмах, но и попытки Стаханова сравнивать себя с представителями высшей элиты, проживающей по соседству с ним, тем более, с боевым маршалом, готовившим в эти дни танковые части и механизированные дивизии Советской Армии к войне с Японией. В этом Сталин вполне мог увидеть признаки «перерождения» вчерашнего ударника производства. Не вызывало симпатии и то, что Стаханов постоянно ссылался на некое сталинское обещание «помочь в трудную минуту». И уж тем более — то, что вчерашний рабочий называет Дом правительства «сараем» и жалуется на судьбу и «невозможность жить в таких условиях», в то время, как страна едва вышла из тяжелой войны, и подавляющая часть населения жила в крайне стесненных условиях.

Первое письмо осталось даже без резолюции Сталина. Второе он пересылает Г.М.Маленкову. О том, какие были приняты меры, история умалчивает, но, судя

по тому, что никакого ответа Сталину от Маленкова не поступило, можно предположить, что Стаханову либо не ответили, либо разъяснили нелепость его просьбы. Известно лишь, что его карьера после этих писем пошла «под гору».

В публикации сохранены орфография и пунктуация документов.

Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.А.ДАНИЛОВ.

№ 1

Председателю Совнаркома СССР Тов. Иосифу Виссарионовичу Сталину

[18 мая 1945 г.]^А

Уважаемый Иосиф Виссарионович!

Я Вам пишу и надеюсь, что мое письмо попадет к Вам в руки, а если нет, то я опять напишу и все-таки добьюсь, чтобы оно попало к Вам. Очень прошу извинить, что отнимаю у Вас драгоценное время. Дело в том, что в 1944 г. тов. Молотов Вячеслав Михайлович¹ разрешил мне получить трофейную автомашину, требующую малого ремонта. В свою очередь Наркомат обороны — г. Хрулев² выдал мне эту машину, которая была совершенно разбита, ее кое-как отремонтировали, и я на ней поездил месяцев 5, а сейчас она стоит без движения. В настоящее время Наркомат обороны получает машины марки Шеврале и я бы очень Вас просил выделить мне одну хорошую машину, на которой можно было бы работать. У меня очень большая работа, где поминутно нужна машина; например, начиная с 1 и до 10 числа приходится ездить в ВЦСПС по 2 раза в день, а также отправка знамен, значков и п[утевых] листов на вокзал, поездка на заводы и монетный двор, везде приходится гонять свою машину, т.к. Наркомат угля на это не имеет машины, а если и я не дам машину, то работа будет стоять. Работаю я в Наркомате угля, рабочие кадры, отдел соц[иалистического] Соревнования, много занимаюсь углем, в 1944 г. мне дано было задание обеспечить выполнение годового плана угля по Донбассу. Это задание я выполнил, и Донбасс выдал государству сверх плана угля 800000 т., а также помог выполнить Донбассу план первого квартала 1945 года. Очень много приходится ездить по редакциям, в радиокомитет и др[угие] места, а машина все ремонтируется или стоит без бензина.

Родной Иосиф Виссарионович! По-моему, это неправильно. Некоторые жены отв[етственных] Работников по целым дням гоняют машины и жгут в месяц 500—600 л[итров] бензина, а кому нехватает для государственной работы. Иногда бывает очень стыдно, что не в силах выехать куда-нибудь в район или загород, в школу, на фабрику, на завод, и отделяешься отказами.

---

^А Дата написания на письме отсутствует. Указана дата его поступления. В Особый сектор ЦК ВКП(б) оно поступило 19 мая 1945 г. Во втором письме А.Г.Стаханов ошибся, указав, что письмо отправлено 18 июня.

Иосиф Виссарионович! Дайте мне хорошую машину, я оправдаю Ваше доверие. Скоро X лет стахановского движения, я еду в Донбасс и еще раз покажу, как нужно работать. Сколько раз и к кому только я не обращался, все дают какую-нибудь трофейную разбитую коробку, а если бы дали один раз, да хорошую, я бы и не приставал больше. За этот «Опель капитан» хотели с меня содрать сперва 17000 руб., потом 15000, потом 11000 и в конце концов остановились на 5, но она не стоит даже 5 тысяч. Куда не обратишься, везде относятся с холодком. Вот еще насчет квартиры. Я живу в Доме Правительства 9 лет и ни до войны, ни во время войны не могу допроситься сделать ремонт. Стены грязные, мебель потрепана, разломана, писал я т. Чадаеву³ и упр[авляющему] домом Саморокову, ни от кого ответа нет, а кое-кому обивают стены шелком по 2 раза в месяц и мебель ставят всевозможную. Это неправильно, я прошу сделать ремонт и заменить мебель, чтобы не стыдно было пригласить в квартиру к себе людей. Очень Вас просим, я и моя семья, помогите нам, а я в долгу перед Родиной не буду и оправдаю себя. Иногда просто так делается обидно и особенно, когда вспоминаю Ваши слова — обращаться к Вам в трудную минуту, как вы мне сказали. Не знаю, попадет ли к Вам мое письмо или нет, но я буду писать, пока Вы лично, дорогой Иосиф Виссарионович, получите его. Еще раз прошу тысячу извинений за беспокойство и жду от Вас ответа.

Уважающий Вас

Ваш А. Стаханов

Дом Правительства, 3 подъезд, кв. 55, т. В-1-38-73, служ. К-5-83-04.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 891. Л. 127—128. Машинописная копия.

№ 2

13 августа 1945 г.^а

Уважаемый Иосиф Виссарионович!

Очень вас прошу извинить, что вторично Вам надоедаю, но, видимо, Вам не вручили мое письмо, которое было послано еще в июне месяце 18-го числа^б.

В первом письме я просил Вас выделить мне хорошую автомашину за наличный расчет, так как моя пришла почти в негодность. Я кое-как выпросил трофейную машину «Опель капитан», но она до того потрепана, что почти все время стоит в ремонте, а ездить приходится очень много, особенно по делам Наркомугля, все время на своей машине.

В настоящее время Горьковский автозавод выпускает автомашины марки «Победа», и моя убедительная к Вам просьба выделить одну хорошую машину, а «Опель капитан» я сдам. Я и моя семья будем Вам всю жизнь благодарны. Частным образом я не могу купить машину, т.к. за нее нужно платить 50—60 т. рублей.

---

^а В Особый сектор ЦК ВКП(б) письмо поступило 17 августа 1945 г.

^б Как уже отмечалось, первое письмо было написано А.Г.Стахановым 18 мая 1945 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я Вам пишу как родному отцу, что дальше в таких условиях мне жить невозможно. Несколько раз я обращался в организации и лично к управляющему домом т.Саморокову и просил сделать ремонт квартиры, т.к. она не ремонтировалась с 1937 г., но мой разговор не привел ни к чему. Где же справедливость? Например, некоторым обивают все комнаты шелком и мебель отборная, а я со своей семьей живу чуть-ли не в сарае. Недавно маршалу Федоренко⁴ обили шелком всю квартиру, а мне хотя бы ремонт сделали. Дети бедные все лето промучались в Москве. Обращался в Верховный Совет насчет дачи, там тоже ответили, что у них дач нет, а все живут на дачах. Нигде не добьешься никакой помощи. Ко мне приходят разные люди, и у меня просто глаза на лоб лезут от стыда, что я живу в таких условиях. Один раз на приеме Вы у меня спросили, как я живу, и если что нужно, чтобы обратился к Вам, я это помню, но ведь мои письма к Вам не попадают. Но правда восторжествует, я добьюсь личного свидания с Вами и все Вам расскажу сам.

Еще раз прошу извинить меня и не отказать в моей просьбе, т.к. в таком положении я дальше не могу находиться. Даже в подъездах сделали ремонт и всем соседям нашим, а меня забыли.

Я бы никогда не посмел к Вам обратиться с этим, но прошу Вас поверить, что условия жизни плохие именно в домашней обстановке, а некоторым кажется, что это пустяки.

Жду от Вас помощи и ответа на мое письмо. Заранее уверен, что если попадет к Вам письмо, Вы поможете мне и моей семье жить так, как живут люди, и тем самым дадите возможность работать на благо нашей родной страны.

Искренне преданный Вам

Ваш А. Стаханов

Р.С. Если можно перевести меня на улицу Горького в новые дома, то очень Вас прошу дать указание^а.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 891, Л. 129—130. Машинописная копия.

Примечания

¹ *Молотов В.М.* (1890—1986) — в 1945 г. член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя СНК СССР, заместитель Председателя ГКО.

² *Хрулев А.В.* (1892—1962) — генерал армии, с мая 1943 г. начальник Главного управления тыла Советской Армии, с июня — начальник тыла Советской Армии.

³ *Чадаев Я.Е.* (1904—1987) — в 1940—1950 гг. управ. делами СНК СССР.

⁴ *Федоренко Я.Н.* (1896—1947) — маршал бронетанковых войск (1944), с декабря 1942 г. командующий бронетанковыми и механизированными войсками Советской Армии, в 1941—1943 гг. одновременно заместитель наркома обороны СССР.

^а На первой странице письма вверху сделаны, вероятно, рукой А.Н.Поскребышева, две пометы — в левом углу: «А.Стаханов» и в правом углу: «т. Маленкову. 30.VIII.45».

«КОСМИЧЕСКИЕ ЗОРИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРЕКРАСНЫ»

К 40-летию полета Г.С.Титова
на космическом корабле «Восток-2». 1961 г.

Сорок лет назад, в августовские дни 1961 г., тогда еще совсем молодой старший лейтенант Г.С.Титов совершил свой космический полет, сделавший его одним из тех людей, которыми всегда будет гордиться отечественная космонавтика.

Родился и вырос Герман Степанович на Алтае, в Косихинском районе. Сначала семья Титовых жила в селе Верхнее Жилино, затем в усадьбе колхоза «Майское утро». Лучшим другом и наставником Германа был его отец, который научил сына игре на музыкальных инструментах, привил любовь к русской поэзии. В школе Герман одинаково увлекался математикой и литературой. Учился он всегда и везде настойчиво и увлеченно. С юности ему было свойственно высокое чувство долга. После окончания школы Титов поступил в военное авиационное училище. Сейчас трудно определить причину выбора Германом Титовым летной профессии. Но можно с уверенностью сказать, что он не ошибся в своем выборе, став не только отличным летчиком, но и космонавтом.

3 октября 1959 г., пройдя предварительную беседу с авиационными врачами в войсковой части, где он служил, Титов прибыл в Москву для прохождения врачебно-летной комиссии. Несмотря на жесткие требования со стороны специалистов комиссии, Герман прошел ее успешно и был зачислен кандидатом в космонавты. Режим труда и отдыха космонавтов был распisan поминутно. День начинался с физзарядки, затем теоретические дисциплины, которые чередовались с практическими занятиями, физической подготовкой; все заканчивалось вечерней прогулкой перед сном. Физическая подготовка являлась одним из основных методов повышения устойчивости организма к воздействию различных факторов космического полета. Систематические упражнения в Центре подготовки космонавтов (ЦПК) на батуте, рейнском колесе, лопинге способствовали повышению устойчивости вестибулярного аппарата.

Большое место в общей системе подготовки космонавтов отводилось прыжкам с парашютом. В процессе подготовки к космическому полету Титов прошел все исследования на центрифуге, испытания в сурдокамере и показал отличные результаты. Важным этапом тренировок были полеты на самолете УТИ МиГ-15 в условиях кратковременной невесомости.

Первая встреча Г.С.Титова и С.П.Королева произошла, когда Главный конструктор пригласил будущих космонавтов в цех ОКБ, к космическому кораблю «Восток». Немногие знают, что Титов внес много предложений по улучшению конструкции «Востока». Королев так говорил о Титове: «Пожалуй, примечательные черты Германа Степановича — это быстрота реакции, сообразительность, хладнокровие и, вероятно, самое ценное — наблюдательность, способность к серьезному анализу».

К середине июля 1961 г. Титов полностью закончил подготовку, а также все запланированные тренировки в ЦПК. Это позволило специальной комиссии сделать заключение о готовности космонавта к полету на корабле «Восток-2». По докладу

С.П.Королева Государственная комиссия приняла решение о выполнении Титовым суточного космического полета.

Приведем отрывок из книги Ю.А.Гагарина «Дорога к космос»: «Космонавт-2 сидел ко мне в профиль, и я невольно любовался правильными чертами красивого задумчивого лица, его высоким лбом... Он был тренирован также, как и я, и, наверное, способен на большее. Может быть, его не послали в первый полет, прибегая для второго, более сложного». Как и предполагал Юрий Гагарин, второй полет в космос был действительно более сложным по выполняемой программе и по длительности. Прошло всего три с половиной месяца после того, как Ю.А.Гагарин облетел Землю. И вот новое достижение отечественной космонавтики — полет космического корабля «Восток-2». Из сообщения ТАСС: «6 августа 1961 года в 9 часов по московскому времени в Советском Союзе произведен новый запуск на орбиту спутника Земли космического корабля «Восток-2». Корабль «Восток-2» пилотируется гражданином Советского Союза летчиком-космонавтом майором товарищем Титовым Германом Степановичем.

Задачами полета являются:

- исследование влияния на человеческий организм длительного полета по орбите и последующего спуска на поверхность Земли;
- исследование работоспособности человека при длительном пребывании в условиях невесомости...

С летчиком-космонавтом товарищем Титовым установлена и поддерживается двусторонняя связь».

В этот день все радиостанции Земли передавали сенсационное сообщение о запуске в Советском Союзе космического корабля «Восток-2» с человеком на борту. Вся страна следила за полетом космонавта № 2. Двадцать пять часов полета Г.С.Титова на корабле «Восток-2» восхитили весь мир. Во время полета Титов впервые осуществил ручную ориентацию корабля; первым из землян провел киносьемку поверхности Земли, неба и Луны. Впервые было доказано, что у человека в течение суток в условиях невесомости полностью сохраняется работоспособность.

После полета на корабле «Восток-2» Г.С.Титов с отличием закончил Военно-воздушную инженерную академию имени Н.Е.Жуковского и Военную орденов Ленина и Суворова академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К.Е.Ворошилова. При этом он много и увлеченно летал на самых современных самолетах. Необычайная сила воли, трудолюбие и настойчивость позволили Герману Степановичу в короткий срок освоить машины новых конструкций, летать на сверхзвуковых самолетах-истребителях разных типов. Одновременно космонавт № 2 изучал новые космические корабли «Восход», «Союз», орбитальные станции типа «Салют», он часто бывал на Байконуре, в Центре управления полетами.

Г.С.Титов был участником многих встреч с американскими учеными и астрономами. Этот талантливый человек на все находил время: он являлся депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК ВЛКСМ, был председателем Центрального правления Общества советско-вьетнамской дружбы. После своего полета Титов написал несколько книг: «700000 километров в космосе», «Семнадцать космических зорь», «Авиация и космос», «Голубая моя планета», «На звездных и земных орбитах». Напряженная работа и активная общественная деятельность не мешали ему быть верным и отзывчивым товарищем.

Весной 2000 г. друзья и коллеги отметили 65-летие Германа Степановича. И, вдруг, как гром среди ясного неба, по радио и телевидению прозвучало сообщение о его смерти. 25 сентября 2000 г. Москва простилась с космонавтом № 2, генерал-полковником авиации, замечательным и талантливым человеком.

О полете корабля «Восток-2» и Г.С.Титове много сказано и написано. Но лучшими свидетельствами его жизни и деятельности являются книги космонавта и архивные документы, хранящиеся в Российском государственном архиве научно-

технической документации (РГАНТД). В настоящем номере журнала публикуются воспоминания Г.С.Титова о первом отряде космонавтов, встрече с Ю.А.Гагариным после его приземления, подготовке к полету на космическом корабле «Восток-2» и работе над книгой «Голубая моя планета». Публикуемые документы поступили в архив из Центрального государственного архива звукозаписей (ЦГАЗ), фотографии — из АПН.

Публикацию подготовили Т.А.ГОЛОВКИНА и Е.Ю.БАШИЛОВА.

№ 1

Воспоминания летчика-космонавта СССР Г.С.Титова

Записаны 27 февраля 1984 г. на Гостелерадио СССР

О первом отряде космонавтов

Из всех тех, кто пришел в первый отряд космонавтов для подготовки к первому одиночному полету, выбрали шесть человек. Так наша шестерка и готовилась, и проходила все тренировки вместе. Откровенно говоря, каждый думал, что он может полететь первым. Хотя вопрос был не в том, чтобы именно «быть первым», а просто думали мы, что хорошо бы полететь на космическом корабле «Восток», а поскольку корабль был одноместным, было ясно, что полететь может только кто-то один из нашей шестерки.

Если вы читали «Дневник» Каманина Николая Петровича¹, то там он пишет, что шансы у Гагарина и у Титова были одинаковые, да и другие ребята были тоже хорошо подготовлены. И по тому, как Юрий говорил после полета, мы чувствовали и понимали, что он сам не был уверен, что его выберут для первого полета. Он также оценивал возможности всех нас, своих товарищей по группе, и видел, что каждый из нас может стать командиром корабля «Восток».

Наша группа — наша шестерка работала таким образом, что мы были объединены одной идеей, одним стремлением. Поэтому никогда никто не старался показаться лучше других, этого у нас не было. Возможно потому, что мы были молоды. Занятия проходили всегда вместе, все вопросы изучали тоже вместе. Когда встал вопрос об инструкции (ее же не было) — кто бы мог ее написать? — Сергей Павлович Королев² принял решение, чтобы космонавты, вернее, тогда еще только кандидаты в космонавты, сами ее написали. «Они же все летчики, все летали — вот пускай и напишут», — говорит.

И мы, все вшестером, сидели и писали первую инструкцию. Писали, как умели, как представляли, вкладывая в нее весь свой небогатый авиационный опыт. Она была простенькая, но во время работы над ней мы себя почувствовали настоящим коллективом единомышленников.

Тренажера у нас тогда не было и, готовясь к полету, мы были вынуждены поехать на одно из предприятий в Подмоскowie. Там был сделан простенький такой шарик, в котором находились приборы. Там мы сдавали зачет высокой комиссии, Главкомандующий туда приезжал, Главный маршал авиации Вершинин³, представители конструкторских

бюро, и также — порядка очередности никто не устанавливал, проходили один за другим.

Жили мы в одном, специально приспособленном для нас помещении, чтобы соблюсти режим. Слова «космонавт» тогда еще не было, оно появилось, когда мы готовились к первому полету, когда нам впервые выписали удостоверения космонавтов. Юрию удостоверение вручили, нам не вручили, а приказ о зачислении нас в космонавты состоялся — я даже не могу сейчас сказать, когда. Я точно знаю, что слова «дублер» тогда не было. Когда Н.П.Каманин предлагал Государственной комиссии назначить командиром первого космического корабля Гагарина, то Герман Титов был запасным пилотом, а не дублером. Это слово позже появилось, его, видимо, журналисты придумали.

Вспоминая те годы, двадцатилетней с лишним давности, особенно подготовку к первому полету, можно сказать, что нас старались научить всему. Руководствовались мыслью — а вдруг произойдет что-нибудь такое, и как космонавт будет это выдерживать. Вот, например, тишина. Это сурдокамера, которая, наверно, уже всем известна. Человека оторвали от Земли, бросили в черный космос, он куда-то летит в безбрежные просторы. Надо проверить, не случится ли там что-нибудь с его головой? Значит, давайте в сурдокамеру его посадим, пусть он там посидит в одиночестве — посмотрим его психологическую устойчивость. И вот — сидели. Я 15 суток отсидел — тогда этого не было еще в ходу (*смеется*), после стали эти 15 суток уже широко известны.

Потом — летная подготовка. Нужна ли она? Мы, как летчики, конечно, только приехали, сразу летать, и никаких вопросов. Не мыслили себе подготовку космонавтов без летной подготовки. Но когда мы начали заниматься этим вопросом, то поняли, что летную подготовку придется отставить. Почему? Во-первых, напряженные тренировки, ведь из нас надо было сделать физически крепких парней, это безусловно, хотя мы и не слабенькие были, но нужна была специальная подготовка. Во-вторых, тщательное изучение совершенно новой для нас космической техники, теории — баллистика, автоматические системы управления космическим кораблем, системы терморегулирования и т.д. В-третьих, медицинские проблемы, связанные с полетом. Многие специалисты читали нам лекции по основам авиационной и космической медицины. И мы поняли, что с этим объемом справиться очень сложно, тем более, что к авиационным полетам надо тоже тщательно готовиться, и на это нужно время. Где-то недели две мы «поболтались» между тем и другим, и все дружно доложили командиру, что так дело не пойдет. И тогда летная подготовка была исключена из программы подготовки к первому полету.

Так что правильно говорят, что шли трудными путями, приходилось этот путь буквально «нашупывать». После второго полета появились новые виды тренировок, связанные с вестибулярным аппаратом, которых раньше не было.

О дне встречи Юрия Алексеевича Гагарина

Мы прилетели на встречу, на место приземления несколько позже, чем Юра приземлился на самолете. Когда подходили к его самолету,

там стояла толпа народу, пробиться было невозможно. Я тогда, откровенно говоря, совершенно не понимал, что такое случилось, свершилось. Хорошо представляя себе действие перегрузок, тишины (хотя, как оказалось, в кабине космического корабля не так уж и тихо), мне прежде всего хотелось узнать о невесомости. Как она будет влиять на состояние человека? И вот это — ну кто мог рассказать? Только Юра.

Я пробивался к нему через плотно стоящих людей, расталкивал их локтями, моя субординация вдруг куда-то исчезла. На меня искоса поглядывали, говорили: «Куда ты прешь, старший лейтенант?» Ну, а я все-таки пробрался к Юре, и мы с ним, конечно, ничего сказать не могли, просто обнялись, потрясли друг друга. Многие не знали, с кем это он обнимается.

Был еще один такой курьезный случай на стартовой площадке перед моим полетом. Уже заканчивалась подготовка — машина уже стояла на старте. Сергей Павлович^а подошел ко мне и спросил, не хотел бы я еще раз посидеть в кабине перед стартом. Я сказал, что желательно.

Вообще-то нежелательно, потому что там уже все сделано, но если надо, то, пожалуйста, — сказал Сергей Павлович.

И вот мы с ним поехали на стартовую площадку, поднялись наверх, я сел в кабину. Сергей Павлович сказал: «Сиди сколько нужно» — и спустился вниз. У него работа своя шла. Я посидел минут пятнадцать, все посмотрел, спустился вниз. Я был в гражданской рубашке — жарко было. Стоим с Сергеем Павловичем, разговариваем, подходит к нему кто-то из инженеров-испытателей и говорит: «Сергей Павлович, Вы говорили, космонавт приедет, долго ли его еще ждать?» Сергей Павлович улыбнулся и сказал: «Продолжайте работу, космонавт уже был там, уже спустился».

Так что там, в Куйбышеве, тем более, меня многие не знали. Именно там я понял, что случилось нечто выдающееся. Никто ведь не объявлял, никто никого не предупреждал и не оповещал, но когда мы ехали по улицам Куйбышева к домику, где должны были остаться — улицы были буквально запружены народом. Люди ликовали, цветы откуда-то появились, все пытались остановить машину, сужая проход. Гагарин ехал в закрытой машине, да все мы ехали в закрытой машине, и я даже несколько — не возмущался, а просто меня раздражало то, что собрались люди, когда надо ехать, готовиться к докладу Государственной комиссии, дело ждет — мне это было непонятно.

Ну, а когда мы уже прилетели в Москву, поняли, что случилось что-то такое. Нас — весь первый отряд — пригласили на Красную площадь, мы во главе с нашим командиром Карповым⁴ прошли возле Мавзолея.

Юра был немного уставший — представляю, как на него все это свалилось — фейерверк человеческих чувств и любви народной, и чтобы он нас заметил, чтобы обратил внимание на нас, ребята подняли меня на руки, и так мы прошли.

---

^а Сергей Павлович Королев.

Все сейчас знают, что подготовка к космическому полету, сам полет были и сложными и напряженными, но то, что было после полета, я считаю одним из серьезнейших испытаний космонавта.

РГАНТД. Арх. № 768 (фоно).

№ 2

Рассказ летчика-космонавта СССР Г.С.Титова о подготовке к полету и о полете на космическом корабле «Восток-2»

Записан 12 апреля 1980 г. на Гостелерадио СССР

Одной из основных задач полета космического корабля «Восток» была задача посмотреть, как Юрий Алексеевич перенесет 90 минут полета. Нужно было узнать, произойдет с ним что-нибудь или нет, привязывать его ремнями к креслу или дать ему возможность от кресла отвяжаться и свободно поплавать в невесомости.

Когда готовился второй полет, основная задача была сформулирована врачами — попробовать поспать в космосе. Вообще-то говоря, спать (для меня, по крайней мере) всегда было приятней, чем работать (*смеется*), поэтому этот раздел программы я выполнил с особым удовольствием. Сон был достаточно глубоким, я так и доложил потом Государственной комиссии, что отдохнуть, спать в космосе возможно, и после сна человек, в общем-то, чувствует себя отдохнувшим, также, как и на Земле. Были, правда, некоторые детали — спать мне приходилось с некими перерывами, потому что становилось прохладно, даже холодно. Так работала система терморегулирования. Температурный датчик был настроен таким образом — предполагалось, что человек будет выделять определенное количество тепла, считалось, что тепла будет выделяться много. А оказалось, что его существенно меньше, чем на Земле. Поэтому датчик, даже выведенный на максимальную температуру, не обеспечивал комфортных условий. Так же здорово мешал скафандр. Это же был скафандр, рассчитанный на все случаи жизни. Сейчас у нас скафандры защитные, только на случай разгерметизации, а тот был автономной системой — как бы корабль в корабле.

В программе был также пункт — попробовать принимать пищу во время полета из этих нашумевших тюбиков, приобретенных после полетов первых космонавтов мировую известность.

Большое место среди задач, которые ставились перед первыми космическими полетами, занимали вопросы, связанные с управлением космическим кораблем. Первая группа космонавтов, которая готовилась к полетам, со всеми этими задачами, на мой взгляд, справилась блестяще. То, что мы тренировались на все случаи жизни, с запасом прочности — это было неплохо, потому что надо было быть готовым к любым неожиданностям, к любым нагрузкам и перегрузкам, которые могли возникнуть во время полета.

Самое большое, яркое впечатление осталось у меня от того момента, когда я оказался в условиях невесомости. Мне показалось, что меня перевернули, поставили с ног на голову. Потом предметы, привязные лямки начали вести себя совсем, как в сказке.

Второе сильное впечатление — от того, как выглядит наша Земля с высоты космического полета. Зрелище — прекрасное. Наши космонавты кое-что сняли на киноленту, и благодаря им земляне тоже это увидели. Я думаю, что космические зори действительно прекрасны, и о них еще поэты напишут стихи, когда сами там побывают.

РГАНТД. Арх. № 686. 515 (фоно).

№ 3

Выступление летчика-космонавта Г.С.Титова в литературном объединении «Высота» о работе над своей книгой «Голубая моя планета»

Записано 28 апреля 1984 г.

Я году где-то в 1963 решил, что писать надо самому. Не надо никаких литературных записей, обработок, потому что, как бы ни был талантлив журналист, — если он пишет о чужом, вряд ли он сможет проникнуть в суть событий и показать глубину переживаний самого автора.

И вот у меня собралось довольно большое количество записей. Я писал не в каком-то одном ключе, а просто под настроение, и все это, накопленное за годы, поместил в эту книжку. Хотелось мне в ней (хотя, может быть, не совсем получилось) рассказать о судьбе тех первых космонавтов, которые стояли у истоков космической эры, рассказать о том, как мы готовились к первому полету. И главное — хотелось ответить на многочисленные вопросы наших молодых людей — что же надо делать для того, чтобы полететь в космос? Ведь за эти годы приходило очень много писем.

Однажды я получил письмо из Николаева. Писал паренек, который учился в 10-м классе. Он сообщал, что у него около десяти разрядов по различным видам спорта — и вторых, и первых; что он через день пробегает по 50 километров на тренировках, ему уже семнадцать лет, а он все еще не в отряде космонавтов. Он просил меня помочь ему попасть в этот отряд.

Я тогда, не думая о последствиях, взял и написал ему, что у нас черной школы нет, а поскольку среднее образование обязательно, то ему сначала надо окончить школу, а потом разговаривать о том, чем заниматься дальше.

Проходит какое-то время, вдруг — звонок в дверь. Открываю — стоит паренек и говорит: «Здравствуйте! Я окончил школу и приехал, вот письмо». Мне он сразу понравился, симпатичный парень, напористый такой, убежденный. Может, не все понимающий до конца, но в основе своей правильный.

Зашли мы с ним, сели, стали беседовать. Я ему говорю: «Какую цель ты преследуешь, стремясь в отряд космонавтов? Представь себе, что нам с тобой завтра дают ракету, и мы летим в космос. Зачем ты туда полетишь? Что бы ты там хотел узнать, посмотреть и пощупать?»

Он отвечает: «Я, Герман Степанович, об этом еще не думал».

И у меня тогда родилась мысль такая, что надо нашим молодым людям рассказать, что, кроме крепкого физического здоровья, космонавту в полете совсем неплохо иметь еще и голову — на всякий случай!

Мы хотели, чтобы человек, вернувшийся из полета, проведя там целые серии испытаний систем космического корабля, рассказал нам квалифицированно и со знанием дела, что это такое. Значит, это должен быть специалист.

Я, конечно, когда писал, не мог уйти от биографии своей. Да, собственно, и не хотел уходить. Потому что, рассказывая о себе, хотел показать, что так вот и живут у нас. То есть, если захотят так вот прожить жизнь, могут достичь тех целей, к которым стремятся. Но получилось, что я больше рассказываю о себе.

Книжка вышла — слово сказано. И еще одна была у меня идея, которую я до конца еще не осуществил. Мне хотелось бы показать, что все то, чем живут обычные люди, не космонавты — все это присуще и свойственно и космонавтам.

Поскольку поколение первых космонавтов воспитывалось в советское время, училось в советской школе, то все это прежде всего — результат труда. Большого труда каждого. Я там привожу пример, как Юрий Гагарин после окончания училища (а ведь окончил он по первому разряду) специально попросил направить его на Север. Потому попросил, что условия работы там крайне сложны и требуют от летчика каждодневной собранности. Погода там изменчивая, безоблачных дней бывает мало, полгода ночь, полгода — день. В этих условиях и произошло становление Гагарина как летчика.

РГАНТД. Арх. № 378 (фоно).

Примечания

¹ Каманин Николай Петрович (1908—1982) — советский военный деятель, генерал-полковник авиации (1967), Герой Советского Союза (1934). В 1966—1972 гг. работал в Главном штабе ВВС; руководил подготовкой космонавтов. С 1960 по 1971 г. помощник Главнокомандующего ВВС по космосу. Вел дневники, которые назвал «Космические дневники генерала Каманина». В них зафиксированы многие важнейшие события «утра космической эры», в которых он принимал непосредственное участие. Собранные воедино, дневники были изданы ОО ИИД «Новости космонавтики» в четырех книгах, последовательно вышедших в 1995, 1997, 1999 и 2001 гг.

² Королев Сергей Павлович (1907—1966) — советский ученый и конструктор в области ракетостроения и космонавтики, главный конструктор первых ракет-носителей, ИСЗ, пилотируемых космических кораблей, основоположник практической космонавтики, академик АН СССР (1958, чл.-корр. с 1953), член Президиума АН СССР (1960—1966), дважды Герой Социалистического Труда (1956, 1961).

³ Вершинин Константин Андреевич (1900—1973) — Главный маршал авиации (1959), Герой Советского Союза (1944). С января 1957 по 1969 г. — главнокомандующий ВВС и заместитель министра обороны СССР.

⁴ Карпов Евгений Анатольевич — авиационный врач, первый начальник Центра подготовки космонавтов.

«В ПРОМОЦИИ ВАШЕЙ Я ВСЕГДА БЫЛ УВЕРЕН»

Письма П.Н.Милюкова С.Ф.Платонову. 1890 г.*

№ 6

23 мая 1890 г.

Простите, Сергей Федорович, что замедлил несколько ответом на Ваше последнее письмо: только что сбыл с рук диспут (7-е мая), как пришлось налечь на составление отчета для Athenaeuma¹ и наглотаться для этой цели всяческой беллетристической, драматической и философской дряни. Сегодня, наконец, отчет сделан, и я могу окончательно и решительно засесть за диссертацию. Поздравляю Вас — и себя, конечно, — с Вашей новой порцией в «Журнале М[инистерства] н[ародного] пр[освещения]». Спасибо за отгиск рецензии на Чечулинские города; на днях, в заседании Археол[огического] общества, мне попала в руки майская книжка, которая оказалась для меня втроене любопытной, и которой я и занялся все время заседания. Совершенно согласен с Вашими замечаниями на книгу Чечулина. Чечулинский ответ сильно смутил меня в нескольких местах, так что, придя домой, я перечитал свою рецензию, но, перечитавши, совершенно успокоился: сколько я запомнил его рецензию, все его обвинения совершенно напрасны и опровергаются контекстом самой рецензии. Насколько сам ответ убедителен для нечитавших рецензии, не мне, конечно, судить. В обзоре Шмурло мой «очерк» отштудирован так основательно, что теперь, кажется, было бы с моей стороны нескромностью еще раз угощать публику своим рефератом в «Библиографе». Во всяком случае, я должник перед «Библиографом».

Вы уже получили, наверное, майскую книжку «Русской мысли», в которой помещена моя статейка о Якушкине: возражения были взяты из этой же статьи. Ключевский возражал преимущественно на то, что касается XVII в. в диссертации (особенно поместной системы), а также на изложение закона о майорате; кроме этих пунктов, возражения были почти исключительно методические. Передать их, как следует, я бы не мог, может быть, потому что был занят предстоящими мне собственными возражениями, может быть, по свойству самих возражений, которые иногда были несколько *uberfeinert*². Первую половину возражений Ключевского слушал, впрочем, и Майков, от которого Вы лучше узнаете.

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 2001. № 3. С. 137—148.

² Утонченными, изощренными (нем.).

О «библиографической комиссии» я спрашивал Вас потому, что от ее имени делал мне Кареев предложение участвовать в библиографии; он спрашивал меня, между прочим, и о том, куда поместить отчет историко-географический, и, разумеется, по этому поводу я набросал свой план распределения вообще материала в отделении русской истории (по рубрикам: политическая, внутренняя и областная история) и просил его предложить «комиссии». Как член комиссии, Вы, значит, этот план видели?

Книга Данилевского² мне очень понравилась; я готов признать, что выражается он часто очень неумело и туманно, но не совсем, чтобы можно было сократить книгу страниц на 200; ведь он, в сущности, слишком мало и так раскрывает свой материал. Во всяком случае, и тема и материал выбраны очень удачно; и в общем, если выкинуть некоторые выступления из пределов XVII в. и некоторые части последней главы, — он совладал с темой и дал много нового и важного (особенно, относительно раскладки и взимания).

Теперь Вы, вероятно, уже разделались с диспутом [...] ^a. Что его кандидатура в Варшаву? Однако, таки, выдался же Вам этот год: просто захворать можно от такого множества всевозможных обязанностей и повинностей. И в довершении всего — на лето оставаться все там же, в Питере или возле Питера! Для меня, правда, последнее обстоятельство весьма приятно: значит, моя диссертация будет у Вас под крылышком. Я сам тоже остаюсь в своей квартире до осени; семья, конечно, уже переехала на дачу, так что я в одиночестве, с радужными надеждами покончить, наконец, с текстом своей диссертации.

Еще раз от души поздравляю Вас с новым фазисом в истории Вашего бюджета; у меня даже на горизонте нигде не видно ничего похожего на возможность освободиться от беготни по урокам, и тем осязательнее мне представляется важность данного момента в Вашей автобиографии. Передайте мой поклон и поздравления и Надежде Николаевне³.

Преданный Вам

П. Миллюков

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 13—14.

№ 7

7 июня 1890 г.

Я почти уверен, что при том избытии материала в редакции «Журн[ала] Мин[истерства] н[ародного] пр[освещения]», о котором Вы пишете, я главным образом Вашей дружеской протекции обязан тем, что попаду в сентябрьскую книжку; позвольте, поэтому, Вам и принести за это мою искреннюю благодарность. Отвечаю разом по пунктам на поставленные Вами вопросы: 1) Число печатных листов я, по совести,

^a Далее неразборчиво.

не могу точно определить; но полагаю, что диссертация будет иметь около 20 листов (без приложений); 2) Между 15 июля и 1 августа я вышлю все, что успею сделать до того времени; в моих интересах обработать окончательно большую часть текста летом; но, наверное, при соблазнительности постоянной работы в архивах и вытекающего отсюда увеличился материал во время самой обработки текста, я засяду преимущественно на первой половине, а вторую придется доделывать зимой; отсюда извлекаю и свой ответ на 5-й Ваш вопрос: всего оригинала сразу я, конечно, не доставлю, и то, что не пришло в первый срок, мне всего удобнее посылать частями по мере появления в журнале и под давлением журнальных сроков. Во всяком случае, обязываюсь не запаздывать; 3) Относительно гонорара, разумеется, согласен; 4) Раз корректура в Ваших руках, я совершенно спокоен относительно точной передачи моей рукописи и ничего бы лучшего и сам не мог выдумать (NB: неужели Вы должны будете корректировать *все*, что будет печататься в журнале? Работа немалая); но дело в том, что я имею слабость продолжать в корректуре отделку изложения, отделку выражений и т.д.; когда забудешь несколько свой рукописный текст и видишь его перед собой в гранках, все неясности выражений легче бросаются в глаза, и представляется удобный случай для мелких поправок. Ввиду этого мне хотелось бы получать корректуру и до печатания в журнале.

Что касается до желаний моих относительно окончания книги, то мне хотелось бы защитить ее в пределах будущего академического года (1890—[18]91), хотя бы весной; если можно раньше, — разумеется, будет лучше, но не хотелось бы затягивать на следующее лето.

Со своей стороны, могу ли я просить Вас дать мне более точный расчет, что мне остается из гонорара с каждого листа средним числом, при 600-х оттисках для меня. Мне важно это знать, потому что я уже чувствую, что остается мало и за приложения придется таки приплачивать свои. В настоящий момент я доканчиваю отделку первой главы, в которой будет идти речь о госуд[арственном] хозяйстве XVII в. Пользуясь отсрочкой отсылки, я чувствую, опять задержусь на этой главе, вопреки требованиям общей экономии работы; но очень уж соблазнительно богатство материала в Арх[иве] М[инистерства] ин[остранных] д[ел]; Данилевский начал его эксплуатацию, но — далеко еще не кончил. Дальше пойдет легче, там больше запасено и подготовлено ранее.

Одновременно с письмом посылаю Вам оттиски статьи о Якушкине. О Безобразове писал один только что кончивший студент, Смирнов, который специализируется на Византии, — только не благодаря Безобразову, — малый очень дельный. В «Р[усской] м[ысли]» вообще по всеобщей истории будут теперь появляться от времени до времени рецензии учеников Виноградова⁴.

Преданный Вам и весьма благодарен

П. Милюков

№ 8

*Москва**10 июля 1890 г.*

Прежде всего, любезный Сергей Федорович, поздравляю Вас с семейным событием, о котором узнал из Вашего письма, судя по тону его, Ваше настроение теперь самое прекрасное и бодрое. Спешу набросать это письмо, чтобы успеть на сегодняшнюю почту и послать его вместе с 1-й главой, которую только что дописал. Мой первенец несколько таки распух от чересчур старательного ухода за ним, но я все еще питаю надежду, что это не поведет к хирургической операции разрезывания его на части; если это придется сделать, боюсь, что это будет великой поблажкой моей лени. Впрочем, да будет воля Ваша. Поздравьте супругу с счастливым событием и простите за такое коротенькое письмо. Если знаете Адамова, то перевод присылайте прямо ко мне. Барсова теперь нет в Москве и печатать до осени все равно нельзя будет; а тогда можно будет на ближайшем заседании получить санкцию Общества, а может быть — обойтись и без санкции.

Преданный Вам

П. Миллюков

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 17.

№ 9

15 июля 1890 г.

Очевидно, мое письмо пропало, оно было послано с рукописью вместе. Из содержания его повторю только поздравление Вам и Вашей супруге с семейным приращением и замечание, что, судя по тому последнему письму, Вы находитесь в отличнейшем настроении. Что касается оглавления перед текстом, я хотел бы во всяком случае сохранить его в диссертации, и, разумеется, предпочел бы видеть его и в виде статьи; но во всяком случае, в чужой монастырь с своим уставом соваться не стану. Может быть, можно разнести заголовки к обязательным параграфам? Может быть, можно сохранить их и в начале статьи в сокращенном виде — в 3-х — 4-х строках? Это было бы все-таки предпочтительнее полного уничтожения. Во всяком случае, ведь можно будет набрать оглавление в моей редакции — для диссертации? В остальном же — Ваша полная воля. Я вспомнил, что в пропавшем письме был еще и ответ Вам по поводу Адамова; я говорил, что, если по Вашему, перевод удовлетворителен или вообще Вы знаете переводчика, то присылайте прямо ко мне рукопись: осенью ее можно будет печатать, предва-ривши о том общество в ближайшем заседании.

Сию теперь над 2-й главой, хотя очень отвлекают от правильной работы хлопоты о перемене квартиры. С середины 20-х чисел наш адрес будет: Плющиха, д. Бартенева (рядом с теперешней квартирой). Посылать письма и корректуру, во всяком случае, можно и по второму адре-

су. Дружинин был у меня и, к сожалению, меня не застал. С Л.Данилевским ведем письменно полемику по поводу «живущей четверти», относительно которой я послал ему выписку из первой главы [...]»^а с Бестужевым⁵.

Всего хорошего, душевной бодрости Вам, полного здоровья ново-рожденной и супруге Вашей; впрочем, всем этим, вероятно, Вы и семья уже пользуетесь.

Ваш П.Милюков

Р.С. Бычков⁶ сказал шведу Карлсону⁷, что у него совсем уже готов третий том «Писем и бумаг П[етра] В[еликого]». Врет или не врет?

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 18—19.

№ 10

18 июля 1890 г.

Благодарю Вас, Сергей Федорович, за выражение сочувствия моей первой главе; с ней я таки порядочно повоzilся и к впечатлению моего первого читателя, особенно, если этот первый читатель — Сергей Федорович Платонов, — далеко не равнодушен. Я даже хотел просить Вас сообщить это впечатление, но никак не предполагал, чтобы среди своих хлопот Вы рискнули прочесть мою рукопись, тогда как Вам все равно придется возиться с корректурой. И теперь обращаюсь с вопросом: не заметили ли Вы неясностей, неточностей или прямо вранья? Теория Середонина⁸ меня очень интересует, хотя по намеку об опричнине я не могу еще сообразить, в чем она заключается: территория опричнины распределялась по всем пяти будущим четвертям, и ни одной из четвертей не исчерпывала. Если эта теория послужит к дальнейшему разъяснению отношения чети к дворцовому управлению, то мне будет особенно интересно.

Следующую главу я готовлю к октябрьской книжке. Если же Васильевский заставит раздробить первую главу (что бы мне *ужасно* не хотелось), то нельзя ли будет устроить следующим образом: напечатать в сентябре листа 4 (откинув 2 последних параграфа), а остальное *вместе с 2-й главой* в октябре. 2-я глава будет занимать не более двух листов: так как она довольно скучна, то для меня выгоднее сделать ее покороче, со-общив только самое необходимое. Дело идет о состоянии приказного хозяйства перед Северной войной, со всеми изменениями, произведенными за промежуток 1682—[1]701 гг. Вчерне она уже у меня готова, так что, если можно будет поместить *всю* 1-ю главу в сентябре, на октябрь я, может быть, прислал бы и часть 3-й главы.

Ваш П.Милюков

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 20.

^а Далее неразборчиво.

№ 11

26 июля 1890 г.

Сижу на новой квартире (Плющиха, д. Бартенева) и среди всеобщего разрушения правлю Вашу корректуру. Цифр и ссылок у меня многих не нашлось под руками; текст, кажется, исправлен. Примите под свое покровительство некоторые добавки, например, на л[исте] 8-м; верно, наборщики меня за них поругают. Спасибо большое Вам и Васильевскому за разрешение печатать всю главу и с оглавлением.

Ваш П. Миллюков

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 21.

№ 12

Воскресенье, 29 июля 1890 г.

В Вашем последнем письме очень много пунктов, требующих ответа, и чтобы не пропустить ни одного, я буду Вам отвечать в порядке Вашего письма.

Во-первых, еще раз спасибо за помощь мне по печатанию первой главы; передайте при случае и Васильевскому мою благодарность. Набором Ваших типографшиков я, наверное, гораздо более доволен, чем они моим оригиналом; что делать, постараюсь впредь давать оригинал повразумительнее. При чтении гранок (неужто Вы и гранки и листы будете читать?) будьте посуровее и попривидирчивее и критикуйте меня, пожалуйста, на все корки. Середонинская теория мне, действительно, кажется, не помешает, также, как и моя ему. Очень интересно узнать, что же — в четьях распределены, по его словам, одни опричные города? А земские где? Если опричина *фиск*, то существовал ли рядом какой-нибудь *aerarium*^a, — и где именно? Толкование Флетчеровых четвертей⁹ для меня также будет весьма любопытно: считает ли он, что четверти старые и четверти 1588 г. — (т.е. областные и приказные) — одно и то же, или разные?

Как Вы думаете, можно ли будет у его Высокопревосходительства выклянчить листы третьего тома и можно ли рассчитывать в случае благосклонного согласия Его Высокопревосходительства получить эти листы в течение, примерно, месяца?

Отдельных оттисков я предполагаю сделать 600; оттиски из «Журнала М[инистерства] н[ародного] пр[освещения]» нужны мне в ограниченном количестве: именно, чтобы всучить лицам, которые будут или которых мне хотелось бы иметь своими оппонентами. Впрочем, если это не составляет расчета для журнала, присылайте узаконенное число; если кто-нибудь поинтересуется в Питере ими, оставляйте у себя, сколько вздумается. Гонорар, конечно, оставляйте в редакции. Бумагу,

^a Казначейство, государственная казна (лат.).

следуя Вашему совету, выбираю «Р[усской] старины». Приложения я до сих пор не пристроил и буду в восторге, если Ваша типография возьмется за это дело по сходной цене. При справке о ценах не забудьте, что значительную часть приложений составляют таблицы — цифры, цифры и цифры. Ваши сведения о моей кандидатуре в Варшаву имеют, кажется, некоторое основание. Именно, Будиловичу¹⁰ во время его пребывания на съезде было, кем — не знаю, поручено переговорить об этом со мной; но лично он мне этого предложения не делал, а через несколько времени после того, как все разъехались из Москвы, я получил от Елпидифора Барсова письмо, что ему нужно говорить со мной по важному для меня делу, о котором я, вероятно, уже осведомлен Будиловичем. Я хоть и не знаю, о чем речь идет, но предположил, что об этом; и отвечал ему письменно, что если Буд[илович] хочет сделать такое предложение, то напрасно, ибо это было для меня не подходяще: в Москве те уроки дадут мне то, что может дать штатное приват-доцентство, а московских архивов в Варшаве нет. Таким образом, независимо от того, что я никогда не решился бы перебивать дорогу приятелям (я знал о кандидатуре Шмурло), я вообще не склонен уезжать из Москвы, хотя, увы, не потому, чтобы был уверен, что меня «не пустят»; я, правда, не имею случая сосчитать своих друзей в факультете, но мой принципат, во всяком случае, не в их числе, — а это имеет решающее значение.

О возможности перехода Иконникова¹¹ в П[етербургский] у[ниверситет] говорят почему-то и у нас, хотя я не мог уследить никаких других оснований для этих разговоров, кроме соображений о «беспорочной службе» и о старшинстве. Слухи о Ключевском меня привели в дурное настроение; хотя я теперь должен бы быть готов всегда стать в оборонительное положение, но у меня относительно его преобладает одно чувство: мне его страшно жаль. Ему, должно быть, очень тяжело и скучно жить на свете. Славы, — большей, чем он достиг, он получить не может, и напротив: после речи об Онегине, которая была кульминационной точкой в его популярности и в проявлении к нему поклонения публики, разные мелкие признаки, несомненно, еще раздуваемые его самолюбием, должны показывать ему, что поклонение ему имеет границы. Жить любовью к науке — вряд ли он может при его скептицизме; он работал больше всех нас когда-то; но тогда он был одинок и непризнан; тогда вокруг него была ученая публика, или мешавшая выйти ему на свою дорогу, как Соловьев¹², навязавший ему (это одно из больших его...) глупую тему о житиях святых, или такого сорта, что не в ученое общение приходилось с ней входить, а хорошенько прятать от нее свое добро; и при всем этом — уроки, уроки, уроки. Теперь он признан, обеспечен; каждое слово его ловят с жадностью; но он устал, а главное, он не верит в науку: нет огня, нет жизни, страсти к ученой работе — и уже поэтому, нет школы и учеников. К счастью для него, он по самому характеру необщителен, а то эта изолированность должна бы была причинять ему немало огорчений. Вот когда я думаю о том, что в черные минуты, которых, чем дальше, становится больше, — он перебирает и преувеличивает все эти обстоятельства, и чувствует при этом, что жизнь

уже прожита и что переменить во всем этом он ничего не может, — прожита бесцельно, потому что в свое дело он не верит, — и бессодержательно, потому что вся личная история рано замкнулась в семейном круге, качества которого мы все знаем; — когда я думаю, что временами ему должно с ужасной ясностью представляться, как все живое в нем умерло и жизнь движется в одних рамках установившейся привычки, — я воображаю, как ему должно быть противно и жутко; и поэтому-то я чувствую к нему страшную жалость. Выпивает он теперь столько же, как всегда; как прежде, кутит иногда с приятелями (особенно в Лавре) и факт, что его «увезли» домой, не представляет ничего невозможного, но и ничего доказательного; но ведь что грустно: в нравственной, как и физической жизни, бывает момент, когда все носившиеся в воздухе микроорганизмы, безвредные для живого тела, набрасываются на угасающую жизнь и начинается ужасный процесс разложения заживо. Не дай Бог никому дожить до момента, когда жалкие микробы сплетен начинают хозяйничать в нравственном существовании, как в пустой квартире, оставленной жильцами, и когда они действительно становятся губительными для существования, не догадавшегося прекратиться вовремя, сделавшегося заживо добычей смерти.

На этом месте мои ламентации были прерваны приходом Е.Н.Щепкиной¹³, которая принесла очень приятное известие о том, что Константин Николаевич Бестужев в Москве и зовет меня завтра вечером поведаться. У меня слабость к этому старцу; я ишу в нем и нахожу все то, что мне так хотелось бы видеть в Василии Осиповиче, в человеке, которого я имел бы право назвать своим учителем. Но, видно, такая судьба нашего просвещения, что каждое новое поколение сваливается с неба и каждое сызнава открывает свою Америку. Как не ценить тут шестидесятилетнего старика, сохранившего восприимчивость и отзывчивость? С ним у нас чувства те же, хоть язык разный. Это гораздо лучше, чем на одном языке не понимать друг друга, если чувства различны.

Сейчас только наша квартира пришла в настолько удовлетворительный вид, что я могу приняться за работу, прерванную пять дней тому назад. Вторую главу, во всяком случае, приготовлю к сроку.

Ваш П. Милюков

Корректуру пошлю завтра, в понедельник. Некоторых цифр и ссылок у меня нет в черновиках. Таблицу скорректировал, я сократил, хочется, что лучше.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 22—24.

№ 13

10 августа 1890 г.

Отправляю Вам, любезнейший Сергей Федорович, вторую главу, которая тоже так распухла в третьей редакции листов до 3-х, хотя я и сокращал ее, сколько возможно. Материал был тяжелый; не знаю, на-

сколько оживила его и сделала удобочитаемым моя группировка. При обработке последнего параграфа у меня не оказалось в руках тех окончательных цифр, которые приняты в напечатании: текст & 7; поэтому я не мог сделать сравнение между бюджетом в 1680 и 1701 [годах] в достаточно определенной форме. Не выручите ли Вы меня из этого затруднения, прислав *вместе с* корректурой этой главы также и гранки первой, если только они еще не уничтожены? Типографии и Вам они теперь, наверно, не нужны.

Меня очень порадовало Ваше впечатление от первой главы. Общие приемы изложения я сознательно изменил сравнительно с приемами моих журнальных статей: тон книги и статей должен быть, как мне кажется, различен, как различна та публика, для которой они предназначаются: там я обыкновенно созидаю во французском вкусе, а здесь мне хотелось произвести постройку на английский манер, — чтобы было просто, прочно и дельно. Осмина ($1/2$ четв.) с четвериком ($1/8$ четв.) несомненно = $5/8$. Относительно того, почему именно на 4 части раздробился четвертной приказ, я мог бы только высказать то предположение, которое может сделать всякий: [...] ^a было велико, а в случае, если приходилось дробить, дробление на четверти употреблялось, думаю, не чаще и не реже, чем на трети, половины и т.п.; кто же их знает, почему именно на четверти! О соединении в некоторых случаях финансового управления с *военным* мне придется еще говорить при разборе вопроса о происхождении губерний; других соединений не знаю, ибо суд и администрация особых *округов* (исключая конца XVII в. для администрации), кажется, не имели, а примыкали к существующим, или к финансовым, или к военным. «Почему живущая четвь привилась на посаде» и, прибавлю, *когда* привилась, — это на самом деле требует дальнейшего изучения. Не думаю, чтобы это изучение разрушило мое объяснение того, как *платежная* четвь явилась первоначально на *служилых* землях; применялась же эта четвь на *дворцовых* землях; но реальной обстановки для объяснения ее происхождения и значения там — не найдешь. Как *условная* единица обложения она, во всяком случае, *естественно* применяется там, где, по существу, было сошное тягло только и может иметь *условное* значение (на посаде). Для меня важно специализировать генезис, а не *применение* живущей четверти. Но посмотрим, может быть, еще Лаппо-Данил[евский] что-нибудь надумает.

Насчет исправления последствий смуты мое впечатление, действительно, таково, что если в XVII в. когда-нибудь жилось не очень тяжело, так это во время Филаретова двоевластия¹⁴.

Я, право, не знаю, кому назначить экзemplяры оттисков: давайте всем, кому интересно или нужно, не стесняясь количеством; мне в Москву нужно их немного. Какую прислать доверенность — форменную, или просто на почтовом листке? Смету с Вашей припиской получил и благодарю Вас; поговорю еще кое с кем из знающих дело, и затем решушь вскоре.

В отношении моем к Бестужеву, несомненно, есть какое-то иррациональное начало: может быть, дело объясняется в значительной сте-

---

^a Далее неразборчиво.

пени тем, что нам приходилось встречаться до сих пор при благоприятных для взаимного самолюбия условиях. От него от первого не из «своих» мне пришлось узнать, что моя ученая работа имеет некоторое объективное значение, потом, я был поражен тем, с каким вниманием он преодолел мой скверно изданный курс историографии и до каких деталей усвоил его содержание. В истории его деятельности, в самом начале 60-х и конце 50-х годов, был момент, за который я готов ему и вполне сочувствовать; затем, не могу не сочувствовать тому, что мне представляется его «идеализмом» по отношению к науке.

Итак, «коварство» моего почерка сослужило мне великолепную службу: с его помощью я напечатаю в одном номере то, что Майков разогнал бы номера на три. Тем более чувствую и ценю великодушные новой редакции. Будьте же до конца великодушны: пришлите мне, Христа ради, старые гранки!

Ваш П. Милюков

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 25—26.

№ 14

[Сентябрь 1890 г.]^а

Нужно было бы сделать во 2-й главе одну поправку. Именно 179 десятин, переданные из ратуши в Ингерландскую канцелярию, по всей вероятности, не суть *оброчные*, а те же таможенные и кабацкие.

Таким образом следовало бы сделать соответственные изменения в рассказе о ратуше (т.е. уничтожить это толкование и все, что с ним связано); изменится текст и в последнем параграфе, что надо вернуть эту цифру из рубрики оброчных в рубрику заложенных и кабацких; не вернете ли мне на день эту часть гранок (§ 13), до которой, вероятно, сверстка еще не дошла? Если же поправлять и убирать окажется уже неудобным, — я отложу поправки до переверстки, но, пожалуйста, если можно, *до* переверстки.

Ваш П. Милюков

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 29.

№ 15

7 сентября 1890 г.

Спасибо за присылку параграфа 13. Главные поправки я там сделал; ограбил еще одно место, Поступления Ратуши (или Бл[ижней] Канц[елярии]); именно, в корректуру внесена поправка, я порой сравнивался, сколько было оброчных в «док[ументах] Бл[ижней] Канц[елярии] 1680 и 1701 г., и соответственным образом измерил % прироста крестьянского и кабацкого дохода. Кажется, достаточно будет

^а Дата определена по содержанию письма.

зачеркнуть поправку и возобновить, как было. Во всяком случае, надо скорректировать цифру 179481 и ее последствия — еще и еще раз — спасибо.

Ваш П. Милюков

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 30.

№ 16

[Сентябрь 1890 г.]^а

Только что кончил третью главу и спешу послать ее Вам, надеясь, что не пропустил еще крайнего срока. К счастью, мне удалось оттянуть начало лекций; иначе пришлось бы затянуть главу до следующего месяца. Но теперь, с тремя главами в кармане — полдиссертации! — и я уже смело вступаю в зимнюю страду, не опасаясь затянуть диссертацию на слишком долгое время. С этой возней я упорно сидел дома и потому, вероятно, петербуржцы могли бы мне сообщить московские новости. Во вторник начну в университете курс или семинарий, сам еще не знаю; и вообще, ужасно не хочется отрываться от своего «государственного хозяйства»; чувствую, что через неделю окажусь совсем в другом течении: куда унесет меня, не знаю. Следующая маленькая главка о переписи 1710 г., во всяком случае, поспеет в месяц, а что будет дальше, Бог весть.

В конце этой главы есть таблица, без которой мне показалось невозможным обойтись. Есть у Вас обычай прилагать таблицы на особых листках, или, может быть, ее можно будет уложить в страницы журн[ала], хотя бы поперек? Последнее, кажется, было бы лучше. Что поделявает в типографии мое приложение I-е? В этот промежуток времени, когда настоящее писанье, вероятно, застрянет, мне хотелось бы особенно приналечь на приложения. Когда отпечатают листы для книги, пришлете ли мне образчик? Если будет у Вас свободная минутка, поставьте меня в курс всех этих обстоятельств (но что меня ругают в типографии, об этом можно не сообщать, так как я сам это — увы — чувствую, и чувствую, что есть за что). Кажется, я писал Вам, что присылкой рукописи с корректурой Вы могли бы освободить себя от части труда; боюсь, что написавши это, я поставил Вас в неловкое положение: вы, петербуржцы, — совестливые люди и очень стесняетесь отказывать, даже тогда, когда не можете согласиться. Но я надеюсь, что со мной Вы церемониться не будете. Листы предыдущей главы, как в прошлый раз, мне хотелось бы иметь под руками во время корректирования: — это уже в собственных интересах. Не заметили ли в ней тоже какого-нибудь вранья? Еще раз поблагодарите от меня Середонина за великодушную поправку и о труде Горсея¹⁵ не забудьте у него спросить. Что Вы и Ваша семья? Как справляетесь с двойной работой? Я думаю, у Вас, в сущности, страшно прибавилось дела: вся корреспонденция «Журнала» ведь тоже идет через Вас?

---

^а Дата определена по содержанию письма.

Простите, что письмо вышло такое неинтересное. Жена кланяется Вам и Вашим.

Ваш П. Милюков

Читали о Л. Данилевском на обложке «В[естника] Евр[опы]» (сент.) ужасную заметку¹⁶? Мне очень жаль и обидно за автора.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 38—39.

№ 17

Москва

7 октября 1890 г.

С курсом, семинарием, 4-й главой и корректурами я так замотался, что до сих пор не смог удосужиться ответить Вам на последние два письма. Относительно гонорара я нахожу самым благоразумным поступить по Вашему совету, т.е. платить из него по мере задолжания типографии, — и надеюсь на поддержку характера и до окончания книги ничего у Вас не потребую. Таблицу, я думаю, лучше всего поместить в конец главы; если по типографским соображениям это окажется неудобно, тогда можно в конце ее после первых же строк последнего параграфа. Старался воздерживать себя при мелких поправках, но, — боюсь, — увидев корректуру, Вы меня не похвалите, а типография проклянет на всех семи соборах. Нельзя ли выслать мне два экземпляра чистых листов, так как я должен дать один Ключевскому, а другой нужен мне будет в следующей главе для цитат.

Получил беседу Валаамских чудотворцев¹⁷ от Дружинина и Дьяконова¹⁸ и прошу Вас поблагодарить их от меня; экземпляры присланного мне для передачи частью уже передал, частью будут переданы по назначению. Получил и от Шмурло отчет о VIII съезде; кстати, если Вы не дали еще ему оттиска 1-й главы, то дайте.

Скажите, пожалуйста, какая муха укусила Михайловского¹⁹, что он пустился в изучение чужих мнений об Иване Грозном? Обидели Вы его чем-нибудь в заседании Исторического общества?

Вчера послана корректура 3-й главы; сегодня Вам с письмом посылаю рукопись приложений II и III и листы 2-й главы. Посылаю Вам и оттиски одной своей статейки. Жду с интересом Середонинского письма. Напишите мне, как его зовут, а то я знаю только по изданиям «Р[усской] м[ысли]». Новостей пока никаких не слышать; разве, впрочем, вот Вам новость: Толстой²⁰ блестящим образом опровергнул свою Крейцерову сонату, — так как в непродолжительном времени у него ожидается ребенок. Владимир Соловьев²¹, распустивший слух об этом, прибавил, что Толстой так этим сконфужен, что остался на зиму в Ясной Поляне.

Ваш П. Милюков

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 27.

№ 18

7 октября 1890 г.

Сегодня утром отослал Вам письмо и оттиски, а вечером получил Ваше. К декабрьской книжке пришлю Вам четвертую главу, размером не более двух листов.

Могу передать Вам приятную новость, услышанную только сейчас: Ключевский подал в отставку от вице-реktorства — и, следовательно, возвращается к науке.

НВ. Я очень плохо понимаю типографию [...] ^a, — но не кажется ли Вам, что Ваша типография, называя ту бумагу, на которой напечатаны приложения мне лично, бумагой «Русской старины», — употребляет некоторый эвфемизм?

Ваш П. Милюков

Кстати, не нужны ли Вам экземпляры моей разрядной, допечатанной типогр[афией] [...] ^a? Я велел сброшюровать несколько оттисков для работы со студентами, и теперь у меня осталось экземпляра два свободных.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 28.

№ 19

28 октября 1890 г.

Представьте себе, что я даже очень доволен этой задержкою в «Ж[урнале] М[инистерства] н[ародного] пр[освещения]», о которой Вы пишете в последнем письме; таким образом совесть моя окажется спокойною, а между тем я выигрываю целый месяц в довольно важный для меня момент: следующая глава будет посвящена происхождению губерний, и я теперь погрузился по уши в изучение разрядной организации областных военных ведомств, которая должна объяснить многое. Надежда защищать весной диссертацию у меня понемногу слабеет, хотя я и не отчаялся еще окончательно: но ведь, в сущности, — весной или осенью, не все ли равно?

Взамен следующей главы буду просить Вас, насколько это, конечно, будет возможно для журнала, подтолкнуть типографию на счет прил[ожения] III: мне хотелось бы знать поскорее, сколько тут выйдет листов, чтоб сообразно с этим заготовлять в том или другом размере остающиеся приложения. Кстати, отпечатавши их можно бы было произвести генеральную расплату и рассчитать с большой или меньшей вероятностью, каким остатком от гонорара я буду еще располагать на дальнейшие расходы по книге и приложениям.

---

^a Далее неразборчиво.

У нас тишина мертвая: ученые общества лениво просыпаются от мертвой спячки; Общ[ество] и [истории] и др[евностей] р[оссийских] еще не собиралось ни разу; даже и наше Археол[огическое] общ[ество] без Уварова²² совсем заснуло; зато мы открыли новую (географическую) секцию Общ[ества] антропологии и ждем только рефератов, чтобы назначить первые публичные заседания.

В университете Корш²³ ушел в Одессу, увлеченный на старости лет романтической историей с одной из своих бывших учениц — фишерок; вместе с ним померкли последние, правда сказать, тоже довольно тусклые, проблески света на нашем филологическом отделении и остались одни чиновники (как Шварц²⁴ и Иванов) или идиоты (как Соболевский и Рождественский): все это, конечно, на пользу исторического отделения, которое начинает, кажется, несколько оправляться от кошмара минувшего пятилетия. Русская литература также фактически упразднена, за исключением Тихонравова²⁵, который, кажется, свил себе тихий уголок у одних московских богачей и предпочел некоторый денежный куш с этой стороны преимуществам академического кресла; он, впрочем, кажется, довольно серьезно болен, жену свез в сумасшедший дом и очень осунулся в последнее время. Ключевский тоже болел с месяц — нервного происхождения экземой; теперь поправился. Кстати, нельзя ли приобрести из моего гонорара экземпляр его разбора Вашей книги: меня сильно разбирает любопытство.

Середонину непременно напишу, как только разделаюсь с некоторыми делами, навалившимися на меня в эти дни «Русской мыслью». Всего хорошего. Мой глубокий поклон Надежде Николаевне.

Ваш П. Милюков

Вот московская аккуратность! Написал письмо 28-го, а отправляю его 31-го.

Сейчас получил письмо от Бестужева с напоминанием о «Чтениях». В отзыве ему буду писать, что отправил Вам статейку Белокурова; но подожду несколько дней: может быть, Вам неудобно передать ему эту выписку, тогда положите ее в конверт и отправьте сюда. Я отправлю к нему при письме, которое все равно нужно будет написать.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 31—32.

№ 20

Москва

8 ноября 1890 г.

Мне все приходится либо поздравлять, либо благодарить Вас, любезнейший Сергей Федорович; на сей же раз приходится одновременно и поздравлять, и благодарить. В промоции^a Вашей я как-то всегда был уверен, как в исходе само собой разумеющемся, и только удивлялся, почему она не произошла раньше, при Замысловском. Теперь, значит —

^a От лат. *promotio* — продвижение (по службе, в науке)⁵⁷.

все в порядке. Относительно Ваших предложений насчет лица и курсов я долго думал и вот результат моих размышлений. *Против* принятия их говорят два следующих весьма серьезных аргумента. Во-первых, мое положение в здешнем университете далеко еще не выяснено окончательно в неблагоприятном для меня смысле и выяснится, вероятно, не ранее защиты диссертации. В этом отношении Ваше предложение приходит для меня слишком рано и при необходимости немедленного ответа — ответ этот должен быть отрицательный. В другом отношении эти предложения, напротив, приходят слишком поздно. В качестве семейного человека я не могу двинуться в Питер на оклад в 1200 р., здесь мои уроки дают, правда, даже меньше, но при зарплатке жены и при моих дополнительных получках разного рода мы существуем, вероятно, тысячи на две, и нельзя сказать, чтобы мы ни в чем не нуждались. У вас же в Питере, говорят, жизнь еще дороже. Итак, вот два главных соображения, которые препятствуют мне принять Ваши предложения; хотя, увы, все-таки они кажутся мне настолько «не вздором», что минутами я все еще думаю, что буду со временем раскаиваться в этом отказе. Это, впрочем, я пишу Вам о моем *личном* настроении по поводу Вашего письма; для практических же целей принимайте мой отказ за безусловный и окончательный.

Теперь по поводу приложений. Таблицы набраны ровно на 4 стр. каждая и, я думаю, при верстке удобнее всего будет *справа* сверстать одни таблицы 1701—[170]9 г., а потом «распределения по рубрикам» за те же годы.

В корректуре последней главы (III) я сделал немало вставок, главным образом из арх[ива] князя Куракина²⁷; и очень прошу Вас взять эти поправки под свое покровительство. Еще одна просьба, или точнее запрос: у меня есть карта, на которой нанесены финансовые и военные округа XVII в. и губернии 1709 г.; полагаю, что для большей наглядности не дурно было бы приложить ее к следующей главе. Не согласится ли редакция «Ж[урнал] М[инистерства народного просвещения]» напечатать эту карту (у меня она в 6 красок) в журнале? Разумеется, это уже роскошь и на самую мысль просить об этом меня наталкивают здешние приятели; если Вы найдете, что это вещь невозможная, то, пожалуйста, не доводите моего запроса до Вашего главного начальника.

О Тихонравове я разумел, во-первых, его домашнее учительство у Сабашниковых²⁸, к которым он переселился в этом сезоне, а во-вторых, его сахарную болезнь (*Diabete maigre*), которая, по мнению здешних врачей, грозит ему близкой развязкой.

NB. Вот еще одна просьба, которую я всегда собираюсь сделать и регулярно забываю. С незапамятных времен я должен Дружинину 1 рубль. Полагаю, что он в качестве аккуратного казначея многих учреждений этого факта отрицать не станет. Этот 1 р. отдайте ему при случае из моего гонорара и снимите этот грех с моей совести.

Ваш П. Милюков

№ 21

[Начало декабря 1890 г.]^а

Подобно Вам, любезнейший Сергей Федорович, я предвкушаю приволье каникул, которые для меня наступят, главным образом, по окончании лекций, т.е. через одну — две недели. В настоящий же момент меня до такой степени затеребили и лекции, и разные редакции, и заседания ученых обществ, что возможность заниматься *одним* только делом, именно пятой главой, представляется мне настоящим отдыхом. Очень буду рад повидаться с Вами, если обстоятельства Вас отпустят в Москву: в этом случае приезжайте прямо к нам на Плющиху и останавливайтесь у нас, чем странствовать по гостиницам. Рад также я Вашему намерению почитать моего старого приятеля Иловайского²⁹ и с нетерпением ожидаю момента, когда можно будет поздравить Вас с его враждой. Сам я книги еще не видал и при полном теперь отсутствии свободного времени не знаю, когда она попадется и попадется ли вообще для рецензии в «Русской мысли». Кобеко я могу послать оттиск [...] ^б, если ему интересно.

При Рождественских каникулах условия набора февральской книжки «Ж[урнала] М[инистерства] н[ародного] пр[освещения]», вероятно, несколько иные, чем обыкновенно? Если да, то скажите мне последний (NB самый последний) срок, к которому я должен доставить 5-ю главу, чтобы она попала в эту книжку. По поводу 5-й главы я опять по уши залез в XVII век — в гораздо большей степени, чем первоначально считал нужным; по этому случаю, с окончательным редактированием текста несколько запаздываю и каждый лишний день будет для меня истинным подарком.

Итак, может быть, до свидания?

Ваш П. Милюков

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 35.

№ 22

15 декабря 1890 г.

Посылаю Вам 2 листа приложений; что касается третьего, мне нужно бы иметь при чтении рукопись таблиц, которые в нем сверстаны, так как гранок я не получал для последних двух из этих таблиц. Срок Ваш, данный для 5-й главы, весьма милостив и я надеюсь успеть даже раньше его истечения; во всяком случае, часть главы могу выслать раньше. Я рассчитываю, что глава выйдет листа в 4, но в виду того, что всякий раз аккуратно ошибаюсь в своих расчетах, не могу утверждать,

^а Дата определена по содержанию письма.

^б Далее неразборчиво.

что не наберит и пяти. Всего у меня предполагалось при начале работы 8 глав, но теперь имеется в виду и девятая: впрочем, это — вопрос не об увеличении материала, а об ином его распределении.

Если соберетесь в Москву, имейте в виду, что Архив юстиции с праздников (точнее с 21 числа) до нового года будет открыт всего дня на три, да и Арх[ив] м[инистерства] ин[остранных] д[ел], вероятно, не больше, так что выгоднее приехать уже к январю. Жду от Вас по обещанию Симоновской заметки и корректуры и также чистых листов 3-й главы, которые что-то застряли в типографии.

Люди, знакомые с положением дел, делают мне здесь многозначительные намеки, что в ближайшем будущем Иловайский сокрушит и меня в одном из своих писем в «Новом времени», а также, что подготавливается с этой же стороны коалиция с целью продвинуть варшавского доктора русской истории на московскую кафедру. Не знаю, сколько тут правды, но абсолютной уверенности, что «свинья не съест», отнюдь не имею. Доживем — увидим.

Итак, может быть, до скорого свидания.

Ваш П. Милюков

Бестужеву второй экземпляр чтений за 1889 и №1 за 1890-й гг. на днях велел отправить.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 37.

№ 23

[Декабрь 1890 г.]^а

Сию минуту кончил 4-ю главу и не дописал еще заключения, которое вставляю в корректуре: боюсь, что и так затянул посылку дальше всех возможных сроков. Судя по тому, как шло писанье этой главы, следующую вряд ли изготовлю к январю. До свиданья, стремлюсь на почту, чтобы не пропустить вечернего поезда.

Ваш П. Милюков

Передайте Бестужеву справку, полученную мной от Белокурова, — когда именно послать на его имя в университет разные тома «Чтений».

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 40.

Примечания

¹ «The Athenaeum» — английский литературно-публицистический журнал, в котором П.Н.Милюков сотрудничал с конца 80-х гг. XIX в. до конца 1897 г.

² Имеется в виду книга А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований» (СПб., 1890).

---

^а Дата определена по содержанию письма.

³ Имеется в виду жена С.Ф.Платонова — Н.Н.Шамонина (Платонова).

⁴ *Виноградов Павел Гаврилович* (1854—1925) — историк, профессор Московского (1884—1902, 1908—1911), Оксфордского (с 1903) университетов, автор работ по средневековой истории Англии.

⁵ *Бестужев-Рюмин Константин Николаевич* (1829—1897) — историк, профессор Петербургского университета (с 1865 г.), академик АН (с 1890).

⁶ *Бычков Афанасий Федорович* (1818—1899) — историк, археограф, библиограф, палеограф, академик АН, директор Публичной библиотеки (с 1882). Публикатор «Писем и бумаг Петра Великого», летописей.

⁷ *Карлсон Фридрих Фердинанд* (1811—?) — шведский историк, автор незаконченных трудов по истории королей из Пфальцского дома (8 томов).

⁸ *Середонин Сергей Михайлович* (1860—1914) — историк, профессор. Автор трудов по истории России, исторической географии.

⁹ Дж. Флетчер, английский посол в России, автор сочинения «О государстве Русском», под «четвертями» понимает организацию управления областями и княжествами: «Каждая четверть заведывает несколькими областями и несет определенную обязанность, от которой заимствует свою название» (См.: Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 53).

¹⁰ *Будилович Антон Семенович* (1846—1908) — филолог, историк, этнограф, славист, профессор Историко-филологического института кн. Безбородко (в Нежине), ординарный профессор русского и церковно-славянского языка, декан историко-филологического факультета Варшавского университета.

¹¹ *Иконников Владимир Степанович* (1841—1923) — историк, с 1871 г. профессор Киевского университета, с 1914 г. действительный член АН.

¹² *Соловьев Сергей Михайлович* (1820—1879) — историк, академик (с 1872). Автор «Истории России с древнейших времен» и др. сочинений.

¹³ *Щепкина Екатерина Николаевна* (1854—1938?) — писательница, посещала Высшие женские курсы Герье, в 1880—1882 гг. занималась историей под руководством К.Н.Бестужева-Рюмина, в 1895—1896 и 1898—1899 гг. — преподаватель русской истории на Высших женских курсах в Петербурге.

¹⁴ Имеется в виду время с 1619 г., когда отец царя Михаила Федоровича, патриарх Филарет (Романов Федор Никитич, ок. 1554/55—1633), вернувшись из польского плена, был фактическим правителем страны.

¹⁵ *Горсей Джером* (? — после 1626) — английский путешественник. Автор «Записок о Московии...»

¹⁶ Речь идет о рецензии, опубликованной неизвестным автором на последней странице «Вестника Европы» на труд А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований»: «В обширном труде г. Лаппо-Данилевского собрано очень много материалов по запутанному и сложному вопросам нашей финансовой организации в XVII в. Автор руководствовался не только печатными, но и рукописными источниками для разъяснения таких подробностей, которые даже для своего времени едва ли имели серьезное значение».

¹⁷ Имеется в виду русский памфлет XVI в., посвященный проблеме взаимоотношения светской власти и монашества, борьбе «за чистоту нравов» монашества. Неизвестный автор назвал свое произведение «Беседой и видением преподобных Сергия и Германа». Научно-критическое издание, вышедшее в 1889 г., подготовлено В.Г.Дружининым и М.А.Дьяконовым. Анализ «Бесед» дан в 3-й части «Очерков по истории русской культуры» П.Н.Милюкова.

¹⁸ *Дьяконов Михаил Александрович* (1855/56—1919) — историк, академик, автор трудов по истории Древнерусского государства и церкви, истории крестьянства XVI—XVII вв.

¹⁹ *Михайловский Николай Константинович* (1842—1904) — писатель, с 1869 г. сотрудник «Отечественных записок», с начала 1890-х гг. редактор «Русского богатства».

²⁰ *Толстой Лев Николаевич* (1828—1918) — граф, писатель, член-корреспондент АН (1873), почетный академик (1900).

²¹ *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853—1900) — религиозный философ, поэт, публицист. Сын историка С.М.Соловьева.

²² *Уваров Алексей Сергеевич* (1825—1884) — археолог, один из основателей Русского археологического общества, Московского археологического общества и Исторического музея в Москве, организатор археологических съездов в России.

²³ *Корш Федор Евгеньевич* (1843—1915) — филолог, с 1883 г. профессор римской словесности в Московском университете, с 1890 г. в Новороссийском университете.

²⁴ *Шварц Александр Николаевич* (1848—1915) — государственный деятель, в 1875—1900 гг. профессор Московского университета, в 1908—1910 гг. министр народного просвещения.

²⁵ *Тихонравов Николай Саввич* (1832—1893) — историк русской литературы, в 1877—1883 гг. ректор Московского университета.

²⁶ В данном случае имеется в виду, что с осени 1890 г. С.Ф.Платонов стал профессором кафедры русской истории Петербургского университета.

²⁷ *Куракин Борис Иванович* (1676—1726) — князь, сподвижник Петра I, дипломат.

²⁸ *Сабашниковы*, братья *Михаил Васильевич* (1871—1943) и *Сергей Васильевич* (1873—1909) — издатели. Основали в Москве издательство (1891—1930), выпускавшее преимущественно естественно-научные и историко-литературные книги.

²⁹ *Иловайский Дмитрий Иванович* (1832—1920) — историк, автор учебников по всеобщей и русской истории для средних школ. В данном письме речь идет о третьем томе «Истории России» Д.И.Иловайского, на который С.Ф.Платонов вскоре написал рецензию.

О МОЕМ МУЖЕ

Воспоминания*

Н.Г.Думова-Трухановская

Издавна у Владимира Григорьевича была «вредная привычка»: читая книгу, он любил подчеркивать привлекшие его внимание строки. Бывало, я укоряла его за это, а теперь радуюсь возможности находить в его книгах то, что ему было интересно и важно. Так вот, в «Максимах» Ларошфуко он подчеркнул, среди прочих, такую мысль: «Уметь быть старым — это искусство, которым владеют лишь немногие». На мой взгляд, Владимир Григорьевич как раз и был одним из этих немногих. Он сумел вовремя осознать свой переход в новую возрастную категорию и с достоинством его осуществить. О последних годах жизни мужа я и хочу рассказать.

Хорошо запомнился декабрь 1986 г. в подмосковном санатории «Русское поле». Тогда, гуляя по проложенной в лесу дороге, мы подолгу обсуждали вопрос о его уходе из редакции журнала «Вопросы истории». Владимир Григорьевич хотел хорошо обдумать этот шаг. Человек по натуре легко ранимый и в высокой степени импульсивный, он сознавал, что эти качества способствовали иногда не вполне выверенным, спонтанным поступкам. В обстановке покоя, отключения от бурного московского ритма легче было сосредоточиться и определиться.

За плечами оставались 27 лет в должности главного редактора «Вопросов истории». За эти годы редакция стала для него своим домом, журнал — родным детищем. Владимир Григорьевич не бросил его даже в начале 1980-х, когда из-за сильнейшего давления «со Старой площади» руководить им было очень тяжело. И теперь отказаться от любимой работы, интересной и престижной, от привычного образа жизни, расстаться с коллективом было непросто, тем более по собственной воле — ведь никто публично не подвергал редакцию критике, не ставил вопрос о замене редактора. Но Владимир Григорьевич пришел к выводу, что та эпоха, которую он считал своей, кончилась. Наступило время других людей. Он сам принял решение и никогда об этом не пожалел.

Как только стало известно, что Владимир Григорьевич уходит из журнала (с 15 июля 1987 г. — со дня своего 73-летия), тогдашний директор Института всеобщей истории Зинаида Владимировна Удальцова пригласила его на должность советника дирекции, главного научного сотрудника. Он отказался и попросил оформить его на полставки. Оставался в этом статусе до конца, несмотря на то, что

---

* Сокращенный вариант. Полный текст воспоминаний будет опубликован в сборнике статей, посвященном памяти академика В.Г.Трухановского.

новый директор института Александр Оганович Чубарьян не раз предлагал ему перейти на полную ставку.

— Я выбрал свободу, — шутил он.

Свобода, правда, была относительной: едва покинув редакторский кабинет, Владимир Григорьевич тут же принялся за новую книгу, которой суждено было стать для него последней, — биографию Бенджамина Дизраэли.

Снова биографический жанр... Мне кажется, приверженность к нему определялась во многом эмоциональностью натуры Владимира Григорьевича. Ему было интересно заниматься не массовыми событиями или общими процессами (хотя он был большой мастер обобщений), а отдельным человеком, яркой индивидуальностью. Проживать вместе со своим героем его особенную, неповторимую жизнь на фоне истории его народа, его страны и человечества в целом. Мне кажется также, что ему нравилось ставить себя на место своего героя, вникать в его психологию, угадывать логику его поступков. Что-то в этом было сродни актерской профессии: радость от возможности нескольких перевоплощений на протяжении одной собственной жизни.

Мысль обратиться к фигуре Дизраэли впервые появилась в результате бесед с Аполлоном Борисовичем Давидсоном (с которым муж общался в последние годы гораздо больше, чем с другими коллегами-историками). По-моему, именно он посоветовал заняться «отцом британского консерватизма». Начав подробно знакомиться с жизнью своего будущего героя, с его окружением, изучая политические и моральные нравы викторианской эпохи, Владимир Григорьевич сразу увлекся и писал своего Дизраэли с большим творческим подъемом.

К моменту расставания с журналом материал для книги был уже собран. Оставалось взяться за перо.

Работа шла по привычному графику. С утра Владимир Григорьевич садился за письменный стол и не вставал с места, пока не выполнял установленную для себя норму — пять—шесть страниц, а в удачные дни и больше. Писал от руки (пишущей машинкой никогда не пользовался), на хорошей бумаге; писал почти сразу набело, исправлений потом вносил мало, тем более не переписывал целыми кусками.

Заканчивая работу часа через четыре, Владимир Григорьевич никогда не оставлял за собой раскрытых книг, выписок, карточек и т.п. На чисто убранном письменном столе лежали лишь две аккуратно сложенные пачки бумаги (в одной исписанные страницы, в другой — чистые), несколько шариковых ручек и большой белый лист картона с подробным планом глав и их частей. Там было отмечено, сколько страниц будет в каждой части, в какие числа она должна быть начата и закончена. Детальнейшим образом были размечены источники по каждому разделу, с указанием соответствующих страниц в книгах, ксероксах и выписках. Этот план выполнялся скрупулезно.

Во время работы над книгой Владимир Григорьевич всячески стремился абстрагироваться от всего постороннего, почти не следил за новостями (к которым обычно относился с большим вниманием), не

читал прессы, вообще ничего не связанного с его темой, старался как можно меньше разговаривать по телефону.

Работая над Дизраэли, Владимир Григорьевич по вечерам просматривал материалы к книге и делал разметку на следующий день. Поскольку он, как правило, спал после обеда, то по вечерам засиживался иногда до глубокой ночи. Как сейчас вижу его фигуру в домашнем халате (спортивных костюмов и пижам он не любил), уютно расположившуюся в большом кресле и высвеченную лучом настенной лампы в сумеречном пространстве кабинета. Он не был ни совой, ни жаворонком; работать с полной отдачей ему удавалось и в утреннее, и в ночное время. Может быть, сказалась мидовская закалка сталинских лет, когда приходилось бодрствовать по ночам, готовя ответственные материалы.

За завтраком я обычно спрашивала мужа, что сегодня ожидает его героя. Так было при написании всех его биографических книг. А началось еще с «Черчилля». Владимир Григорьевич надиктовывал тогда будущую книгу машинистке и в перерывах между диктовкой, редакцией и кафедрой в МГИМО (которой он в то время заведовал) умудрялся приезжать в парк ЦДСА, чтобы подышать воздухом. Мы гуляли там по часу-полтора, и он, озорно блестя глазами, с азартом и огоньком рассказывал о характере Черчилля и перипетиях его судьбы.

Потом, когда я читала и по его просьбе редактировала машинопись, текст на бумаге казался мне намного суше и бледнее устной версии, и было досадно, что померкли юмор и обаяние живого рассказа.

Конечно, автор стремился сделать рукопись «проходимой». В те годы это было непросто. Ведь даже спустя десяток лет выпуская книгу об адмирале Нельсоне, издательство «Молодая гвардия» отказалось включить ее в серию «Жизнь замечательных людей». А здесь речь шла о таком персонаже, как Черчилль. Внутренний цензор у Владимира Григорьевича был очень силен; здесь, видимо, также давала себя знать школа МИД.

Естественно, при написании «Дизраэли» через столько лет Владимир Григорьевич был уже не таким азартным и легко зажигающимся, но его рассказы за утренним кофе о «Диззи» (шутливое прозвище, каким он обычно в разговоре называл героя книги) были неизменно интересными и, по-моему, в чем-то помогали ему «настроить мозги» на предстоящую работу.

Помню, как интересно он говорил об эпатажности в политике, которой широко пользовался молодой Дизраэли, приводил неожиданные примеры подобной тактики деятелей других стран и предрекал, что роль политического эпатажа в современном мире будет расти. Через какое-то время возник Жириновский. Я была удивлена, как скоро подтвердилась правильность предсказания мужа, но настаивала, что между Дизраэли и Жириновским не может быть никакого сравнения.

— Ну почему же, — неспешно возразил Владимир Григорьевич. — Кое в чем наш либерал-демократ намно-ого перешеголял Диззи.

И, выдержав интригующую паузу, разъяснил:
— В наглости.

* * *

Последняя книга была написана за год. Владимир Григорьевич вложил в нее много (мне кажется, больше, чем в предшествующие свои произведения) собственных размышлений о жизни, о человеческой натуре, о ходе истории. Особенно волновала его на склоне лет проблема, которую он обозначил в заголовке одной из глав словами Джона Стюарта Милля: «Душа убывает», — проблема моральной деградации человека и общества.

К сожалению, книга «Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры», которую Владимир Григорьевич создавал с таким увлечением и самоотдачей, принесла ему немало огорчений. Конечно, он был избалован: все предыдущие работы издавались, что называется, «с колес», большими тиражами, без всяких усилий с его стороны, переводились за рубежом и в республиках Советского Союза (иногда даже без ведома автора).

И на этот раз, приступая к работе над биографией Дизраэли, Владимир Григорьевич заключил договор с издательством «Мысль». Но когда книга была готова, ситуация изменилась: издательство переориентировалось на крупные коммерческие проекты и литература иного рода его уже не интересовала. А возможно, действовали и другие факторы. Во всяком случае, добрые знакомые из числа сотрудников «Мысли» советовали пойти к их начальству и «договориться». Владимир Григорьевич этого не умел. Плохо умел и просить, и кланяться.

В результате книга зависла. Ее собралось выпускать какое-то новое издательство, но пока шел процесс редактирования, оно само прекратило существование. «Бенджамин Дизраэли» увидел свет лишь в 1993 году, через пять лет после его завершения автором. Книгу издала «Наука» (спасибо ей!) тиражом в три тысячи экземпляров. После 70, 90 и 100-тысячных тиражей предыдущих его произведений биографического жанра такая цифра показалась мизерной.

Вообще вся история с публикацией Дизраэли безусловно травмировала Владимира Григорьевича. Он не привык и не желал писать в корзину и потому отказался от работы над следующей книгой — о Берлинском конгрессе 1876 года, хотя весь материал для нее собрал и в разговорах со мной делился очень интересными мыслями и о самом конгрессе, и о роли в нем русской дипломатии, и о последствиях его для истории Европы.

Занимался он и темой холодной войны. В последние годы написал ряд статей и рецензий, несколькими из них он дорожил. Особенно выделял рецензии на книги английского историка Робина Эдмондса «Большая тройка» (о военном союзе СССР, Англии и США) и академика Г.Н.Севостьянова «Европейский кризис и позиция США. 1938—1939».

В этих работах Владимир Григорьевич высказал некоторые важные для него идеи, связанные с тенденциями развития международных отношений. Он удивительно умел прогнозировать это развитие. Очень

часто можно было убедиться в справедливости его гипотез, высказанных в частных разговорах, в связи с событиями в мире или по поводу цых-либо умозаключений, опубликованных в прессе.

Помню, как историк-международник В.Я.Сиполс, получивший возможность детально изучить материалы английских архивов по внешней политике Великобритании военного и послевоенного времени, открытые спустя десятки лет, по приезде из Лондона сказал мужу примерно следующее: «Ознакомившись с документами, я удивился, насколько вы были правы в ваших выводах и предположениях, хотя и не имели в свое время доступа к этим источникам».

Сам Владимир Григорьевич считал, что данные ему от природы способности с наибольшей пользой могли бы реализоваться в работе над стратегическими прогнозами в области международных отношений. Мне представляется также, что, не стань он ученым, из него получился бы блестящий адвокат в суде присяжных, где красноречие защитника играет важную роль, или юрист-международник, занимающийся урегулированием межгосударственных споров.

Неизвестно, однако, удалось ли бы Владимиру Григорьевичу в этих сферах достичь тех же высот, какие он завоевал в исторической науке. В 1992 году он стал академиком Российской Академии наук. К тому времени с момента его избрания в члены-корреспонденты (в 1964 г.) прошло двадцать восемь лет. Причина такой задержки, как часто случается, далеко отстояла от научных соображений. Было ли ему больно от этого? Безусловно. Самолюбие его очень страдало. Жалел ли он о миновавших его в связи с этим карьерных продвижениях? Нет. Могут сказать, что был «зелен виноград». Наверное, и это имело значение. Но главное было в ином: столкнувшись в полном объеме в конце 60-х годов с тогдашней внутриотделенческой кухней, истинной сущности которой до тех пор не представлял, Владимир Григорьевич потерял вкус к борьбе за место наверху. «Круг интересов сужается, — писал он мне в августе 1969 года. — Академия наук, занимавшая многое в мыслях (карьера, продвижение, зарекомендовать себя на работе и т.п.) теперь отошла на задний план и надолго, если не навсегда... Какое-то удивительное спокойствие на этот счет. Значит, заявление было правильно и своевременно».

Речь идет о заявлении об уходе из журнала, которое было подано им тогда в результате громкого конфликта с руководством Отделения истории, но не было, однако, принято президентом Академии наук М.В.Келдышем. Хотя решение об отставке было импульсивным, оно ознаменовало собой некий рубеж в сознании Владимира Григорьевича, в его психологии. Со времен МИД в нем оставалось многое от государственного чиновника. Теперь же эта часть его существа начала понемногу трансформироваться. Он совершенно отрешился от активной суеты, в которую погружены все, кто делает карьеру, и отказ от карьерного марафона — может быть, неожиданно для него самого — пришелся ему по душе.

Обновился даже облик. Отпущенная летом 1969 г. борода сильно изменила наружность Владимира Григорьевича, сделала ее

интеллигентско-профессорской. Борода, вернее сказать бородка, очень шла к лицу и самому ему нравилась.

А осенью того же года он совершил совсем уж поворотный в его судьбе поступок: ушел из семьи, в которой прожил 17 лет, вместе с шестнадцатилетним сыном Гришей. Ушел, обрекая себя на персональное дело, на тяжелейший трехлетний бракоразводный процесс, бесконечные партийные разбирательства. Был готов к тому, что придется уйти из журнала, с кафедры МГИМО, может быть, даже расстаться с Москвой.

Все эти события в значительной степени изменили его, сделали человеком с другой системой ценностей, другими жизненными интересами. Автономность позиции редактора журнала, возможность ощущать пульс исторической науки и реализовать собственный творческий потенциал вполне его устраивала и другого поста он не желал.

А статью «полным академиком» Владимиру Григорьевичу хотелось. Но, зная, что против него идет активная работа, он редко участвовал в выборах, а после введения для избрания возрастного ценза в 70 лет внутренне смирился с тем, что эта цель для него недостижима. В душе перекипело.

Когда возрастные запреты были сняты и в связи с изменениями в составе Отделения истории для него открылись новые возможности, острота желания победы заметно притупилась.

— Будет удача или нет, в нашей жизни мало что изменится, — сказал он мне накануне выборов 1992 г. — Я спокойно отнесусь к любому исходу.

Может быть, огорчение в случае провала было бы острее, чем он предполагал. Но той бурной радости, которую Владимир Григорьевич испытал, когда стал членом-корреспондентом, или если бы был избран в академики хотя бы лет на десять раньше, — той радости не было. Хотя он, конечно, очень был доволен, что, по его словам, «достиг завершения пути», что справедливость в конце концов восторжествовала, и чувствовал большую благодарность к коллегам, которые его поддержали.

Во все годы, начиная с прихода Владимира Григорьевича в Институт всеобщей истории и до самого конца, он ощущал неизменное внимание и уважение к себе со стороны дирекции, А.О.Чубарьяна (их связывали давние добрые отношения) и тех сотрудников, с которыми находился в постоянном контакте, — Г.С.Остапенко, Л.Ф.Туполевой и других. Спасибо им за это.

В 1992 году в Институте всеобщей истории была создана Российско-британская ассоциация историков. Владимир Григорьевич стал ее президентом, и в первые годы ее существования, когда велась активная работа (а он чувствовал в себе еще достаточно сил), эта деятельность приносила ему удовлетворение и обеспечивала непосредственную связь с научным миром.

* * *

В середине девяностых состояние здоровья Владимира Григорьевича ухудшилось. Резко усилился тремор (дрожание рук).

Трудно стало писать, в присутствии чужих людей временами не удавалось справляться с дрожащими руками за столом. Наш круг общения и прежде был очень ограничен после постигшей нас в 1981 году трагедии — скоропостижной кончины от тромба Гриши, сына Владимира Григорьевича. Теперь же этот круг сократился до минимума.

Начались сосудистые кризы, приводившие к нечленораздельности речи. Правда, поначалу продолжались они недолго: через час — полтора речь восстанавливалась. Потом сделались продолжительнее. Приезжавшие бригады скорой помощи часто предлагали госпитализацию; Владимир Григорьевич всегда отказывался (на моей памяти он только один раз лежал в больнице — в связи с операцией).

К великому счастью, нам удалось найти замечательного врача. Елена Арамовна Хачатурян, заведующая отделением неврологии одной из московских больниц, постоянно наблюдала Владимира Григорьевича на дому и очень эффективно помогала нам самим при помощи лекарств в большинстве случаев предупреждать и нейтрализовать приступы. Владимир Григорьевич полностью доверял ей; для него это было очень важно.

Благодаря Елене Арамовне мужу удавалось справляться со своим основным недугом — нарушением мозгового кровообращения и с сердечными заболеваниями до последнего дня. Причиной его смерти стал разрыв брюшной аорты, который невозможно предотвратить ничем, кроме профилактической операции. Однако в таком возрасте подобные операции не производятся.

В связи с внезапною сосудистых приступов врачи запретили Владимиру Григорьевичу выходить на улицу одному. Нежелательно было и дома надолго оставаться в одиночестве. Я ушла на пенсию. Практически все время мы стали проводить вместе, дома.

Обычно, уходя на пенсию, человек интеллектуально мельчает, погружается в бытовую будничность. А Владимир Григорьевич, наоборот, приподнимался над ней. Он не был обывателем. Не раз в последнее время я слышала от людей в применении к нему слово «мудрый».

* * *

И в более ранние годы сосредоточенность на собственных размышлениях, на своем внутреннем мире обеспечивала Владимиру Григорьевичу полную самодостаточность. Не требовались никакие «хобби». Он ничего не коллекционировал, давно забросил шахматы, не играл ни в словесные, ни в карточные игры, не занимался спортом, болельщиком тоже не являлся. В бане не парился, охоты не признавал. Зато очень любил рыбную ловлю и иногда рассказывал о своих рыбацких удачах в детстве и в молодые годы. Однако это увлечение продолжалось только до начала 70-х. На моей памяти он занимался рыбалкой во время отпусков, проводимых в деревне.

В 1974 г. мы съездили на родину мужа, в деревню Ботвиновка. С нами была его сестра, Зоя Григорьевна. Всю жизнь она оставалась для

него преданным другом и вместе со своей семьей неизменно приходила на помощь брату в трудные моменты.

Мы побывали в их доме — обычной крестьянской избе. Там жили чужие люди (родных уже никого не осталось), но убогая нищенская обстановка не изменилась с 20-х годов. Владимир Григорьевич указал мне на узенькую деревянную скамью:

— Вот здесь я спал.

На проселочной дороге в толстеном слое мягкой, как пух, серой пыли копошились голые ребятишки.

— Я тоже так любил, — заметил он. — Как будто в теплой воде возишься.

Муж показал мне лес («гай»), куда ходил с матерью по грибы; речку, возле которой ловил в детстве раков — «щупаньем» (забираясь рукой в норки) или «на лягушку» — и где поймал однажды «аж триста штук».

А возле какого-то закоулка сказал:

— Тут меня мальчишки побили. Не помню, за что, но больно было. Дразнили меня: «Тпру, Белый!»

Таким возгласом его отец останавливал, возвращаясь домой, своего коня.

После поездки в Ботвиновку мне стало понятнее мировоззрение мужа. Владимир Григорьевич на всю жизнь остался благодарен советской власти за то, что мальчишке из глухой деревни она обеспечила возможность стать дипломатом, ученым, академиком. Своей позиции никогда не менял, не пытался подстраиваться к модным в обществе настроениям, как это делали многие процветавшие в СССР персоны высокого ранга, которые умудрялись даже бежать впереди паровоза (к таковым метаморфозам, как и к телеаттракционам вроде сожжения партбилета он относился с безразличием).

Владимир Григорьевич давно понимал, что СССР остро нуждается в реформах, его огорчало и тревожило «загнивание с головы» на излете брежневского правления, но была надежда на энергичный и разумный курс будущих преемников власти.

— Требуется ум и воля, — часто говорил он тогда.

Однако горбачевская перестройка — с точки зрения мужа, амбициозно-болтливая, непродуманная, безответственная — глубоко разочаровала его с первых шагов, с антиалкогольной кампании, ставшей, по его мнению, символом профессионального убожества власти. Он приостановил свое членство в КПСС, считая, что ее руководство ведет страну к катастрофе.

Владимир Григорьевич был по мировоззрению государственным; как личную трагедию он воспринял разрушение Ельциным и иже с ним Советского Союза (очень сердился, когда говорили «распад СССР»). В частности, никак не мог примириться с тем, что его родина — Белоруссия — оказалась за границей. Кстати говоря, перспективу ликвидации союзного государства он предсказывал почти с первых шагов Горбачева, так же как и превращение слова «демократия» в бранное, разгул криминалитета и сращивание его с властью.

Очень близко к сердцу Владимир Григорьевич принимал униженную роль России в современном мире. Неудивительно: звездным часом в его биографии был 1945-й год, год победы, когда он был свидетелем триумфа СССР и участником международных форумов, подтвердивших и закрепивших значение этого триумфа. В разного рода международных организациях он талантливо и эффективно (говорю это со слов многих его коллег) отстаивал интересы своей страны.

Его особенно волновала демографическая ситуация в России. В прессе он искал сведения по этому поводу, делал для себя какие-то расчеты и говорил о симптомах грядущего исчезновения нации. Нередко с горечью говорил и о том, что не знает в истории другого примера, когда бы страна, ее население без войны, без стихийных и прочих катаклизмов подверглись такому обнищанию и унижению.

При этом современные коммунисты, высказывающие схожие критические постулаты, не вызывали у Владимира Григорьевича никакой симпатии. Он считал их политиками, которых по-настоящему заботит исключительно собственный комфорт и принадлежность к властной элите. Впрочем, так же расценивал и других депутатов. Вообще к результатам выборов относился с большим сомнением и еще до распространения у нас черных выборных технологий часто повторял фразу известного американского сенатора (не помню фамилии): «Дайте мне миллион долларов, и я проведу в президенты рыжего пса против апостола Павла». Сам он в голосовании почти никогда не участвовал.

Несмотря на то, что Владимир Григорьевич охотно признавал пользу для общества ряда произошедших в стране перемен, тем не менее совокупность отрицательных факторов в его оценке перспектив развития России как государства намного перевешивала. Прогнозы его были мрачные. В результате мироощущение мужа в широком плане было очень пессимистическим (как у многих людей его поколения со схожим менталитетом и жизненным опытом).

Вместе с тем в своем узком микромире мы жили вполне благополучно во всех отношениях и сам Владимир Григорьевич в среде родных и близких друзей называл себя счастливым человеком. Как мне грустно, что на склоне жизни чувство всегда желанного для него покоя и гармонии было отравлено внутренним разладом со временем и болью за будущее России.

* * *

Владимир Григорьевич принадлежал к тем, по чьему мнению культ «золотого тельца» противоречит русскому национальному характеру. Сам он в своих вкусах, потребностях был достаточно скромн, неприязнителен.

Когда была готова кооперативная квартира, в которой мы начали свою совместную жизнь, Владимир Григорьевич сказал мне, каким он хочет видеть наш дом:

— Чем проще, тем лучше. Без выпендрёжа (так он называл все, что делалось не для удобства, а напоказ).

Из мебели Владимира Григорьевича интересовали только письменный стол и книжные шкафы. Учитывая финансовые трудности в связи со взносом в кооператив и обустройством квартиры с нуля, он всерьез предложил соорудить самодельные стеллажи для книг из кирпичей и досок и был очень удивлен, что я не поддержала эту идею.

Потом уже, когда наша ситуация улучшилась, я как-то приглядела маленький столик в комиссионном магазине. Услышав об этом, он сказал:

— Никакого антиквариата! У меня на него аллергия.

Самую просторную комнату в нашей квартире Владимир Григорьевич сделал своим кабинетом; отдыхая в санаториях, он всегда хотел жить в больших номерах. Но это объяснялось не амбициозностью, а тем, что ему было трудно находиться в тесных помещениях.

Из заграничных командировок Владимир Григорьевич привозил, конечно, какие-то носильные вещи, но получал удовлетворение только от покупки книг, канцпринадлежностей, транзисторов (он любил слушать радио, особенно Би Би Си), бумажных салфеток, кукурузных хлопьев для завтрака и всякого рода напитков. Помню, как однажды, встречая его в Шереметьево, увидела, что он сгибается от тяжести, неся свой чемодан.

— Ну и накопился мужик баракла, — сказал про него кто-то рядом. — Дотащить не может.

Оказалось, что чемодан был набит жестяными банками с кока-колой (она ему тогда нравилась).

Покупать себе одежду и особенно мерить ее в магазине Владимир Григорьевич не любил, предпочитал, чтобы я делала такие покупки без его участия. Собираясь выйти из дома, сам себе одежду и обувь не выбирал, даже плохо знал, где что висит и лежит. Любил куртки, но не обращал внимания ни на их фасон, ни на цвет — только на количество карманов.

В нем полностью отсутствовала практическая жилка. На уровне бытовых проблем Владимир Григорьевич был часто беспомощен, а иногда и наивен, он их просто боялся (с возрастом это особенно усилилось). Ненавидел, когда в его присутствии в доме производились какие-либо починки или ремонтные работы. Пока муж ездил в командировки, квартира ремонтировалась по частям, но когда мы стали покидать ее только вместе, и это сделалось невозможным. На все мои настояния он неизменно отвечал:

— Только после моей смерти.

По другим поводам в бытовую сторону нашей жизни он предпочитал не вмешиваться. Никогда не вникал в мои текущие расходы, в домашние мелочи (не мелочный был человек), снисходительно относился к моим недостаткам и промахам в качестве хозяйки дома и постоянно предлагал «упрощать» быт.

Те же обязанности, которые он брал на себя, Владимир Григорьевич умел выполнять незаметно, без шума. Пока был здоров, он косил траву на даче, колот дрова, топил печь, покупал некоторые продукты. Любил ходить вместе со мной на рынок. Обожал делать

всякие запасы; закупленные им лампочки, спички и мыло (у него была слабость к хорошему мылу) не иссякли до сих пор. Чего только ни хранилось в закрытых частях его многочисленных книжных шкафов (я называла их закромами)! Зато когда возникала надобность в каком-либо бытовом предмете, лекарстве, канцпринадлежности, у него это, как правило, оказывалось, и он с удовольствием констатировал: «В Греции все есть».

В первые годы перестройки в поселке Расторгуево, где была наша прежняя дача, по воскресеньям действовала небольшая вещевая ярмарка. Владимиру Григорьевичу нравилось пройтись по рядам, прицениться к инструментам, сельхозинвентарю (покупал он только какие-то мелочи). Однажды купил за 3 рубля совершенно невозможную джинсовую кепку и, несмотря на мои протесты, надевал ее, когда шел на ярмарку. Вид был настолько колоритный, что, когда он в этой кепке спрашивал у продавцов, почему товар, они отмахивались:

— Дорого, дедушка, дорого!
Его это очень забавляло.

* * *

Владимир Григорьевич шутил, что по характеру он — «помесь Обломова со Штольцем». Действительно, Обломовым он бывал дома: ленился в обнимку с «четвероногим другом» — диваном, всегда норовил отложить неприятные или сложные дела (у него была для этого специальная формула «при случае»). Черты Штольца проявлялись в работе, в творчестве — большое трудолюбие, самодисциплина и редкая организованность. Был очень точен в рабочих делах, в представлении рукописей, отзывов и т.п. Страшно не любил опаздывать ни на транспорт, ни на работу, ни на свидания, ни даже в гости.

Но вообще штольцевской педантичности, занудности в нем не было.

Особый разговор об отношении мужа к своему архиву. Все личные документы, как и материалы для написания очередной книги, содержались в идеальном порядке. Фотографии (кроме тех, что для документов, и наших семейных, находившихся в моем ведении) хранились в виде неразобранной груды. Рукописей, кроме последней книги, Владимир Григорьевич не оставил. Переписку, за редкими исключениями, не сохранял. Это выяснилось уже после его кончины, поскольку при жизни он никого к своим бумагам не допускал.

Многочисленные адреса и телеграммы, присылавшиеся к его юбилеям, я еще давно попросила отдать мне на сохранение. Он был доволен, что не придется отводить под них место в кабинете, и даже никогда потом не спросил, где они находятся.

Вообще представление о какой-либо значимости своей персоны для современников, а тем более для потомства, свойственное обычно людям его положения, у Владимира Григорьевича полностью отсутствовало.

Он нередко повторял: «Я не герой», бывал осторожен, опаслив. И вместе с тем способен (по его выражению, «когда подопрёт») на решительные, смелые действия.

В совместной жизни с мужем было легко. Он никогда не попрекал окружающих совершенными ошибками или глупостями, не делал замечаний, не читал морали. Всегда желал, чтобы его по возможности оставляли в покое, и так же сам относился к другим. Однако если чего-нибудь всерьез не хотел или, наоборот, хотел, то заставить его переменить мнение было невозможно. Не выносил, чтобы на него давили.

На мой взгляд, наиболее сложным в его характере было отношение ко всякого рода экстремальным ситуациям (к примеру, большие неприятности, травмирующие известия, запутанность, неясность положения и т.п.). «Я всегда был очень впечатлительным, эмоциональным, — писал он. — Это хорошо для жизни, делает ее более радостной, но, как все в этом мире, имеет отрицательную сторону: делает трудности бытия, его неудачные аспекты более тяжелыми для человека».

Экстремальные ситуации всегда вызывали у Владимира Григорьевича сильное раздражение, а если случались неожиданно (он ненавидел неожиданности), то его реакция была совершенно непредсказуема. Мог вспылить, накричать, даже если причина раздражения находилась вовне и никак не была связана с семейной сферой. В такие моменты спорить, доказывать что-то было бесполезно, следовало молча уйти в другую комнату (именно так поступал он сам, если стиль разговора его не устраивал). Через какое-то время Владимир Григорьевич остывал и возобновлял нормальное общение, не выясняя отношений, не оправдываясь (того и другого терпеть не мог). Всегда действовал в соответствии с английской поговоркой, которую любил повторять: «Never explain, never complain» (никогда не объясняйся, никогда не жалуйся).

* * *

Общеизвестно, что с возрастом у людей портится характер. Мой муж и здесь оказался человеком нестандартным: годы сделали его мягче, терпимее. Исчезли внешние раздражители (кроме политических новостей), снялось напряжение официальных контактов, не стало необходимости принимать ответственные решения. Безусловно, это пошло на пользу нервной системе Владимира Григорьевича, его здоровью.

Однако самым благотворным в этом смысле фактором стали наши поездки во Францию на Лазурный берег. Оказавшись в первый раз в Ницце, мы обнаружили, что легендарный местный климат необыкновенно целителен для Владимира Григорьевича. Он чувствовал себя там намного лучше, сосудистые кризы прекращались, дрожание рук уменьшалось, давление стабилизировалось, появлялись энергия и бодрость. Обстоятельства на наше счастье сложились так, что мы смогли проводить в Ницце по два (а то и больше) месяца в году.

Ехать в дальние края в возрасте и состоянии здоровья Владимира Григорьевича было, конечно, немалым риском. Каждый раз мы обращались за советом к врачу Елене Арамовне. И она мужественно брала ответственность на себя, благословляя своего пациента на

поездку: слишком уж очевиден был положительный результат по возвращении. К счастью, за все наши посещения Ниццы с мужем не произошло ничего неприятного.

Обычно за три—четыре дня до вылета из Москвы Владимиром Григорьевичем овладевала «предотъездная лихорадка»: он начинал беспокоиться, не забудем ли мы чего-нибудь, не опоздаем ли на самолет, не случится ли нечто непредвиденное и т.п. Даже успокоительные лекарства не помогали. На мои уговоры ни о чем не тревожиться он отвечал извиняющимся тоном (который вообще не был ему свойствен):

— Ты же знаешь, я человек очень мнительный. Как только взлетим, успокоюсь.

Жизнь в Ницце коренным образом отличалась от прежних пребываний мужа за границей. На протяжении 60—80-х годов Владимир Григорьевич очень часто бывал в зарубежных командировках, он участвовал во многих международных организациях. Хорошее знание языка и полемический талант выгодно отличали его от большинства людей его поколения и положения, которые могли общаться с иностранцами только через переводчика и оказывались довольно неуклюжи при необходимости вести политическую или научную дискуссию. Он объездил (вернее облетал) полмира, но все эти вояжи были целиком заполнены выступлениями, деловыми встречами и диспутами. Командировки требовали большого нервного напряжения и, хотя нередко были для Владимира Григорьевича интересными и запоминающимися, но физически сильно его изматывали. А Лазурный берег, с его теплой, ласковой погодой (в жаркие летние месяцы мы там не бывали), с его целебным морским воздухом, да плюс к тому полная свобода давали возможность прекрасного отдыха.

В первые приезды в Ниццу мы нередко совершали однодневные экскурсии по Лазурному берегу. Побывали в Канне, Ментоне, Монако. Помню, как, возвращаясь из Монте-Карло, мы обсуждали происхождение княжеского рода Гримальди, ведущего начало от средневековых пиратов. Они захватили власть над Монако, истребив семью его прежних владетелей, которые доверчиво открыли убийцам ворота своей крепости. Этот факт зафиксирован в истории княжества, однако потомки захватчиков стали не только легитимными, но и обожаемыми населением правителями.

В связи с этим Владимир Григорьевич говорил о гипнотическом воздействии власти на массы и о том, что признание историей тех или иных властителей великими не согласуется с понятиями о добре и зле. О проблемах «власть и народ», «власть и творческая элита» он много размышлял в последние годы.

Квартира, где мы жили в Ницце, располагалась в центральной части города, прямо на прекрасной набережной Promenade des Anglais. Обычно всю первую половину дня, до обеда мы гуляли по набережной или сидели в парках. Поначалу проходили (с отдыхом на скамейках над морем) довольно значительное расстояние. С каждым годом оно понемногу сокращалось — силы Владимира Григорьевича убывали.

Во время прогулок он рассказывал мне главным образом о прошлом. Чаще всего о детстве, о ленинградской юности, о работе в МИД — в Иране и в Москве. Говорят, что в старости обычно лучше помнится первая половина жизни. Во всяком случае, Владимиру Григорьевичу явно приятно было вспоминать именно то время. Удивительно, что на память ему стали часто приходиться давно забытые персидские слова, и он то и дело вставлял их в разговор. О некоторых эпизодах прошлого я слышала по несколько раз. Однако рассказы Владимира Григорьевича никогда не были нудными, тяготящими (как подчас случается у пожилых воспоминателей).

Мне запомнились рассказы о том, как отец, Григорий Ипполитович, редко бывавший дома (мотался по округе по своим агрономическим делам), нанял в помощь матери для сельскохозяйственных работ молодого парня, как мать полюбила его и уехала с ним в Ленинград. Как отец остался с 11-летним Володей и его четырехлетней сестрой Зоей, как привел в дом мачеху.

Как Володю отдали учиться в школу-семилетку в Мстиславль и устроили на квартиру (в семью бывшего военнопленного австрийца), а квартира была — одна комната в землянке, вырытой в откосе оврага. Как он ходил из Мстиславля домой, в деревню — 25 верст пешком. Как никак не мог постичь предметы, связанные с точными науками, и как в последние недели в седьмом классе перестал посещать эти уроки (чувствовал, что это закончится скандалом, но ничего не мог с собой поделать). Как ему не дали документа об окончании семилетки, как он пришел домой, рассказал отцу, а тот молча выслушал, повернулся и мрачный зашагал в поле.

Как после учебы в ремесленном училище в Кричеве он уехал в Ленинград и поступил на завод, как на заводе (не в милиции) ему выписали паспорт; когда на вопрос о национальности он ответил «белорус», его подняли на смех: «Какой там белорус, не выпендривайся! Напишем — русский». Так и остались: брат русский, а сестра белоруска. Какие замечательные были там ребята-комсомольцы и как за одним из них он потянулся на учебу на рабфак, а затем на истфак Ленинградского педагогического института.

Как, получив высшее образование, он читал лекции в Медицинском институте и как студентки-медички каждый раз провожали его аплодисментами. Как ему это нравилось и как не хотелось уезжать на учебу в Высшую Дипломатическую школу, куда его направили по разнарядке. Как нелегко было привыкнуть к Москве и какой неприглядной она казалась после Ленинграда.

Как в Иране английский дипломат подарил ему подробнейшую карту этой страны со множеством нанесенных на нее сведений, как эту необыкновенную карту увидел резидент НКВД и попросил отдать ему, а Владимир Григорьевич отказался (по наивности не представляя, чем это грозит) и как тот стал его врагом. Как его вызвали в Москву и там он узнал: из Ирана пришла «телега» от «ближних соседей» с сообщением о том, что Трухановский — английский шпион. Как его спасло только то, что одновременно он был назван персидским шпионом (а такое сочетание исключалось ввиду конфликтных

отношений между Ираном и Англией) и как после долгой беседы с зам. наркома иностранных дел его отправили с повышением в другой иранский город. Как во время Тегеранской конференции его близкого приятеля Владимира Николаевича Павлова, переводчика Сталина, на банкете официант с ног до головы облил подтаявшим мороженым и как тот, ни на секунду не запнувшись и даже не изменившись в лице, продолжал переводить.

Как после возвращения Владимира Григорьевича из Ирана в Москву он временно замещал заведующего английским отделом и должен был по требованию министра Вышинского представить ему список сотрудников на премию. В первый раз список был возвращен с резолюцией Вышинского «подработать», во второй раз министр вызвал его к себе и стал кричать: «Не умеете работать! Выгону к ... матери!» И когда он с опрокинутым лицом вышел из кабинета, помощник министра шепнул ему: «А вы включите в список такую-то». Оказалось, что эта сотрудница отдела — любовница Вышинского и что все, кроме него, об этом знают. Когда он в третий раз принес Вышинскому список с нужной фамилией, тот отреагировал своей коронной фразой: «Вот видите, можете работать, когда захотите».

Владимир Григорьевич рассказывал, в какие передрыги он попадал, когда возил ответственную английскую делегацию («что ни морда, все лорды») по таким «аристократическим» местам, как Сибирь и Средняя Азия. Как его хотели послать на Крымскую конференцию, но заведующий и заместитель заведующего отделом разъезжались по командировкам и настояли на том, чтобы оставить его «на хозяйстве», и как было обидно, что из-за случайного стечения обстоятельств он не стал свидетелем исторического события. Как в качестве заместителя генерального секретаря советской делегации он работал в апреле—июне на международной конференции в Сан-Франциско, где была учреждена Организация Объединенных Наций, а в июле—августе — на Потсдамской конференции, где он присутствовал на всех заседаниях «Большой тройки» и увидел в действии будущих героев своих книг — Черчилля и Идена.

Как он был счастлив и горд, когда в важнейшую правительственную ноту, пройдя без единой поправки все инстанции вплоть до Сталина, был включен целый большой кусок написанного им текста. Как мечтал поехать послом в Лондон, как был назначен заведующим министерским отделом ООН, как носил дипломатическую форму, соответствовавшую по рангу генеральской. Как трудно было в полную силу работать по ночам, особенно писать, как, чтобы не слипались глаза, он старался жевать печенье или вафли и начал тогда толстеть.

Перечитала рассказы Владимира Григорьевича в своем изложении, и так мне стало жалко, что не осталось их в записи на кассету, что не слышно его живого голоса, интонаций, словечек. Совсем другое впечатление...

С тех пор как он ушел из журнала, коллеги и близкие не раз склоняли его к работе над мемуарами, но Владимир Григорьевич отвечал:

— Кому это нужно? Теперь другое время.

В связи с 80-летием его краткие воспоминания в форме интервью были опубликованы в журнале «Новая и новейшая история». Он остался доволен этим материалом, но продолжить и расширить его не захотел. И лишь незадолго до смерти написал несколько страниц о детстве, о школе — то, о чем в сжатом виде уже рассказал в интервью. Писать становилось все труднее, очень дрожали руки. Собирался диктовать на магнитофон, но уже не успел.

Свои наброски воспоминаний Владимир Григорьевич озаглавил «Нет худа без добра». И начал их так: «Сегодня, когда я разменял 86-й год жизни, я не только понимаю, что это очень большой отрезок времени для существования одного человека, но и вижу, что худо и добро в этой жизни чередовалось неизменно с некоей закономерностью. С такой же регулярностью очередное «добро», то есть положительный для меня жизненный этап, всегда был более «добрым», чем предшествовавшее ему время. Я считаю себя *self made man*, то есть человеком, который создал себя сам, без какой-либо помощи со стороны, если не иметь в виду условия жизни, существовавшие в то время в стране. Но ведь они существовали для всех».

Он утверждал, что огромную роль в судьбе человека играет случай. В связи с этим часто в разговорах с молодыми собеседниками желал им «не поскользнуться на арбузной корке». И хотя самому Владимиру Григорьевичу, по собственному признанию, избежать подобных ситуаций не удалось, в конечном итоге это оборачивалось на пользу. В жизни ему, как он считал, во многом везло. Говорил, что одно из таких везений — возможность на старости лет подолгу жить в Ницце. Я глубоко убеждена, что «нищские каникулы» продлили ему жизнь.

Живя в Ницце, Владимир Григорьевич был, как обычно, консервативен в своих привычках. Придерживался четко установленного распорядка дня, не менял прогулочных маршрутов. За прессой мы ходили в один и тот же киоск, покупки делали в одних и тех же магазинах.

Те немногие люди, с которыми мы в Ницце хоть как-то общались (консьерж, уборщица, киоскер, продавцы в магазинах) относились к Владимиру Григорьевичу очень уважительно, с симпатией, старались оказать какую-либо услугу. С ним часто заговаривали незнакомые люди (иногда иностранцы, иногда эмигранты или туристы из России). Такое внимание к нему со стороны характерно было именно для последних лет его жизни.

Самым памятным для него из случайных знакомств была встреча с преуспевающим французским бизнесменом среднего возраста. В ходе долгого и интересного разговора француз сказал: «Если бы не Сталин, не русские, мы все здесь сейчас ползали бы под немецким сапогом». Владимиру Григорьевичу отраднo было слышать эти слова. Он их многократно потом повторял, радуясь, что кто-то в Европе еще помнит, какой великий подвиг был совершен нашим народом.

Годы не только не обезобразили облик Владимира Григорьевича, но даже в чем-то украсили. Ему повезло и внешне состариться достойно: он похудел, построил, а в глазах высветилось выражение

доброты и мудрости. В Ницце у него был прекрасный, с легким загаром, цвет лица. Недавно я вычитала у Льва Толстого такое определение: «свежая старость». Мне кажется, оно очень подходило.

Правда, суть его обаяния, на мой взгляд, не зависела от внешности. Она ощущалась в общении, в разговоре. Владимир Григорьевич не отличался светским лоском, который бывает присущ дипломатам, мог сказать что-либо не слишком тактичное. Однако большую привлекательность ему придавала, по-моему, непосредственная, нестандартная манера поведения в сочетании с очень своеобразным чувством юмора.

Интересно, что это чувство юмора особенно проявлялось в разговоре с иностранцами на английском языке. Владимир Григорьевич владел им свободно, с идиоматическими нюансами, однако произношение было весьма неважное. Причем у него не возникало никаких комплексов по этому поводу, он просто не давал себе труда подражать англичанам в их манере произношения (хотя манеру выражения мысли усвоил прекрасно). Когда я удивлялась такому пренебрежению к орфоэпии, муж отвечал:

— Они меня понимают? Понимают. Что еще нужно?

Иностранцы действительно понимали его очень хорошо. Многим из коллег-историков и из тех, с кем Владимир Григорьевич сотрудничал в международных общественных организациях, было интересно с ним общаться. Нередко они симпатизировали ему, несмотря на его резкий стиль в полемике. («Теперь моя манера не в моде, — говорил он в последнее время. — Теперь наши все норовят покаяться да подлизаться»).

Среди историков особой взаимной симпатией Владимир Григорьевич был связан с двумя англичанами — официальным биографом Черчилля, получившим титул «сэра», Мартином Гилбертом и исследователем истории второй мировой войны Робинот Эдмондсом. Среди общественников-международников наиболее дружеские отношения поддерживал с известным венгерским ученым-экономистом Михаем Шимаи.

Узнав о кончине Владимира Григорьевича, М.Гилберт прислал мне письмо, проникнутое неподдельной сердечностью и теплотой. Он писал, что дружба с мужем много значила для него, что, несмотря на все то, что разделяло их в мыслях и расстоянии, между ними установилась подлинная связь^а.

---

^а Привожу полный текст письма сэра Мартина: «Dear Natalya, I was very shocked to learn yesterday (from Professor Chubaryan) that dear Vladimir had died. Please accept my most sincere condolences. His friendship meant a great deal to me, and visiting you both in your flat in Moscow was a very special experience for me. I felt that we had established a real link across many divides of thought and distance.

Dear friend, it must have been a very difficult time for you. I only hope that you have many fine memories to sustain you, and that all that Vladimir accomplished over so many years can be a source of pride and comfort to you. With affectionate regards as ever. Martin».

В последние годы зарубежные историки, журналисты проявляли к нему немалый интерес, приглашали для участия в телевизионных передачах, совместных документальных телефильмах. Один из них, известный американский журналист Стюарт Лури, приезжал даже в Ниццу по поручению CNN специально для встречи с Владимиром Григорьевичем. Но он от всех этих предложений отказывался. Как отказался в свое время (в конце 60-х или начале 70-х) от выступлений в модной и престижной тогда телевизионной «9-й студии» Валентина Зорина, куда приглашались виднейшие международники страны.

Вспоминается такой случай. Кажется, в 1986 году произошла смена руководства в советской группе Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН (WFUNA) — организации, в которой Владимир Григорьевич на протяжении многих лет играл одну из главных ролей. Спустя год очередная конференция состоялась в Москве. Он не пошел на эту конференцию. Но его бывшие иностранные коллеги по президиуму WFUNA заявили, что непременно желают с ним встретиться. Более того, они попросили пригласить их в гости. Я была в ужасе. Конечно, у нас в доме бывали иностранцы. Но здесь десяток важных западных персон, в том числе два миллионера из США и Канады! Как мы будем принимать их в своей вполне скромной квартире, чем кормить таких искушенных гостей?

Муж, напротив, был очень спокоен:

— Подумаешь, событие! Они хотят посмотреть, как я живу, — милости просим. Чем богаты, тем и рады...

Когда гости явились, выяснилось, что единственной целью их прихода было продемонстрировать Владимиру Григорьевичу внимание и уважение, показать, что помнят и скучают без него. Какой это был веселый, теплый вечер, какие забавные истории они рассказывали о своих баталиях с ним, о его полемических победах и ораторских эскападах! Владимир Григорьевич был глубоко тронут этой встречей.

Очень многое он почерпнул для себя, сотрудничая в работе другой международной организации — Пагуошского движения ученых за мир. Полтора десятка лет Владимир Григорьевич был членом Исполкома этого движения, встречался на заседаниях с крупнейшими учеными мира, участвовал в интереснейших обсуждениях и дискуссиях. Каждый раз, возвращаясь из пагуошских командировок, он, что называется, взалхлеб рассказывал о рассматривавшихся там проблемах, о спорах на официальных заседаниях и о дружеских неформальных встречах в свободное время, а главное, о людях, с которыми общался. Непосредственные контакты с корифеями ядерной физики очень помогли Владимиру Григорьевичу в работе над книгой «Английское ядерное оружие».

Сердечные отношения связывали его с другими советскими членами Пагуошского исполкома: академиками Моисеем Александровичем Марковым (физик) и Олегом Александровичем Реутовым (химик). Оба были видными фигурами в своих областях науки, но особым даром красноречия не обладали. Поэтому в сложных ситуациях обычно выдвигали на передний план Владимира Григорьевича. Видя, как он справляется с оппонентами, они

испытывали большое уважение к его полемическому искусству (о чем мне сами говорили). Особенно их поражала парадоксальность его аргументации.

— Он может любой факт так вывернуть, что они только рты разевают, — рассказывал как-то, смеясь, Реутов.

Зато засланные в Пагуош «комиссары» — кагэбэшник и цекист явно недолюбливали мужа, а у него они вызывали постоянное раздражение своей авторитарностью, бестактностью и портящими дело вмешательствами.

* * *

Последний год своей жизни Владимир Григорьевич прожил в нашем загородном доме близ деревни Палицы (недалеко от Звенигорода). Он чувствовал себя в гармонии с природой и очень гармонично воспринимался на ее фоне.

В тот год у мужа ухудшилось зрение, поэтому читал он мало. Перечитывал «Войну и мир» (в который уже раз на моей памяти!) и опять обнаруживал что-то для себя новое. Вообще любил перечитывать. В конце 90-х это были, как помнится, Байрон, «Сага о Форсайтах» Голсуорси, Сомерсет Моэм, исторические романы Фейхтвангера, «Иосиф и его братья» Т.Манна, Генрик Сенкевич, Жорж Сименон (которого ценил не как автора детективов, а как знатока человеческой психологии), Андрэ Моруа, «Живые и мертвые» К.Симонова, «Волоколамское шоссе» А.Бека.

Особенно часто перечитывал Библию, которую прекрасно знал. Любил ссылаться на библейскую мудрость в разговоре. Не уставал перечитывать Омара Хайяма, цитировал его наизусть. Одной из излюбленных цитат были также строки Шота Руставели:

Из кувшина может вытечь
Только то, что было в нем.

Кроме книг по специальности, Владимир Григорьевич читал произведения античных историков и философов, коран, издания по исламу и буддизму. Всегда питал слабость к энциклопедиям, справочникам, словарям, которых у него было не счесть. Он имел обыкновение читать их подряд, особенно тома энциклопедии Брокгауза и Эфрона.

Нравилось ему подолгу рассматривать многочисленные художественные альбомы из нашей домашней библиотеки. Среди любимых художников можно назвать, пожалуй, Брюллова, Венецианова, Левитана, Серова, Тициана, Джорджоне, Рафаэля, Рембрандта, Рубенса, Ренуара, Дега. Все, что было после импрессионизма, он не воспринимал. За границей всегда находил время для художественных музеев и обычно привозил открытки-репродукции особенно запомнившихся картин. Их скопилось великое множество...

Телевизор смотрел мало. Только старые советские фильмы, главным образом довоенных и военных лет. По многу раз, благо в конце 90-х их без конца крутили по разным каналам. Когда я

удивлялась, как можно столько раз смотреть один и тот же фильм, он отвечал:

— Я не слежу за сюжетом, мне просто нравится вспоминать жизнь, детали, характерные приметы. Ведь это моя молодость...

Но, пожалуй, одним из самых любимых был фильм про молодость Руси — «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна. И еще «Семеро смелых» с Тamarой Макаровой — ее (в юном возрасте) он считал самой красивой актрисой советского кино. С удовольствием много раз смотрел лучшие комедии Александрова, Пырьева, Гайдая, Рязанова, Данелии. Очень ему нравились «Белорусский вокзал» (особенно песня Окуджавы «Но нам на всех нужна одна победа, мы за ценой не постоим») и «Семнадцать мгновений весны».

Владимир Григорьевич любил, когда по телевизору показывали старую советскую эстраду — Шульженко, Утесова, Райкина, Миронову и Менакера. Очень любил советские песни, особенно песни военных лет. Терпеть не мог современного шоу-бизнеса.

15 июля 1999 г. мы отмечали в Палицах восьмидесятипятилетие Владимира Григорьевича. Гостей было совсем немного: близкие родственники, несколько друзей. Так он захотел, потому что с предубеждением относился к официальным торжествам — и к чествованиям, и к погребениям (особенно после похорон Гриши). Ему претили казенщина и фальшь, досужее любопытство, часто сопровождающие подобные мероприятия.

Порадовало мужа (совсем уж незадолго до кончины) успешное завершение докторской диссертации любимой ученицы Натальи Кирилловны Капитоновой. Продиктованный мне отзыв на ее автореферат был последним текстом, над которым он работал. «Мне радостно, что отечественное англоведение живет и развивается на новом этапе истории нашей науки», — такими словами заканчивается отзыв.

Зимой 2000 г. я заметила, что муж все больше старался отгородиться от внешнего мира, не читал газет, только слушал новости по радио. Реакция на огорчавшие его события в стране изменилась: раньше он сердился, возмущался, а в последнее время просто становился печальным-печальным...

В тот год Владимир Григорьевич стал чаще думать о смерти, хотя внутренне (мне казалось) был уверен (как и я), что несколько лет еще есть впереди. Во всяком случае, охотно строил планы на ближайшие годы. Но вместе с тем не раз заговаривал о том, как его следует проводить в последний путь, и многократно просил меня и ближайших родных неукоснительно это выполнить. Еще раньше он написал — от руки, на собственном именном бланке — завещание:

«Я, Трухановский Владимир Григорьевич, находясь в здравом уме и твердой памяти, настоящим завещаю моим родным и близким в случае моей смерти, независимо от того, когда и при каких обстоятельствах она произойдет, точно и без каких-либо отступлений осуществить следующее:

Похороны мои должны быть только семейным делом. Это значит, что гроб снаряжается дома или в морге и не выставляется ни в каком из

учреждений, где я работал к моменту кончины или работал ранее. Присутствуют только те, кто бывал в нашем доме.

Гражданская панихида не проводится. Официальные организации и их представители не принимают участия в похоронах».

Пользуясь случаем, прошу извинения у тех коллег и учеников мужа, которые желали бы, но не получили возможности проститься с ним, поклониться его гробу. Не исполнить его воли я не могла.

Муж строго наказывал мне после его смерти никого в исторических высших сферах ни о чем не просить, ни в коем случае не унижаться.

— Все эти увековечения памяти нужны только вдовам ради их тщеславия, — говорил он. — Покойникам уже ничего не нужно.

Убежденный атеист, Владимир Григорьевич в загробную жизнь души не верил. Он уважал в людях истинную веру, но глубоко презирал бывших партработников, позирующих на телеэкране со свечками в руках.

Самой по себе смерти Владимир Григорьевич не страшился, однако не скрывал, что боится связанных с ней страданий. Мы договорились раз и навсегда, что в больницу я его не отдам ни при каких обстоятельствах.

— Помни, я хочу умереть на своей постели, — говорил он.

Большим утешением в моем горе служит то, что он скончался дома, в своем кресле, и даже не успел понять, что умирает.

В последнюю зиму Владимир Григорьевич выбрал и место, где хотел быть похороненным. На повороте к Палицам с шоссе, ведущего из Москвы в Звенигород, на живописном пригорке располагается тихое Никологорское кладбище с маленькой белой часовенкой. Могила мужа — на возвышенности, посреди пяти больших берез. А внизу, вокруг поля с перелесками — среднерусская ширь, которая всегда была мила сердцу Владимира Григорьевича.

Мне кажется символичным, что он не смог перешагнуть порог XXI столетия. Новый век был не для него...

МАСТЕРА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ТРУХАНОВСКИЙ

(1914—2000)

Жизненный путь В.Г.Трухановского — это путь одаренного человека из народа. Родился будущий академик 15 июля 1914 г. в бедной белорусской деревне Ботвиновка на Могилевщине, в семье агронома. Окончил семилетку в районном центре Мстиславле и ремесленное училище в Кричеве. С 1931 г. работал слесарем-механиком на ленинградском заводе «Электроприбор». После окончания исторического факультета Ленинградского педагогического института учительствовал. В 1939 г. был направлен в распоряжение Народного комиссариата иностранных дел. Окончил Высшую дипломатическую школу. В годы Великой Отечественной войны работал в Иране, затем в НКВД. На всю жизнь запомнилось Владимиру Григорьевичу участие в двух исторических конференциях 1945 года — в Сан-Франциско, на которой была учреждена Организация Объединенных Наций, и в Потсдаме, где обсуждалось послевоенное устройство в Европе.

В 1953 г. с должности заведующего отделом ООН МИД В.Г.Трухановский перешел на работу в Институт истории Академии наук СССР. За несколько лет до этого он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Позиция Англии по вопросу о России на Парижской мирной конференции 1919 г.». В 1958 г. за обширный труд «Новейшая история Англии» ему была присуждена докторская степень. Всего им написаны 18 монографий и научно-популярных книг, около 200 научных статей. Особым спросом у читателей пользуются его книги об Уинстоне Черчилле, Антони Идене, адмирале Нельсоне, Бенджамине Дизраэли.

С 1949 по 1976 г. В.Г.Трухановский возглавлял кафедру международных отношений Московского государственного института международных отношений. В 1957—1960 гг. работал заместителем директора Института истории АН СССР. На протяжении 27 лет являлся главным редактором журнала «Вопросы истории». Был членом Совета Пагуошского движения ученых, президентом Общества СССР — Новая Зеландия, президентом Ассоциации российских англоведов «Английский клуб: история, культура, бизнес».

Все эти вехи жизненного и творческого пути историка отражены в публикуемых фотодокументах. На них запечатлены отец и мать ученого, Григорий Ипполитович и Анна Николаевна; В.Г.Трухановский в детстве и юности; он же — сотрудник Министерства иностранных дел СССР; на церемонии награждения журнала «Вопросы истории» орденом Трудового Красного Знамени; на международных встречах и конференциях (с Генеральным секретарем ООН Куртом Вальдхаймом и премьер-министром Индии Индирой Ганди); Владимир Григорьевич с сыновьями Григорием и Владимиром, с женой Н.Г.Думовой, в кругу друзей и коллег (среди них — академики В.Л.Янин, А.О.Чубарьян, Ю.А.Поляков, Л.В.Черепнин, член-корреспондент АН СССР З.В.Удальцова, профессор С.П.Капица).

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.А.ЧЕРНОБАЕВ.

В.Г.Трухановский в школе (второй справа). 1926 г.

Григорий Ипполитович
Трухановский. 1934 г.

В.Г.Трухановский с матерью
Анной Николаевной. 1937 г.

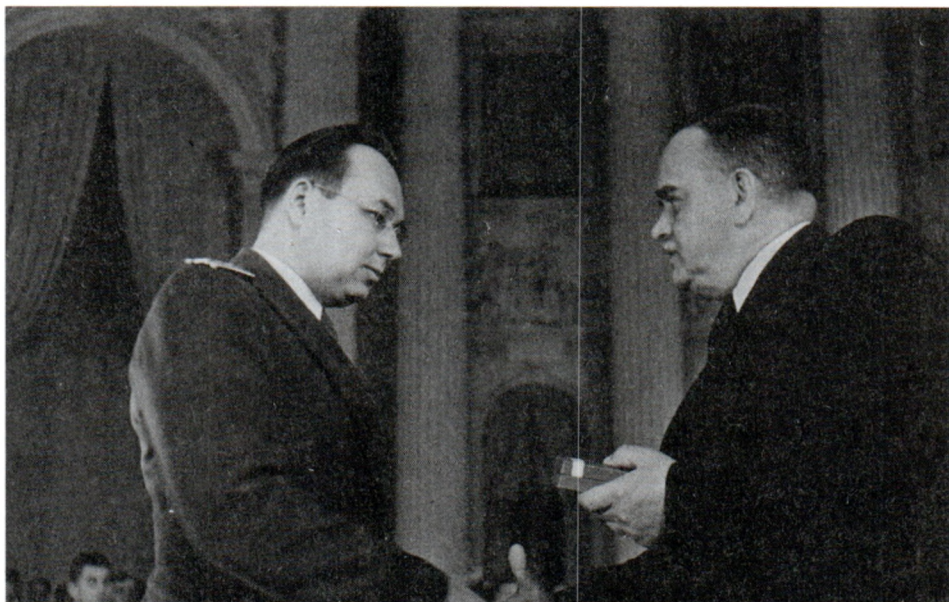
В.Г.Трухановский. 1935 г.

В.Г.Трухановский (второй слева) с членами английской парламентской делегации. Средняя Азия. 1945 г.

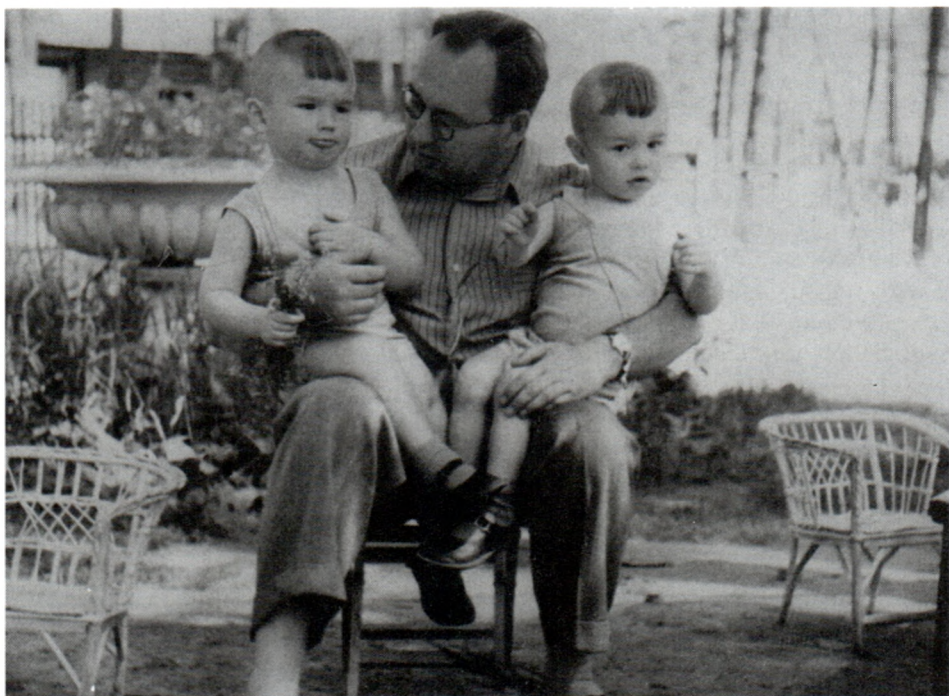
В.Г.Трухановский (слева) на Потсдамской конференции. 1945 г.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.М.Шверник вручает В.Г.Трухановскому орден Трудового Красного Знамени. 1946 г.

В.Г.Трухановский — сотрудник Министерства иностранных дел СССР.
Конец 1940 — начало 1950-х гг.

С сыновьями Григорием (слева) и Владимиром (справа). 1954 г.

В.Г.Трухановский в Кисловодске. 1961 г.

В.Г.Трухановский (второй слева) на международном конгрессе историков в Вене. Третья слева З.В.Удальцова, первый справа Л.В.Черепнин. 1965 г.

С Ю.А.Поляковым. Берлин. 1964 г.

С Л.Е.Кертманом и А.О.Чубарьяном. Уфа. 1966 г.

В Австралии. 1970 г.

С сыном Григорием. 1970 г.

С женой Н.Г.Думовой. 1972 г.

В.Г.Трухановский. 1973 г.

С Генеральным секретарем ООН К.Вальдхаймом. 1975 г.

С премьер-министром Индии И.Ганди
и президентом Пагуошского движения ученых Д.Ходжкин. 1977 г.

На церемонии награждения журнала «Вопросы истории»
орденом Трудового Красного Знамени. 1976 г.

С С.П.Капицей. Варна. 1978 г.

На даче. 1984 г.

С В.Л.Яниным
и Н.Я.Троицким. 1984 г.

На международной научной конференции в Италии. 1987 г.

С женой Н.Г.Думовой в санатории «Узкое». 1989 г.

В.Г.Трухановский. Ницца. 1998 г.

Книги В.Г.Трухановского, изданные в нашей стране и за рубежом

ПРЕДЫСТОРИЯ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ

1902—1905 гг.

В литературе о первых годах XX в. акцентируется внимание на явлениях и процессах, подводящих страну к революции — развитию рабочего движения, политических демонстрациях, активизации деятельности нелегальных революционных партий, а также либеральной оппозиции и т.п. Между тем в то время активизировались и правомонархические силы. Однако характеристика их деятельности не выходила за рамки освещения зубатовских организаций и патриотической манифестации рабочих Москвы 19 февраля 1902 г., связанной с возложением серебряного венка к памятнику Александру II¹. В действительности же на этом фланге «общественного движения» деятельность была несравненно более широкой. Об этом свидетельствуют следующие факты: переход на политические рельсы в 1903—1905 гг. такой организации, как Русское собрание, изначально, во время утверждения устава в январе 1901 г., ставившего перед собой сугубо культурно-просветительные цели; возникновение первых организаций для борьбы с социализмом (в 1903 г. в Воронеже)²; оформление студенческих монархических организаций (в 1903 г. — в Харькове и в 1904—1905 гг. — в Петербурге); широкие патриотические демонстрации в связи с началом русско-японской войны; активизация правомонархических сил в политических салонах петербургского высшего общества; попытки Департамента полиции (ДП) МВД уже летом 1902 г. противопоставить действовавшим за рубежом русским организациям, стремившимся активизировать рабочее и революционное движение в России, консервативные силы в поддержку существовавшего режима³. Деятельность в этом направлении мог имитировать работавший в Париже в 1885—1902 гг. П.И.Рачковский, который являлся заведующим заграничной агентурой и который позднее, в 1905 г., был причастен к созданию правомонархических партий в России, в частности, Союза русского народа (во главе с А.И.Дубровиным).

¹ См.: О патриотической манифестации рабочих г. Москвы 19 февраля 1902 г. (ГА РФ. Ф. 102.00. 1902 г. Оп. 230. Д. 93).

² О возникновении в 1903 г. «Воронежского комитета по борьбе против социализма» см.: Рылов В.Ю. Правомонархическое движение в Воронежской губернии в 1903—1917 гг. Канд. дисс. Воронеж, 2000. С. 6—7. Кроме того, архивные материалы за 1903 г. (в фонде Конторы Великого князя Константина) свидетельствуют, что предпринимались попытки (был представлен проект Н.М.Хайтановского) «об учреждении Георгиевского общества в целях нравственного воспитания народа в духе преданности «Богу, Царю и Отечеству» (РГИА. Ф. 538. Оп. 1. 1903 г. Д. 4. Л. 88—117).

³ См.: публикацию Е.М.Макаренко об издании летом 1902 г. в Париже «Лигой спасения Русского отечества», «Обращения» к французам с призывом поддержать консервативные силы в России (Источник. М., 1999. № 3. С. 3—7).

В первые годы XX в. в Петербурге действовал кружок братьев Н.П. и А.П. Барсуковых, среди участников которого были весьма высокопоставленные деятели (П.П.Вяземский, С.Д.Шереметев, государственный контролер Т.И.Филиппов и др.). В этом своеобразном политическом клубе, где обсуждались религиозные и моральноэтические темы, проводились и «серьезные беседы». На них присутствовал издатель и редактор «Московских ведомостей» В.А.Грингмут⁴, ставший весной 1905 г. организатором одной из первых в России правомонархических партий — «Русского монархического союза». Эта тема практически не изучалась и не отражена в публикации документов. Определенным исключением является статья В.Я.Лаверычева, посвященная кружку «Беседа», который возник в самом конце XIX в. Кружок воспринимался обычно как проявление определенных либеральных дуновений; консервативные силы, отражал как бы борьбу различных тенденций (кроме радикальных) в общественном движении первых лет XX в⁵.

Хронологические рамки настоящей публикации охватывают период с рубежа XIX—XX вв. по осень 1905 г., когда появился царский Манифест 17 октября, изменивший политическую ситуацию и легализовавший создание политических партий. Знакомство с этими документами, хранящимися в ряде фондов ГА РФ за 1902—1905 г. (Особого отдела ДП МВД; листовок; Николая II; Б.В.Никольского) позволяет лучше понять события первой русской революции, образование в 1905 г. правомонархических партий как в центре, так и на местах, характер уличных столкновений после издания Манифеста 17 октября правомонархически настроенных групп населения с радикалами и либералами, приветствовавшими Манифест или выражавшими недовольство малыми уступками.

Документы публикуются по правилам современной орфографии. Слова, подчеркнутые авторами, выделены курсивом.

Публикацию подготовили доктор исторических наук Ю.И.КИРЬЯНОВ и кандидат исторических наук Б.Ф.ДОДОНОВ.

№ 1

Преосвященнейшему Парфению, епископу Можайскому из письма «московских рабочих» [зубатовского толка]

7 марта 1902 г.

[...] Праздник 19 февраля является символом неразрывного единства русского народа со своим царем, единства, освященного и одухотворяемого Православною церковью [...]. Мы, московские рабочие, объединяясь в братский, неразрывный Союз, уповаем, что Вы, Ваше Преосвященство, вознесете молитвы к Престолу Всевышнего об укреплении и преуспейнии нашего Союза на началах Православия и Самодержавия, для блага всего русского народа.

Московские рабочие

ГА РФ. Ф. 102.00. 1902 г. Д. 95. Л. 25. Копия. Машинопись.

⁴ См.: Лаверычев В.Я. «Беседа» и тенденции к консолидации консервативных сил в России конца XIX — начала XX в. // Отечественная история. 1994. № 3. С. 43—57.

⁵ См.: там же. С. 52.

№ 2

Доклад чиновника Особых поручений П.И.Рачковского¹ —
Его Превосходительству господину и. д. директора Департамента
полиции МВД [С.Г.Коваленскому]²

С.-Петербург

[31 мая 1902 г.]^а

Революционное движение, охватившее в последнее время Россию, пустило глубокие корни за границей, главным образом во Франции и Англии. Выдающиеся представители нашей эмиграции, пользуясь тенденциями крайних политических партий, враждебно относящихся к России, успели заручиться связями с литературными сферами, благодаря чему они часто помещают в современных изданиях заведомо ложные сведения о положении дел в империи и мнимой беспомощности нашего правительства в борьбе не только с подпольными революционными организациями, но и с общим движением общественной мысли, требующей, будто бы, политических реформ. Упомянутые сведения проникают в прессу в виде сенсационных телеграмм, отдельных отрывочных заметок и статей. Финляндские агитаторы, в свою очередь, путем подкупа отдельных редакций и публицистов, воздействуют на общественное мнение во Франции в желательном для себя ореоле политического мученичества, выставляя при этом в самом неблагоприятном свете практикуемую в России систему действий. Благодаря названной агитации, самые благонамеренные французские элементы постепенно проникаются неблагоприятным к России и нет такой выдумки, к которой общественное мнение не отнеслось бы с некоторым доверием. Пользуясь этим, распространяются всевозможные слухи, которые, в конце концов, если не положить им предела, не могут не подрывать авторитета ИМПЕРАТОРСКОГО правительства во Франции. Правда, наше Министерство финансов, сознавая всю важность печати, весьма часто прибегает, с целью воздействия на ту или иную газету, к подкупам журналистов, но подобная система, внося элементы шантажа и вымогательства, преследуя лишь цели защиты интересов своего ведомства, не дает серьезных результатов. Таким образом, вопросы внутренней и внешней политики России решительно игнорируются, и никто и никогда не отстаивает их в общественном мнении западноевропейских государств.

В виду всего вышеизложенного я задался мыслью возвестить Европу о том, что в России существует, будто бы, особая «патриотическая Лига», поставившая себе задачей воздействовать на наше инертное общество и, главным образом на так называемую русскую интеллигенцию, в смысле отрезвления ее от космополитических утопий, а также о состоявшемся, будто бы, решении Лиги активно бороться с подпольными элементами в России и

^а Дата поступления в ДП МВД.

за границей. Названное оповещение, как Ваше Превосходительство изволите усмотреть из представляемых газетных вырезок, с быстротой молнии распространилось в Европе, причем известие это было встречено с полным доверием не только в общественном мнении, но и среди наших заграничных революционеров, которые успели уже оповестить местную читающую публику и сами утвердиться во мнении, что русское общество, возмущенное произволом министров, вполне сочувствует, будто бы, революционерам в борьбе с ненавистным ему и покинутому общественным мнением правительством.

Среди евреев-революционеров мнимое существование Лиги произвело удручающее впечатление. В их кружках преобладает мнение, что действия активной Лиги неизбежно вызовут еврейские погромы в России. В настоящее время еще довольно трудно предрешить, в какой форме отразится вышеприведенная затея на заграничном революционном движении вообще и на евреях, составляющих главный контингент оппозиции, в частности, но первые ее результаты можно считать вполне хорошими. Многие французы, которым не трудно было внушить идею организации Отдела патриотической Лиги в Париже, ближайшей задачей коего явится защита русских интересов во Франции путем опровержения в прессе ложных слухов, освещения отдельных фактов русской жизни, одним словом — создание благожелательного для правительства направления, откликнулись на это дело и изъявили полное согласие помогать ему.

В настоящее время в Париже уже организован небольшой кружок лиговцев, вдохновленных идеей франко-русского сближения и готовых посвятить себя упомянутой деятельности.

Из представляемой при сем прокламации отдела Лиги Ваше Превосходительство изволите усмотреть, как это дело будет поставлено. Не подлежит никакому сомнению, что при известном такте, конспиративности и умелой организации дела, названная патриотическая Лига со временем, даст блестящие результаты. К этой организации примкнет масса французских патриотов, и деятельность Лиги, распространившись на всю Францию, парализует антирусское течение, замечаемое в политических кружках, благодаря преступной деятельности русской эмиграции, а с другой стороны, поставит наших революционеров в полную невозможность действовать безнаказанно в пределах Франции. Со временем же, вполне утвердившись, такая организация избавит наше Министерство финансов от непроизводительных затрат, которые, как было сказано, не достигают намеченной цели. В основу Лиги положены патриотические начала, а потому, при развитии и расширении этого удачно начатого предприятия, с нашей стороны не потребуются никаких расходов. Комитет Лиги, выпуская издания, устраивая реформы, прибегая к сбору пожертвований, сумеет образовать самостоятельный фонд, необходимый для оплаты редакционных статей, которые будут помещаться в разных французских газетах.

Докладывая Вашему Превосходительству о вышеизложенном, считаю долгом присовокупить, что одним из секретных деятелей Лиги, между прочим, является директор телеграфного агентства «*Paris Nouvelles*» Эдгар Рольс (*Edgar Rolls*), поставленный в наилучшие условия для

успешной работы на намеченном мною пути. Комитет Лиги помещается в Париже, 27, *rue Jaint Lagare*^a.

Чиновник особых поручений *П.Рачковский*

ГА РФ. Ф. 102.00. 1902 г. Д. 598. Л. 2—3об. Подлинник.
Машинопись. Подпись-автограф.

№ 3

Донесение К.Нарышкина — графу В.Н.Ламздорфу³

Париж

23 мая — 5 июня 1902 г.

Его сиятельству Графу В.Н.Ламздорфу.

Милостивый государь Граф Владимир Николаевич.

Имею честь доставить при сем, на благоусмотрение Вашего сиятельства, рассылаемые неизвестно кем русской колонии в Париж, а также и многим французам, печатные приглашения «Лиги для спасения Русского отечества».

Запрошенный мною относительно этой Лиги Парижский префект полиции доставил мне прилагаемую при сем записку, содержащую в себе собранные полицией сведения.

Я не премину поставив в известность г-на Лена⁴ о неосновательности упоминаемых в записке по[ка]заний г-на Ренара относительно поддержки, которую он якобы встречает со стороны посольства, и попрошу префекта сделать г. Ренару надлежащее внушение.

Как только я буду иметь более обстоятельные сведения об этом загадочном предприятии и его инициаторах, я сочту долгом представить их немедленно Вашему сиятельству.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего сиятельства

Покорный слуга *К.Нарышкин*

ГА РФ. Ф. 102.00. 1902 г. Д. 598. Л. 8—8об. Машинопись. Копия.

№ 4

Письмо князя Урусова — графу В.Н.Ламздорфу

Париж

20 июня — 3 июля 1902 г.

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

В дополнение к донесению д[ействительного] с[татского] с[оветника] Нарышкина от 23 мая / 5 июня сего года за № 24, имею

---

^a На первой странице доклада наверху чернилами написано: «Доложено Его Величеству 13 июня 1902 г. Плева». С левой стороны документа имеется помета заведующего Особым отделом ДП МВД Л.Ратаева: «Желаю прочесть вырезки из газет и другие материалы, в которых говорится [об этом], помеченное 31 мая.

честь представить у сего^а полученную из Парижской префектуры полиции записку с дополнительными сведениями о здешнем отделении «Лиги спасения русского отечества» и только что разосланный по Парижу новый циркуляр названного общества.

Из первого документа Вы изволите усмотреть, что представитель последнего в Париже г. Renard (*alias Charles — Félix — Emile — Lambeert*) указывает на двух лиц, как на учредителей Парижского отделения: Эдгара Рольса (Roëls) и Роберта Мануилова. Первый из них директор телеграфного агентства «Paris — nouvelles», а второй (ошибочно названный Робертом) — агент в Риме императорского Министерства внутренних дел по католическим духовным делам.

Узнавши, что Мануилов находится ныне в Париже, я распорядился о вызове его в канцелярию посольства для подачи разъяснений о выше-сказанном обществе и объяснений на счет приписываемых ему речей, касательно причастности посольства к означенной «Лиге». Расспрошенный советником посольства по сему предмету, Мануилов безусловно отрекся не только от написанных ему слов и роли, но и от всякого знакомства с Ламбером; о самом существовании Лиги он узнал лишь из бесед с Рольсом.

Анонимный циркуляр «Лиги», кроме причудливой программы действия, заключает в себе мнимые изобличения д[ействительного] с[татского] с[оветника] Рачковского и жалобы на его отношение к ней. Одно только обстоятельство обращает на себя внимание — это указание на город Харьков, как на центральный административный пункт «Лиги».

Пустое пока, но довольно шумливое действие загадочного общества возбудило здесь в некоторых кругах разные толки и недоумение. Социалистическая и ультрарадикальная печать сильно восстает против «происков Русского правительства» и готовит им отпор. Многие французы и члены русской колонии в Париже обращаются в посольство и в генеральное консульство за сведениями, и я позволю себе заметить, что было бы желательно разъяснить настоящее значение и происхождение «Лиги спасения русского отечества». Запрошенный мною о ней г. Рачковский не мог сообщить мне никаких положительных данных.

Покорнейше прошу Ваше Сиятельство принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Кн. Урусов

ГА РФ. Ф. 102.00. 1902 г. Д. 598. Л. 11—12. Копия. Машинопись.

№ 5

Министр внутренних дел В.К.Плеве — графу В.Н.Ламздорфу⁵

8 июля 1902 г.

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

Вследствие записки от 27 прошлого июня за № 6878, имею честь уведомить Ваше Сиятельство, с возвращением приложения, что о

^а Так в тексте. Видимо: при сем.

возникшей в гор. Париже «Лиге для спасения Русского отечества» в Министерстве внутренних дел имеются сведения, вполне согласующиеся с данными, изложенными в донесениях императорского посольства в Париже за №№ 24 и 31. Что же касается до содержащегося в анонимном циркуляре «Лиги» указания на город Харьков, как на центральный административный пункт означенного сообщества, то по сему поводу сведений в Министерство внутренних дел не поступало и Харьковский центральный комитет ничем до сего времени своего существования не проявил.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в совершенном почтении и преданности.

В. Плева

ГА РФ. Ф. 102.00. 1902 г. Д. 598. Л. 15. Копия. Машинопись.

№ 6

**Записка заведующего особым отделом ДП МВД
Л.А.Ратаева — П.И.Рачковскому**

№ 4659

13 июля 1902 г.

Его Превосход[итель]ству П.И.Рачковскому
Милостивый государь Петр Иванович.

Препровождая при сем в копии письмо некоего Луиджи де-Мариниса, проживающего в Риме по *Via della Vite, 46*, на имя г[осподина] директора департамента полиции, в коем сообщается о формируемой в настоящее время в Риме «Лиге молодых итальянцев для защиты идеалов ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Российского ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-го» (*Lega di giovani italiani per difendere gli ideali di S. M. l'Imperatore Russia Nicolo II*), имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить ваше заключение по поводу сформирования названной лиги в Италии, а равно, какой может быть дан ответ г[осподину] Луиджи де-Маринису на его письмо.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Л. Ратаев

ГА РФ. Ф. 102.00. 1902 г. Д. 598. Л. 19. Подлинник. Машинопись.

Приложение

Письмо Л. де-Мариниса директору Департамента полиции

Рим, Via della Vite, 46

12 июля 1902 г.

№ 8561

Ваше превосходительство.

В Риме формируется «Лига молодых итальянцев для защиты идеалов ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Российского

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-го». Молодежь эта явилась ко мне с настоятельными просьбами сформировать эту Лигу в честь ИМПЕРАТОРА.

Позволяю себе просить Ваше Превосходительство не отказать сообщить мне соответствующие указания (разъяснения) или указать мне, кто бы мне мог оказать протекцию, — нет ли в России главы подобной Лиги, с которым я бы мог войти в непосредственные сношения.

С нетерпением ожидая ответа Вашего Превосходительства об изложенном, извиняюсь за причиняемое беспокойство.

Покорнейший слуга

Луиджи де-Маринис

ГА РФ. Ф. 102.00. 1902 г. Д. 598. Л. 18. Копия. Машинопись.

№ 7

Князь Урусов — графу В.Н.Ламздорфу

Париж

17 июля 1902 г.

Его сиятельству графу В.Н.Ламздорфу
Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

Считаю долгом возвратиться к вопросу о «Лиге спасения Русского отечества», о коем я имел честь писать Вам 20 июня — 3 июля сего года за №31.

Это анонимное общество продолжает занимать публику своими рекламами; оно обращает на себя внимание уже не одной ультрарадикальной печати, но и умеренных газет, и отзывы последних далеко неблагоприятны загадочной «Лиге». По прилагаемой у сего вырезке из «*Journale des Débat*» Ваше сиятельство можете судить о впечатлении, произведенном ею в Париже.

Нельзя не согласиться с размышлениями означенной серьезной газеты о явных неудобствах, во всяком случае, бесплодной, а может быть, и опасной агитации.

К доводам «*Journale des Débat*» нужно добавить, что, не говоря об оскорбительном для русского самолюбия воззвании [с обращением] за помощью к иностранцам о «спасении (!!) русского отечества», — это воззвание рассылается без разбора всем, можно сказать, жителям Парижа и целой Франции, и раздается даже на бульварах прохожим; у сего прилагаю один экземпляр раздаваемого листка. Ответят на призыв, без сомнения, и члены революционных сообществ, с целью ознакомиться с намерениями, способом действия и средствами «Лиги». Спрашивается, чего можно ожидать, кроме вреда, из поставленного таким образом дела.

Покорнейше прошу, Ваше Сиятельство, принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Князь Урусов

ГА РФ. Ф. 102.00. 1902 г. Д. 598. Л. 26—26об. Копия. Машинопись.

№ 8

Текст об «Антиреволюционной лиге», подготовленный радикалами, для рабочих и прогрессивных газет Вены, Берлина и Лондона

Антиреволюционная лига

1902 г.

Нам пишут из России:

Несколько времени тому назад распространился слух, что учредилось частное тайное общество, имеющее целью своими трудами поддерживать русское правительство в его борьбе против революционного движения. Теперь дело понемногу освещается и уже видно, кто и что скрывается под «Лигою для спасения Русского отечества». Вот что мы имеем возможность сообщить ныне о ее происхождении.

В прошлом году корреспондент телеграфного агентства *Paris-Nouvelles*, некий Рёллс, командированный директором агентства Лейдсом, обратился к Витте, предлагая ему за хорошее вознаграждение распространять в иностранной печати сведения, распространение коих было бы желательно русскому правительству. Витте отклонил предложение, ибо условия не обещали ему успеха. Так как дела пошатнулись, пришлось прибегнуть к другим путям и средствам, чтобы найти денег. У Рёллса зародилась идея Лиги. Он и несколько ему подобных собрали сумму не много более 2000 франков, из них 900 франков было употреблено на наем квартиры в № 21 улицы *Jaiur Lazare*, остальные несколько сот франков предназначены на первоначальную организацию. Надеялись на немедленную поддержку русского правительства; но встретились непредвиденные препятствия. Русское правительство действительно начало интересоваться планом Русской лиги, но начальник тайной полиции Роштровский (вероятно, Рачковский) посмотрел на это косо, ибо он предвидел в затеях Лиги себе конкуренцию. Влияние Рачковского всеильно и, возможно, что ему удастся подкопаться под Лигу или что обе хорошенькие компании соединятся воедино. Все известия, согласно коим Лига будто бы насчитывает тысячи и тысячи членов, ложь.

Все рассказы о Ц[ентральном] комитете в Харькове и подобных вещах есть ни что иное, как пустая фантазия. В революционных кружках уже давно и точно знают, как смотреть на эту Лигу.

Прилагаемый перевод доставлен мне из Вены с нижеследующим примечанием:

«Я не мог открыть источник этой корреспонденции; я предположил, что она была заимствована от маленького агентства русских революционеров, которое доставляет свои листки большинству здешних газет. Но это не так. Это именно частное сообщение *Arbeiter Zeitung*, исходящее от центр[...]а, существующей в Кракове, душою коей

^a Далее неразборчиво.

состоит депутат-социалист Дачинский и который пускает в обращение по Европе новости русских революционеров.

(Окончание следует)

ГА РФ. Ф. 102.00. 1902 г. Д. 598. Л. 26—26об. Рукопись.

Примечания

¹ *Рачковский Петр Иванович* (1853—1911) — руководитель политического розыска, заведующий Заграничной агентурой ДП МВД с 1885 по лето 1902 г., когда за сообщение отрицательных сведений о Филиппе, пользовавшемся большим расположением Николая II и Александры Федоровны, и вследствие негативного отношения к нему нового министра внутренних дел В.К.Плеве, вынужден был выйти в отставку. До 1905 г. — не у дел; в бытность товарищем министра МВД Д.Ф.Трепова был привлечен к заведованию всей политической частью ДП МВД. В 1906 г., с назначением П.А.Столыпина, вновь вышел в отставку. Можно предположить, что публикуемая записка П.И.Рачковского, кроме обычных причин, вызванных деятельностью русской революционной эмиграции, имела побудительным мотивом и стремление ослабить впечатление от прохладного отношения французов к Николаю II, который посетил Францию осенью 1901 г.

² *Коваленский Сергей Григорьевич* (1862—?) — из потомственных дворян; окончил Императорское училище правоведения. С 1902 г. на государственной службе (в основном по судебному ведомству). В 1902 г. и.о. директора ДП МВД; должность директора занимал с 6 марта по 29 июня 1905 г.

³ *Ламздорф Владимир Николаевич* (1844—1907) — граф. Окончил Пажеский корпус. В 1861 г. поступил на государственную службу в канцелярию Министерства иностранных дел, с которым оказалась связанной вся его дальнейшая деятельность. В 1897 г. был назначен товарищем (заместителем) министра, в 1900 г. — министром иностранных дел. Отстаивал умеренный курс дальневосточной политики. Являлся сторонником укрепления связей с Францией. В мае 1906 г. получил отставку, но был введен в состав Государственного совета (См.: Российская дипломатия в портретах. М., 1992; Государственные деятели России XIX — начала XX в. Биографический справочник. Составители И.И.Линьков, В.А.Никитин, О.А.Ходенков. М., 1995. С. 98—99).

⁴ Имеется в виду Парижский префект полиции.

⁵ *Плеве Вячеслав Константинович* (1846—1904) — из дворян, окончил Московский университет, вышел со степенью кандидата юридических наук. С 1867 г. начал службу в Московском окружном суде. В 1899 г. назначен министром, статс-секретарем княжества Финляндского, с 1902 г. — министром внутренних дел и шефом жандармов; в 1904 г. убит социалистом-революционером Е.Сазоновым в С.-Петербурге.

ДНИ СКОРБИ

Дневник барона Н.Н.Врангеля. 1914—1915 гг.*

III

На пути

24-го октября

Мой поезд выехал первый раз за ранеными.

28-ое [октября]

Сегодня мы прибыли в Ивангород и сразу со всех сторон меня овевало чем-то новым. Совсем особое настроение сосредоточенного внимания царит в этих местах, близких свидетелях еще недавних сражений. Стоят, сидят, лежат и ходят серые солдатские фигуры, и однообразное заволокнутое пепельной мглой небо равнодушно глядит на происходящее. Всюду грязно и неряшливо: чувствуется, что здесь нет времени думать об удобствах и чистоте. Под заборами, у стен домов и у колес вагонов белая, как снег, известь, насыпанная для дезинфекции, напоминает о надвигающейся холере.

На станции мне попался знакомый — князь Никита Трубецкой¹ — адъютант Великого Князя Николая Михайловича. Сейчас же я пошел к Великому Князю, которого застал в грязном и неприветливом походном вагоне, где он и живет.

Николай Михайлович сидел в белом (или правильнее некогда белом) засаленном и потертom фланелевом летнем костюме, который он носит по утрам уже лет 5. Грязные окурки и неубранный вагон напомнили скорее жильё Плюшкина, чем кабинет Высочайшей Особы.

Я был очень рад встрече с Великим Князем, которого я искренно люблю за его ум и оригинальный независимый характер². Николай Михайлович состоит ныне при генерале Иванове и постоянно переезжает с места на место³. Он вытащил мне из ящика своего стола 4 тетради записок, которые он ведет с начала войны, записки, которые несомненно будут крайне любопытны⁴. Великий Князь пишет еженедельно императрице Марии Федоровне и я многое бы дал, чтобы дожить до дня, когда будут опубликованы эти едкие и умные письма такого близкого и вдумчивого свидетеля происходящих событий⁵.

29-ое окт[ября]

Сегодня утром мы прибыли в Радом, где следы нашествия неприятеля еще очевиднее, чем в Ивангороде. Разрушены железнодорожные

---

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 2001. № 2. С. 129—152; № 3. С. 111—136.

мастерские, взорваны водокачки и во многих местах поврежден путь. Дальше на Кельцы сообщения нет и железная дорога, над восстановлением которой усиленно работают саперы будет приведена в годность только через несколько дней.

Евреи, евреи и евреи скулят повсюду и все жители в один голос говорят, что это наш злейший враг. В Ивангороде уже повешено их несколько десятков, но повидимому шпионство среди них все еще процветает⁶.

Едва вышел я из поезда, как меня окружила целая группа уполномоченных дворянских организаций и через 1/4 часа все они уже стали жаловаться друг на друга, рассказывая о своих ссорах и неурядицах.

Господи Боже, неужели даже теперь дух раздора и несогласия не покинет русского человека!

Беспорядок, хаос, неразбериха и еще черт знает что прямо таки поражает во всех организациях наших частей, обслуживающих армию. При том здесь дело не в отсутствии денег, на что сваливают вину все уполномоченные, а именно в том «грибке разложения», который губит все наши добрые начинания и мысли. Людей слишком много, но плана в их работе нет и один только мешает другому. Видел я и другие переродовые поезда, но некоторые из них, хотя скромные и бедные все же имели какой-то порядок и деловитость чего здесь абсолютно нет.

Еще больший хаос царит в эвакуационных распоряжениях: один приказ отменяет другой, каждая телеграмма противоречит предыдущей. Так одна сестра милосердия рассказывала мне, как ей *единолично* был отдан поезд из холодных теплушек, нагруженный 45 офицерами и тысячу нижними чинами. Несчастливая женщина должна была исполнять обязанности и коменданта и сестры и санитаров и докторов в течении нескольких суток. Поезд по нерадению был отправлен не по той ветке, задержан в пути на разъезде и свыше тысячи человек в холодных нетопленных теплушках стояли сутки без питья и пищи. Дождь лил, как из ведра и несчастная сестра из вагона в вагон лазая, цепляясь и падая, перевязывала рваным бельем и тряпками и поила дождевой водой несчастных страдальцев.

И весь этот ужас и безобразие произошли не из непреодолимых условий войны, а исключительно по нерадивому недосмотру. Я видел документы и телеграммы подтверждающие этот факт.

30-го [октября]

Сегодня у нас умер австриец который всю ночь кричал и бредил. Я не могу забыть его остановившиеся полные чего то нового, что то узревшие глаза. Я увидел впервые как человек *видит* приближение смерти.

Утром в серый мгlistый день мы сдали покойника на станции. Сколько еще таких смертей пройдет перед нами.

1-го ноября

Раненые офицеры, которых у нас десять — рассказывают: в армии среди солдат множество симулянтов, притворяющихся ранеными. Все

они стреляют себе в мякоть левой руки и, таким образом, становятся негодными к строю. В одном только нашем поезде таких подозрительных «пострадавших» свыше 40 человек^а.

Еще более позорящие слухи ходят о наших санитарях. Все они, набираемые из отбросов армии занимаются грабежом. Сегодня один из раненых офицеров рассказывал мне, что он собственноручно застрелил одного и ранил другого русского санитаря, которые на его глазах, полагая, что он лежит мертвым прикалывали его раненого товарища, чтобы поживиться его деньгами⁷.

Приказ по военному ведомству

№ 725

Ноября, 18 дня

Государь Император, по всеподданнейшему докладу главного военного суда, в 9-й день ноября 1914 года Высочайше повелеть соизволил: дополнить кн. XXII С.В.П. 1869 г., изд. 4-е, новою 245 статьею, изложив ее в следующей редакции.

«За умышленное причинение себе непосредственно или через другое лицо с целью уклониться от службы или от участия в военных действиях огнестрельных или иных ранений, повлекших за собою увечье или повреждение здоровья, хотя бы даже лишь временно воспрепятствовавшее исполнению служебных обязанностей, виновный подвергается:

а) во время войны в районе военных действий — лишению всех прав состояния и смертной казни или ссылке в каторжные работы от четырех до двадцати лет, или без срока;

б) в виду неприятеля — лишению всех прав состояния и смертной казни.

Тем же наказаниям подвергается и тот, кто с намерением вышеуказанным способом изувечит другого или повредит ему здоровье или окажет ему в этом содействие».

Согласно испрошенному мной особому Высочайшему повелению, последовавшему 11 сего ноября, настоящий закон должен почитаться подлежащим применению с 16 октября сего года, когда подобного рода мера была уже принята по существу приказом Верховного Главногокомандующего за № 104.

Подписал: военный министр генерал-адъютант *Сухомлинов*⁸

2-го ноября

Раненый и тяжело больной теряет свою национальность и становится человеком вообще. Вчера один из наших умирающих пленных германцев, узнав от сестры, что ожидается посещение поезда Государем, — сказал:

— Ah, ich bin so gluecklich das ich kann ihren Kaiser sehen⁶.

---

^а Подтверждением этих рассказов служит следующий приказ изданный 18-го ноября (Примеч. автора).

⁶ Ah, я так счастлив, что смогу увидеть вашего императора (нем.)⁹.

5-го [ноября]

Мы отправляемся во второй рейс и, по моему ходатайству, не будем каждый раз возвращаться в Петербург, а крейсировать ближе к месту военных действий.

8-го [ноября]

Беспорядков на местах с каждым днем все больше. Один начальник не слушается другого и все жалуются друг на друга. Приказания одного отменяются другим и так до бесконечности.

Сегодня мы встретили военно-санитарный поезд, который *две недели* стоит вдали от станции среди поля, так как его не хотят пропускать «в виду скопления».

А в других местах раненые валяются неделями без призора и все вследствие нераспорядительности и неумения начальников эвакуационных пунктов. Поражаешься легкомыслию этих лиц, образцом которого может послужить нижеприводимый циркуляр всем начальникам поездов, каковой мы получили сегодня.

Начальнику Санитарной части Юго-Западного фронта

№ 4913

2-го ноября 1914 г.

Дежурный генерал Штаба Главнокомандующего уведомляет, что по сообщению некоего Попова, на театр военных действий выехал известный шулер Александр Александрович Эйсмонт, выписанный офицером Потоцким (который заведывает санитарным отрядом или поездом). Эйсмонт ездит в качестве подрядчика и, где находится в настоящее время неизвестно. Сообщается по приказанию главного начальника снабжений армий...

Следует 6 подписей ген[ерала] Эльснера и проч.¹⁰

Вот как «на основании сообщения *некоего* Попова», без какой либо проверки кладется тень на якобы *соучастника* шулера *офицера* и при том заведывающего санитарным поездом!

9-го [ноября]

Отправляясь во второй рейс, я решил захватить с собой моего приятеля М.В.Добужинского¹¹, который давно уже просил меня об этом¹².

Добужинский — очень милый человек и столь же *милый* художник будет зарисовывать сцены военного быта и то все столь жуткое и необычное, что дает война и что до сих пор еще не запечатлел никто в России в настоящую минуту¹³.

Поезд наш нынче идет очень медленно, стоя по несколько часов на каждой станции и пропуская перед собой эшелоны кавалерийских гвардейских полков, посылаемых к Радому. Почти на каждой станции, начиная от Лукова приходится ждать часами и я с Добужинским ездил на имеющемся при нашем поезде автомобиле в окрестности.

Бедность, нищета и грязь поражают в этих местах и с ужасом думаешь о неумении и нежелании славянской расы насаждать культуру порядка и благоденствия.

Грустное впечатление производят и меланхолические руины зданий, разрушенных неприятелем. Сиротливыми силуэтами рисуются высокие осыпавшиеся башни водокачек, печально глядит костел и барский дом в имении графа Пржедзецкого близ станции Горбатовка.

10-го [ноября]

Сегодня я в нашей канцелярии долго занимался разными книгами. Слово *канцелярия* невольно кажется странным в военно-санитарном поезде, но что же поделать, когда казенная формалистика и тут неуомолима. Каждому поезду полагается вести отчетность по *тридцати девяти* книгам и при том столь глупым, что просто не понимаешь, как люди с мало-мальским здравым смыслом могли выдумывать и предписывать такую ерунду.

К сожалению, эти казенные глупости не только сочинены целой комиссией генералов, но и утверждены Сухомлиновым, который, очевидно, подписал свою фамилию не читая.

По этому поводу недавно у меня произошел презабавный инцидент. Говоря с Сухомлиновой о работе на поезде, я не мог не упомянуть с негодованием и о той нелепой и обременительной обязательной отчетности, которую приходится вести.

«Какой же идиот мог утвердить эту чушь?» — возмущенно воскликнула моя собеседница, на что я молча протянул ей «Положение о военно-санитарных поездах», где на первой странице красуется подпись ее мужа...

Впрочем, должен сказать, что не только военный министр грешит нелепыми циркулярами. Так один из деятелей армии тыла генерал Павский¹⁴ также занимается изданием бессмысленных распоряжений, к счастью никем не исполняемых. Между прочим, один из них гласил о запрещении увеличивать кадры поездов какими либо прицепными вагонами. Но в насмешку над Павским офицеры Семеновского полка, догонявшие свой полк в Радоме — прицепили свой вагон к поезду генерала, который и довез их — сам того не зная — до Радомы, нарушая своей собственной персоной изданный им циркуляр.

Эти то глупости начальствующих лиц возбуждают недовольство и даже озлобление в офицерах и солдатах, возвращающихся к себе, которые видят в тылу все безобразие этих распоряжений и потом от них страдают.

Скверные слухи ходят и о некоторых военнначальниках. Так сегодня мне рассказывали ужасы о ген[ерале] Гильчевском¹⁵ (к счастью уже смененном), зверства, насилия и безобразия которого превосходят даже все то, что наши газеты выдумывают о немцах.

Кельцы

14-го [ноября]

Кошмар, который я видел сегодня, превосходит все, что можно себе вообразить. Поехав с докторами моего поезда в город для принятия ра-

ненных я сразу попал в обстановку Дантова ада. Недавние бои, накрошившие человеческое мясо, вывели из строя свыше 18 тысяч человек только в районе Мехова. Здесь в лазаретах на 200 человек помещается 2500 стонущих, кричащих, плачущих и бредящих несчастных. В душных комнатах еле освещенных огарками свечей в грязной соломе валяются на полу полу-мертвые люди. Несчастливая сестра — одна на тысячу раненых — мечется днем и ночью, бессильная чем-либо помочь.

Перевязочного материала нет и сегодня мне говорили, что нельзя даже делать ампутаций из за отсутствия марли и ваты. Мы раздали, что могли, но эта капля в море, конечно, ничуть дела не облегчит. Страшно подумать сколько жизней загублено здесь и как многое можно было бы предотвратить при малейшей распорядительности^а.

Целые толпы полузамерзших раненых, доползших за несколько верст из окрестных селений, даже не могут найти себе пристанища, так как никто и не подумает хоть развесить плакаты с названием лазаретов и их местонахождением.

Я и мои спутники ночью собирали толпы этих несчастных, выгнанных из переполненных больниц и обезумевших от ужаса, голода и страдания. Мы водили их из дома в дом, из одного конца города в другой, пока, наконец, не нашли им пристанища хотя бы на время.

Еще страшнее было утром, при нагрузке нашего поезда. Узнав, что явилась возможность уехать из этого ада — все способное хоть кое-как двигаться — часто безрукие, безногие, полуживые — ползком, волоча свои тела добрались до станции. Вопли и мольбы наполняли воздух ужасом и смертью. Этой картины я никогда не позабуду, сколько бы мне не пришлось прожить.

Полный хаос царит здесь в делах эвакуационной комиссии. Начальник ее кн[язь] Оболенский¹⁹ напоминает мне Стиву Облонского из «Анны Карениной». Он ласково и мило всем улыбается, примиряюще касается рукой до пуговиц вашей одежды, сочно и аппетитно ест. Все эти черты, составляя необходимый атрибут «симпатичности» все же мало способствуют успеху такого сложного дела, как эвакуация, требующего не ласковых слов, а дела.

---

^а «Позже сестра Келеповская¹⁶ (дочь радомского губернатора)¹⁷, работавшая в отряде гр[афини] Е.В.Шуваловой рассказала мне о следующем возмутительном факте, имевшем место, как раз в описываемый момент.

Графиня Шувалова, — организовавшая превосходный отряд на несколько сот кроватей со всеми усовершенствованиями почему то не поладила с главным-уполномоченным Юго-Западного фронта сенатором Иваницким¹⁸. Графиня просила пропустить ее на передовые позиции, Иваницкий не соглашался. Тогда, помимо него, графиня проникла к Иванову и заручилась его разрешением проехать в Кельцы.

Обозленный Иваницкий, желая «отмстить» отдал приказание «не давать в лазарет графини Шуваловой ни одного раненого». В момент вышеописываемых ужасов лазарет графини в Кельцах стоял совершенно пустой и штату в несколько докторов и сестер милосердия было отказано в просьбе помочь в других лазаретах» (Примеч. — автора).

Немало позабавил меня и келецкий губернатор²⁰ — тип «начальника губернии» почти опереточного характера. «Зорко наблюдая за порядком» (которого не было), он тоже хотел показать свое участие в деле. В толпе стонущих и рыдающих калек, — какой то безногий почему то обратил его внимание.

«Где жандарм, позвать сюда жандарма», — заорал губернатор.

Жандарм вырастает перед ним.

«Почему этот раненый сидит на земле? — подать ему камень!...»

15-го [ноября]

Нагрузив раненых, мы отбыли в обратный путь и сегодня остановились в Варшаве. Вечером я поехал в «Бристоль» — местная лучшая гостиница. На каждом шагу мне попадались петербургские знакомые, приехавшие сюда по тем или иным делам, снующие взад и вперед по гостинице без дела, все и вся бранящие.

Тем не менее, я был рад окунуться в атмосферу знакомой обстановки и поболтать о своих и чужих делах. Встретил я здесь старика кн[язя] Белосельского²¹, Мику Горчакова²², моих сослуживцев по Красному Кресту Гернгросса²³ и С.Л.Бертенсона²⁴ и незаметно провел с ними вечер.

16 ноября

Сегодня на станции «Белосток» произошла прекурьзная, я бы сказал невероятная история. Добужинский пошел на телеграф, желая отправить в один из петербургских госпиталей телеграмму о прибытии, следовавшего с нашим поездом одного его знакомого прапорщика.

Телеграмму приняли, но слово *раненый* написать отказались, мотивируя это секретным циркуляром, запрещающим сообщать слухи, «могущие произвести панику»!²⁵

Петербург

18-го ноября

Рассказывают, что бывший наш посол в Вашингтоне бар[он] Р.Р.Розен²⁶, говоря о положении дел на французском фронте и о нерешительных здесь действиях сказал: «Французы, повидимому, будут драться до последней капли русской крови».

19-го [ноября]

Кто виноват? — вот вопрос, который всегда напрашивается при рассуждении о наших неурядицах. В деле организаций, связанных с войной виноваты, конечно, те коренные заблуждения, которые привели к путанице настоящего времени. Как в математической задаче, сделав ошибку в начале — приходишь к неверному решению, так и в военно-санитарном и интендантском делах виноваты не столько отдельные лица, как неверное построение самого скелета организаций.

Хваленая решимость Вел[икого] Кн[язя] Николая Николаевича, безудержно сменяющего людей в сущности совсем не полезна для развития всякой деятельности. Бороться надо с фактами, а не с людьми и смещение кого бы то ни было — хотя бы и виновного — не есть выход

из положения. Нужны основные решения, основной план, а потом уже надо выбрать людей для его выполнения.

Не меньшее значение играет в данном случае нежелание отдельных организаций подчиняться кому бы то ни было, стремление к самостоятельности и неумение к совместной работе. Ибо у нас не хотят понять, что желая помочь, надо во первых откинуть всякое мелочное стремление к первенству и сознать себя подчиненным руководителям, стоящим у кормила.

Увы! вот этого то у нас и нет и отсюда ясны наши непоправимые ошибки.

Стремясь принести хоть какую либо пользу, я составил докладную записку о виденных мною ужасах для Верховного Начальника Санитарной части — *Ольдена*. Называю я этим фамильярным сокращением Его Императорское Высочество Велик[ого] Принца А.П.Ольденбургского, который, как это ни смешно — сам издал приказ направлять ему телеграммы с таким сокращенным «прозвищем», напоминая названия торговых фирм и предприятий.

Сегодня я был у Принца, который немедленно принял меня. Принц с лицом какаду в теплом стеганном халате сидел в кресле, чихая, сморкаясь, всхлипывая носом, ртом, ушами и всеми частями своего лица. Повидимому, он сильно простужен, что не мешает со свойственной ему бестолковой энергией работать с 8 утра до 12 ч[асов] почти безостановочно. Он держал меня более часу, но я вынес самое тягостное впечатление об этом несурзном человеке который, конечно, не только [не] исправит, но запутает все дела.

Ольденбургский — несколько смягченный портрет своего деда — «добрый Павел Петрович»²⁷, так же нелеп, благодороден и неожидан в своих заключениях. Конечно, безумцем его назвать нельзя, но нормальным, а тем более дельным — еще меньше²⁸.

Неудачен и подбор выбранных им помощников: сухой чиновник Мещанинов²⁹, тупая бездарность Сюзор³⁰ и бесцветный гр[аф] Гудович³¹. Приятное впечатление производит, впрочем, правитель канцелярии Грязин³² — умный, простой, спокойный и уравновешенный.

Петербург

20-го [ноября]

Недавно из действующей армии сюда приезжал Великий Князь Дмитрий Павлович³³. На этих днях он, желая развлечься устроил у себя вечер tango (?!). Конечно, все возмущены этим неуместным увеселением, еще раз подтверждающим моду у наших Высочайших Особ на величайшие бестактности.

22-го [ноября]

Мы стоим, пропуская какой то Царский поезд, из-за которого прерывается движение по всему пути. Вот еще пример вреда от Высочайшей помощи.

Нечто подобное же причиняет и игра в сестер, которую затеяла Государыня и Ее дочери. Все они даже выдержали экзамен на звание сес-

тер милосердия, хотя я могу себе представить как и кто их экзаменовал³⁴.

Несчастье в том, что свои добрые намерения женский персонал царской Семьи хочет применять и на деле. Сама Государыня не только посещает госпитали, но и самолично перевязывает несчастных, кому роком написано погибнуть от участия к нему Монархини.

Эта игра в доброту становится прямо невыносимой. Так после прошлого рейса, некоторые из наших раненых (а именно все принадлежащие к шефским частям), в количестве 7 человек должны были по приезде поезда в Петербург не ехать по домам, но отправиться *обратно* до Царского, где их выгрузили в местные госпитали, дабы «Премилосердная Монархиня» могла облегчить их страдания собственными руками³⁵.

К сожалению, все придворные подхалимы всячески содействуют этим опасным забавам.

Сегодня я завтракал у моих друзей — дочерей покойного миллионера П.И.Харитоненко³⁶ — св[етлейшей] кн[ягини] Н.П.Горчаковой и Е.П.Олив. Обе они с негодованием рассказали мне следующую историю. При начале войны, мать их — Вера Андреевна — пожелала в память их — всеми уважаемого — отца устроить на свои средства и содержание санитарный поезд имени Павла Ивановича Харитоненко. Но Красный Крест *категорически отказал* в этом, так как по его словам именные санитарные поезда составляют привилегию Императорской фамилии³⁷...

Вильно

3-го декабря

Видел две забавные надписи на вывесках: «Санкт-Петроградская гостиница»; «Русско-французско-английско-бельгийская прачешная».

Коротко и патриотично!

Кельцы

7-го дек[абря]

Сегодня под вечер мы прибыли в Кельцы, где царит полный хаос. Грохот выстрелов словно рокот грома кажется страшным контрастом при сравнении с тихой сонливостью зимнего вечера. Незабываемой красоты явилась пред нами картина пылающих костров на фоне вечернего неба с мрачными силуэтами солдат, греющихся у огня.

Повидимому, все готовятся здесь к отступлению и спешно вывозят все. Эвакуацией раненых заведует врач по венерическим болезням Вержбицкий, который только суетится и все пугает. Не разбирая раненых от заразно-больных, он стал сажать их в наш поезд. Особенно опасны в этих случаях дизентерии и я отказался принимать их без разбора.

— «Позвольте, но почему же? Где же вы их видите?» — горячился Вержбицкий.

— «Всюду и вполне явных».

— «В чем же это сказывается?»

— «Да, хотя бы в том, что вот некоторых рвет тут же у вагона!»

— «Ну, что же из этого? Может быть это симулянты»!!!

По этому поводу вспоминается мне презабавная история о которой я недавно слышал. Начальник Варшавского санитарного округа Завадский³⁸ где то показывал какой то госпиталь ген[ералу] Забелину — начальнику снабжений Юго-Западного фронта³⁹. Желая угодить начальству, Завадский все время рекламировал свой «товар».

— «Вот, Ваше Высокопревосходительство, как у нас поставлено дело. Здесь есть раненые, прибывшие с распоротыми животами, с вывалившимися кишками и вот через неделю они уже совсем выздоровели!»

— «Ммммм, странно, странно... Чем же Вы объясняете эти чудеса?»

— «Необычайным подъемом духа и шириной русской натуры, Ваше Высокопревосходительство!»...

Ивангород

9-го [декабря]

Санитарной частью в Ивангороде заведует генерал с дезинфекционной фамилией Сулимовский. Недавно, один из врачей, имея к генералу какое то дело перепутал его фамилию и написал на конверте письма вместо Сулимовский — Карболкин... Письмо дошло!

Бесконечное количество анекдотов рассказывают об Ольденбургском. Так, недавно посетив Кельцы принц наблюдал за посадкой раненых в поезда. Находившийся при нем Трепов⁴⁰ все время следовал за своим начальником. Принц, хромя, спотыкаясь, чавкая, кашляя и чихая бегал по платформе.

— «Теперь направо — Ваше Высочество» — посоветовал Трепов указывая удобный путь.

— «Прошу не мешаться! Сам знаю. Иду куда хочу!»⁴¹

[1915]

Петроград

15-го янв[аря]

По городу ходит забавная карикатура на Сухомлинову. Она представлена, сидя на корточках, доящей корову с лицом Манташева. Сзади — Сухомлинов, с оленьими рогами, говорит жене:

— «Дой, дой, душечка, — молочко солдатам, сливочки — нам!»

П[етроград]

23-го янв[аря]

На днях американский посол⁴² громогласно заявил в одном петербургском салоне, что величайшим позором культуры нашего времени он считает два факта: разорение Бельгии Германией и обращение с военнопленными в России (?!)⁴³.

Броды

1-го февр[аля]

Отсутствие раненых и все усиливающаяся эпидемия холеры на фронте Келец — заставили меня хлопотать о переписке на другой пункт. Теперь поезд мой будет ходить на Киев-Броды и, таким образом, я увижу Львов.

Не могу не отметить, что здесь в районе армии Н.И.Иванова вся тыловая организация несравненно выше. Отлично устроен эвакуационный пункт в Бродах, значительно больше порядка во всех железнодорожных делах. Словом, чувствуется умелая и опытная рука настоящего администратора.

Видел на станции трогательную сцену. Австрийский пленный солдат нищий и ободранный жестами объяснял нашему также бедно одетому солдату, что у него нет денег. Захудалый мужиченка вынул кошелек и высыпал на ладонь австрийца *все* имеющиеся там гроши...⁴⁴

Радзивиллов

16-го [февраля]

Наблюдал пресмешную бытовую сценку. По грязной улице, ныряя в ухабы двигалась таратайка. В дышло для пары была запряжена одна мохнатая крысopodobная лошаденка. На таратайке сидел возница мальчонка с балалайкой, дергая веревочными возжами. За возницей стоял обитый потертым красным плюшем безногий диван, на котором лежала, привязанная к нему свинья, вопившая громким голосом. Сзади таратайки шла привязанная к ней корова!

Вот символическая сцена российской неразберихи!

Штабс-капитан

Копия с копии.

Командиру полка

№ 48

12 декабря 1914 г.

Рапорт

После боя 12-го октября с.г. раненый в руку и ногу с раздроблением костей, я при отступлении наших, был оставлен в лесу и, как тяжело раненый, попал в немецкий плен, в котором пробыл до 2-х часов дня 15-го октября. За время пребывания в плену кое что видел я сам, кое что слышал от жителей г. Радома, — где я пролежал две недели, — и от подпрапорщика 15-й роты 13-го ... полка Матюшенки, пробывшего в плену 18 дней и бежавшего из такового 15-го октября. Вкратце все мною виденное, испытанное и слышанное сводится к следующему:

Раненых и убитых, при первой же возможности, немцы обирают дочиста; с меня, например, сняли даже кокарду и погоны, не забыли часы и кошелек.

У пленников раненых и здоровых независимо от того — офицер он или нижний чин, по пути следования встречающиеся немецкие солдаты даже в присутствии своих офицеров, отбирают все, что заметят и что им понравится, лишь бы отнятая вещь была им полезна и имела хоть какую-либо ценность; при мне отбирали котелки, шинели, снимали сапоги.

За три дня пребывания в плену ни меня, как раненого офицера, ни нижних чинов здоровых и раненых не поили и не кормили; все плен-

ники питались подаванием от польских крестьян и овощами, украдкой собираемыми по пути с огородов и полей.

За три дня никому не сделали ни одной перевязки; бывшие в немецком плену с 27 сентября наши офицеры — 7-го ... полка капитан Воскресенский и 13-го ... полка штабс-капитан Карпов, и находившиеся на излечении в г. Радоме в немецком лазарете до 15-го октября, рассказывали, что немецкие врачи в общем относились к ним очень пренебрежительно и по 6-8 дней не делали перевязок; от этого, между прочим, в 5 час. утра 20-го октября умер вверенного Вам полка подпоручик Петров, раненый в бою 27-го сентября; рана, как оказалось, была хоть и тяжелая, но безусловно не смертельная; но так как 9 дней он пролежал без перевязки, то рана загнила и вызвала общее заражение, повлекшее смерть подпоручика Петрова. наших раненых, как офицеров, так и нижних чинов в лазарете кормили очень плохо. В общем же отношение к раненым здесь было таковое, что остается впечатление, как будто все это делалось с единственной целью избавиться от лишней обузы.

Пленников, как здоровых, так и раненых, офицеров и нижних чинов зачастую на ночь оставляли под открытым небом, или иногда, как это было с нами, загоняли в тесный сарай, совершенно не считаясь с тем, что большинство вынуждено проводить ночь стоя, а многие лежали на голой земле.

В Радоме — по рассказу трех Радомских ксендзов, сестер милосердия и подпрапорщика Матюшенки, — здоровых пленных нижних чинов и офицеров немцы назначали на работы, причем офицеры, как простые рабочие, разгружали на станции вагоны со снарядами; двух раненых офицеров-казаков заставили руками убирать в отхожих местах, а когда они запротестовали, то немцы нанесли им четыре колотые раны и все-таки добились своего.

Здоровых нижних чинов — пленников впрягали в телеги и лазаретные линейки и развозили на них груз и раненых, а на обратном пути со смехом и гиком ехали сами. В нашей партии пленные до самого Радома везли на себе 4 пушки и пулемет, взятые у Тавричан.

Вообще говоря, немцы с исключительным презрением и жестокостью относятся к сдающимся в плен здоровым, в отношении же раненых пленников иногда все же, хотя и в незначительной степени, проявляют сострадание.

Подписал:

штабс-капитан *Самохвалов*

Верно:

старший адъютант поручик *Сычев*

Верно: старший адъютант, Генерального Штаба капитан *Булгаков*

С копией верно:

Начальник Военно-цензурного отделения
Штаба Главнокомандующего армиями
Юго-Западного фронта, Генерального Штаба
подполковник *Давыдов*⁴⁵

20-го февраля

Вот любопытная секретная телеграмма ген[ерал]-адъют[анта] Иванова — начальнику снабжений Юго-Западного фронта:

Секретно

«Поступают сведения, что происходят прискорбные случаи сдачи нижних чинов в плен иногда целыми партиями. В устранение этих случаев приказываю иметь самый тщательный надзор за слабыми элементами армии, организовать собеседования с нижними чинами и принять другие меры, кои, по условиям обстановки будут признаны необходимыми для поднятия сознания важности переживаемых событий. Обратить особое внимание на недопущение пропагандирования сдачи в плен в тылу в лечебных заведениях и при следовании партий укомплектования.

*Иванов»**24-го февраля*

Видел пресмешную картину. На станции Здолбуново остановился эшелон пленных австрийцев — длиной поезд теплушек в тридцать. Некоторые пленные вышли на станции: кто с чайником, кто просто погулять. Вдруг без звонка поезд тронулся и все австрийцы опережая друг друга бросились нагонять свою подвижную тюрьму.

«Эх, ты! — говорю я единственному охраняющему поезд солдату, — да, что же ты [не] смотришь за австрийцами, разиня».

«Никак-с нет, Ваше благородие, они не убегут, а догнать всегда успеют».

*Петербург**2-го марта*

Здесь все только и говорят о кошмарной истории ареста шпионов.

Рассказывают, что генерал По⁴⁶, прибывший к Государю передал ему, доставленный французскими шпионами в Германии список шпионов немцев в России. Во главе их стоит полковник [ик] Мясоедов⁴⁷ — бывший начальник жандармского отделения в Вержболове.

Арестованы также красавица Столбина, желтый кирасир Лаппо-Данилевский, авиатор Кузьминский (сын сенатора⁴⁸, племянник Льва Толстого), бар[он] Гротгус⁴⁹ и проч. — всего до 30 человек!⁵⁰

ОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1380. Ед. хр. 11. Л. 1—66.

IV

В Красном Кресте

*[Седлец]**[22-го марта]*

Вот новый этап в моих наблюдениях войны: новые люди, новые места, новые факты и впечатления. Покинув поезд, который за последнее время сильно тяготил меня — так как на нем не было никакого дела, я решил перейти в Красный Крест. Окончательно побудило меня к этому довольно неделикатное вмешивание в дела, касающиеся функций уполномоченного, которое проявила комиссия манташевских поездов.

Пользуясь этим поводом и определенно высказав свое неудовольствие Сухомлиновой и окружающим ее подхалимам^a, я решил перевестись в Красный Крест, куда кстати приглашал меня и главноуполномоченный Северо-Западного фронта ген[ерал] Е.Н.Волков, которого я уже давно знаю⁵².

Решившись на это, я уехал в Седлец, где и должен провести некоторое время, так как здесь находится Управление Главноуполномоченного. Это нелепое деление канцелярии центрального управления целого района на Варшавскую и Седлецкую произошло по случайной причине, которую, однако, интересно указать, как пример нашего раболепства перед печатью.

Юрий Беляев⁵³ в «Новом Времени» еще в конце прошлого года начал писать свой пошловатый роман «Сестры Шнейдер»⁵⁴, — выставлявший в довольно таки неподобающем виде сестер милосердия, и вообще всю организацию Красного Креста. Но вместо того, чтобы просто прекратить эту неуместную в данный момент пародию, главнокомандующий Рузский⁵⁵ приказал Волкову — во избежание кривотолков о слишком усердном посещении «Бристоля» уполномоченными перевести канцелярию в Седлец. Следствием этого и получилась нелепость деления канцелярии на двое, так как в Варшаве она все же была необходима.

По этой же причине — прежде довольно быстрая бумажная переписка — стала теперь крайне медлительной, так как из за каждого пустяка приходится писать прошения и отношения, которые пересылаются (иногда по несколько дней) из Варшавы в Седлец.

По поводу формалистики я положительно нахожусь в отчаянии от того, что делается в Красном Кресте. Волков поручил мне в сотрудничестве с С.Л.Бертенсоном написать отчет о деятельности его района для чего мне придется объезжать все госпиталя и учреждения фронта и тыла, что, полагая, может быть крайне поучительно. Но, вместе с тем, ознакомляясь с до сих пор уже сделанным, я прямо погряз в ужасном болоте чиновничьего волокитства.

Красный Крест — по идее своей учреждение независимое и свободное в настоящее время превратилось в какой то унылый департамент чиновников, только и мечтающих о чинах и орденах. Помощник Волкова М.К.Якимов⁵⁶ — тип петербургского бюрократа кажется весь сотканным из отличий и орденов. Деятельность его до сих пор протекавшая в Министерстве Внутренних дел и выразившаяся, главным образом, в написанной им книге «О форме одежды Министерства Внутренних дел», кажется не давала никаких данных о его пригодности быть на таком живом и отнюдь не бюрократическом поприще, как помощник Главноуполномоченного Красного Креста. Но Главное Управление этого, столь ныне павшего, учреждения, руководствуясь при своих назначении-

---

^a «Образцом лакейства окружающих Сухомлинову лиц может послужить то, что перед праздниками Пасхи (когда меня на поезде уже не было) адъютант Сухомлинова кн[язь] Гагарин⁵¹ приехал к старшему врачу поезда с приказанием от министра «всем чинам поезда поздравить генеральшу» (Примеч. автора).

ях, исключительно чинами и придворными званиями в числе «достойных» избрала камер-юнкера Якимова. Конечно, первым его делом было поставить все на чиновничью ногу и неглупый но слишком податливый Волков — назначенный к тому же уже на готовую закваску после ушедшего со скандалом Свиты генерала Д.Я.Дашкова⁵⁷ — не сумел изгнать и уничтожить этот отвратительный «рабий дух».

Да, к стыду того же Волкова и за ним водились грехи по этой части: так в бытность его Главноуполномоченным Северного района им не был утвержден крайне полезный, деятельный и знающий начальник канцелярии Рогге⁵⁸, только потому, что для этой «генеральской деятельности» у него был недостаточно значительный чин коллежского советника!

Еще более чудовищные нелепости застал я в Седлеце, куда прибыл накануне Пасхи, в самый разгар наградной вакханалии, когда дождь медалей, орденов и чинов сыпался из рога изобилия Северо-Западного района. Анна, Станислав, Владимир, коллежский и титулярный советники, мечи и банты — вот те непрекращающиеся слова, которыми как улей пчелами полна канцелярия и под которыми сидят, работают и мечтают в годы ужасов и скорби десятки по природе иногда не глупых людей!

Вот болото, засосавшее Россию и пока не уничтожат в корне эту ненужную и вредную глупость, дотоле мы не дождемся проку ни в чем. Бедный Красный Крест, столь чудесно задуманный по своему прекрасному назначению, бедные раненые и больные, как вы мало заслужили, чтобы около вас развилось и расцвело это чиновничье болото!

Даже георгиевские медали — прежде являвшиеся таким действительно высоким отличием подвига храбрых — нынче даются уже по протекции и таковыми уже награждены и супруга Любимова⁵⁹ — помощника ген[ерал]-губернатора Варшавы и г-жа Гессе⁶⁰ — жена прокурора г-жа Шильдбах⁶¹ также чья-то жена, только за то, что мужья их являются нужными и полезными для того же Креста личностями. Дамы же эти — даже не выезжая из Варшавы — положительно ничем не заслужили этого доблестного отличия.

Нет, только тогда, когда Красный Крест изгонит из своих недр прочно засевавшую компанию всяких Ильиных⁶² и Вилькенов⁶³, когда Красный Крест уничтожит все свои мундиры разных Ведомств с знаками чинопочитания и когда никаких наград не будут больше давать мелкому тщеславию, только тогда славное некогда знамя этого омертвелою учреждения снова заслужит должное ему уважение — любовь.

А пока и я, внимательным оком следящий за событиями окружающими войну, временно окунусь в это болото, дабы узнать на себе всю его гнусность и непригодность к трагической действительности⁶⁴.

Седлец

24 марта

Здесь в маленьком муравейнике штаба только и разговоров об уходе Рузского и замене его Алексеевым⁶⁵. Говорят (?), что помимо болезни первого из них, причиной такой перемены было и недовольство действиями Рузского во время последних боев, которое совсем определенно высказал ему Великий Князь Николай Николаевич. Рузский уехал на

этих дней и его заместитель пока усиленно молится в местной церкви, не пропуская ни одного Богослужения.

По поводу последних пасхальных назначений разной рухляди, кто-то довольно ядовито сказал про товарища военного министра ген[ерала] Вернандера⁶⁶ назначенного в Государственный Совет: «Членом Государственного Совета он быть может, но государственного совета подать не сможет».

В общем нельзя не отметить того преобладающего скептицизма, который как и всегда у нас так скоро сменил первое увлечение и подъем духа. Сказывается это в мелких ссорах и дрызгах между разными чинами (и не только штабов, но и действующей армии), в меньшей рьяности, которую проявляют, хотя бы сестры и краснокрестные деятели, взявшиеся за работу с таким энтузиазмом.

[«Так одна из них — гр[афиня] Алекс[андра] Илларионовна Шувалова, организовавшая свой автомобильный отряд уже отказывается от его содержания. хотя тут, конечно, не может играть роли материальная невозможность этой крайне богатой женщины. Нет, просто «надоело», нет прежнего пыла и неудержимого стремления и думаю, что отчасти то же должны испытывать и другие участники войны»]⁶⁷.

Седлец

Сегодня познакомился с А.И.Гучковым⁶⁸ — особоуполномоченным II Армии, приехавшим к нам по делам. На меня он произвел очень живое впечатление и после невыносимой тоски чиновничьих разговоров беседа с ним доставила огромное наслаждение.

Между прочим, он рассказал кое что о деле Мясоедова, особенно его интересовавшем, так как у него с ним некогда была всем известная история.

Помните: в [Комиссии] Государственной оборон[ы Государственной Думы] Гучков как член Думы обвинял еще много лет назад Мясоедова в шпионстве и отстоять его удалось только Сухомлинову?

Оказывается, что и теперь Мясоедов после объявления войны оставшийся в Германии под видом военнопленного, завязал там прочные шпионские отношения и поставил дело так, что наш враг до мельчайших подробностей был осведомлен о положении наших армий. Состоя переводчиком, Мясоедов узнавал разные секретные распоряжения и путем условных знаков сообщал их немцам⁶⁹. Последние, как оказывается, с присущей им системой предлагали своим шпионам нечто в роде «тепи» с ценами на разные преступления. Так — по словам Гучкова — жизнь Вел[икого] Кн[язя] Николая Николаевича была оценена в миллион, мост в Варшаве в 200 тысяч и так далее.

Вместе с Мясоедовым работали и другие сотрудники его: бывший гродненский гусар барон Гротгус — состоявший вместе с тем и при нашем департаменте полиции, красавица г-жа Столбина, некий Альтшуллер⁷⁰, удачно бежавший, и, наконец, полковник Ремишевский, арестованный не так давно в Седлеце за его вполне доказанное участие в страшном взрыве Брест-Литовской крепости, имевшем место несколько

месяцев назад. Впрочем об этом я еще слышал в мою бытность в конце 1914 г. в Брест-Литовске, и теперь Гучков только подтвердил правдивость этих разговоров.

Седлец

1-го апр[еля]

Вот документ крайне характерный для Красного Креста, найденный мной в делах Канцелярии:

№ 275

26 марта 1915 г.

Подвижной госпиталь Вятской Общины Российского Общества
Красного Креста Северо-Западного района
Его Превосходительству Господину Главноуполномоченному
Р[оссийского] О[бщества] Красного Креста

В Вятском госпитале как старший врач, так и ординаторы все не имеющие чина. Поэтому мы носим погоны с одной полоской без звездочек.

Прошу Ваше Превосходительство разъяснить правильно ли это? Мой вопрос вызван тем, что я получил указание со стороны г. Уполномоченного по Псковской губ[ернии], что я по должности должен носить погоны с двумя полосками без звездочек. Если это так, то какие погоны носить старшему ординатору?

Старший врач подвижного госпиталя
Вятской общины *Селянкин*

2-го апреля

В «Новом Времени» от 29-го марта прочитал:

О съезде учителей географии

Об учреждении в Сенате должности архивариуса

О порядке производства в статские и действительные статские советники!⁷¹

Седлец

3-го апреля

Был сегодня в Тамбовском госпитале, где испытал давно неиспытанное «литургийное» впечатление от изумительного рассказа одного из скромных маленьких героев войны — какого то прапорщика, чьей фамилии я даже не знаю. Мудро, ясно, просто и незамысловато — в то же время с той запутанной и детской психологией, которая может быть только у большого славянского ребенка — рассказывал этот человек о пережитом им на войне. Без рисовки и эффектичания, но с очень глубоким пониманием сердца событий он с бесхитростной простотой открывал бездну за бездной, ужас за ужасом.

Это простое и мудрое повествование никому неизвестного заурядного маленького человека в тысячу крат интереснее и прекраснее всего, что писали все литераторы о настоящих событиях.

Вот скрытая сокровищница неиссякаемой и неопикуемой тихой красоты, заложенной в русской душе и сердце, но почему же, о, Боже

мой, такой тиной и плесенью поросли эти одинокие цветы красивой Правды?

Я вернулся домой и долго не мог заснуть под сильным впечатлением. Оно столь прекрасно, что его даже нельзя и записать.

Варшава

10-го апр[еля]

4-го апреля я переехал в Варшаву, так как здесь удобнее писать и работать. Странное романтически прекрасное впечатление производит теперь город смешавший в своей причудливой «парижско-венской красивости» стройную элегантность Польши с походными картинами военного времени. Особенно это сказывается в театрах, где наряду с элегантными польками сидят раненые с перевязанными головами и руками и где пестрый калейдоскоп загорелых лиц странно сопоставляется с изящной прелестью «салонной» Варшавы.

Первые дни моего приезда я специально посвятил осмотру местных учреждений Красного Креста и должен сказать, что увидел несколько совершенно исключительных организаций, правда сейчас в значительной мере подтянутых по случаю приезда на ревизию членов Главного Управления Креста В.С.Кривенко⁷² и Б.К.Ордина⁷³. Последний, которого я, впрочем, встречал еще в Петербурге, производит очаровательное впечатление дельного, умного и живого человека, но что же может он да Кривенко сделать в море разных бездарностей петербургского Главного Управления?⁷⁴ К сожалению приезд этих лиц был известен заранее и, конечно, все было подчищено и приглашено к их прибытию в Варшаву⁷⁵.

В противовес этому, осмотренные мною неожиданно и без помпы госпитали оказались довольно неряшливыми и беспорядочными⁷⁶. Исключение лишь составил прямо замечательный и думаю единственный в своем роде «Варшавский полевой склад», начальник коего князь Аматыни⁷⁷ изумительная личность по своей энергии, уму и распорядительности. Можно только пожалеть, что такому выдающемуся администратору не дают какого нибудь крупного назначения и держат его в мирное время на какой то второстепенной должности в Министерстве торговли.

Вот какие люди нужны России и будь они у кормила правления на местах Маклаковых и Муратовых⁷⁸ наши постыдные дела по продовольствию и снабжению вскоре бы вступили на надлежащий путь. И тогда немислимым бы стало, что в стране «развесистой клюквы», лесов и каменного угля не было бы клюквенного экстракта, который сейчас так нужен⁷⁹, спичек, выписываемых из Японии и топлива из за недохвата которого во многих городах не ходят трамваи, не горит газ и не работают заводы и фабрики...

Из разных разговоров с Аматыни об его впечатлениях отмечу любопытный факт: в дни эвакуации Варшавы в складах акцизного Ведомства находилось на *десять миллионов рублей* спирта, который весь был выпущен в землю, дабы не попал в руки неприятелю⁸⁰.

*Вильно*⁸¹

16-го апреля

Покинув вчера Варшаву, я направился в тыл Северо-Западного фронта для осмотра всех учреждений Красного Креста.

В Вильно царит небывалое здесь оживление: улицы и рестораны полны военными и размалеванными девицам[и] и первый раз я увидел «тыловое веселие», нечто хотя и отдаленно напоминающее то, что в японскую войну делалось в Харбине.

К тому же во всех ресторанах разрешена продажа легких вин и посетители этих учреждений старательно усиливают дозы потребления напитков, чем и достигают иногда желаемого результата.

О местных госпиталях Красного Креста и состоящих под его флагом частных организаций можно отозваться с крайней похвалой, все здесь обдуманно и даже хорошо. Исключение составляет лишь еврейский госпиталь — крайне неряшливый и грязный.

Псков

18-го апр[еля]

Через Двинск⁸² — полный беженцами из Шавел — я доехал до Пскова и остановился в местной грязной гостинице «Палермо».

В Пскове еще недавно была холера — правда — незначительная — но тем не менее, я осведомился у коридорного кипяченая ли вода в графинах моего номера.

— «Никак нет, Ваше Высокородие, да и к чему же кипятить ее?»

— «Как к чему? Да ведь от сырой воды у тебя холера будет!»

— «Помилуйте, Ваше Высокородие, какая холера. Вот когда она у нас недавно была, так я нарочно только сырую, да еще погрязнее, воду пил — пробовал. Нет, не берет. Одни это пустые выдумки!»...

Завтракал я сегодня в местном госпитале, где сестрой состоит Великая Княгиня Мария Павловна-младшая. Держит она себя крайне просто и мило и можно только пожалеть, что у нас мало Высочайших Особ столь человечно и жизненно смотрящих на вещи.

19-го [апреля]

Сегодня я приехал в Ригу — очаровательный уголок старой Германии. Местные балтийские дворяне крайне взволнованы всеми событиями у Либавы и сегодня весь город в панике⁸³. Беженцы из Митавы прибывают толпами и все улицы Риги запружены их повозками с разным домашним скарбом.

Госпиталь в Риге — выше всяких похвал, с тем изумительным благоустройством и заботливостью, которая может быть только у немцев. Вообще должен отметить даже слишком подчеркнутое старание местных организаций итти на помощь нашим воинам. Не сомневаюсь, что в душе заядлые немцы-балтийцы все же вполне русские, хотя бы потому, что они слишком несмелы и мелочны, чтобы решиться на измену стране, коей они считаются подданными. Просто не хватает духу, хотя, в глубине души они и презирают russische schweine^a с их безалаберностью и грязью⁸⁴.

---

^a «русских свиней» (нем.).

20 апреля

Завтракал сегодня у местного очередного ландрата барона Вильгельма Рейнгольдовича Стааль фон Гольстейна⁸⁵. Было несколько представителей местного дворянства, принимающих участие в делах Красного Креста: бар[он] Бистром, бар[он] Мейендорф и еще несколько немцев, столь же смешных и глубоко-провинциальных, застывших в крошечном величии своих давних воспоминаний.

Пользуясь их мелкими самолюбиями, чванством и самовлюбленностью этих господ было бы крайне легко не только примирить их с правительством, но и сделать из них вернейших его вассалов. К сожалению глупая и бездарная наша администрация, с Маклаковым во главе делает все возможное, чтобы ухудшить положение дела.

Особоуполномоченным по гражданской части в Прибалтийский край назначен ген[ерал]-лейт[енант] Курлов⁸⁶ — грязная и ничтожная личность, достаточно всем известная по делу убийства Столыпина⁸⁷. Курлов пользуется полным презрением местного дворянства, никто у него не бывает и не хочет его знать.

Хорош, нечего сказать, выбор «особоуполномоченного» долженствующего сыграть почти дипломатическую роль!

21 апреля

Жена Курлова — моя старинная знакомая (урожденная графиня Армфельт) пригласила меня завтракать и сегодня я познакомился с ее мужем — грозой и стыдом прибалтийских губерний.

На меня он произвел впечатление d'un mieux gaga canaille, к тому же очень мало осведомленного о настроениях местного общества. И действительно, понимая свою роль чисто по полицейски Курлов бесконечно далек от сердца жизни прибалтийского края, пользуясь сведениями сплетнического и подпольного свойства, которые, как известно, искажают правду до нельзя⁸⁸.

Между прочим, он рассказал мне презабавную историю. Во избежание паники и повального бегства из Риги, Курловым было отдано распоряжение в силу которого лица желающие выехать из Риги должны для получения билета представить какой либо уважительный мотив своего отъезда и получить разрешение от курловской канцелярии. Вчера к нему прибегает взволнованная, бледная молодая дама и умоляет дать такого рода отпуск.

— «Позвольте узнать, какие поводы вашего отъезда?» — спрашивает генерал.

— «Видите ли, Ваше превосходительство, сегодня моя квартирная хозяйка-немка достала с чердака спрятанный там бюст Вильгельма, стерла с него пыль и поставила в гостинную. Ясно, что немцы будут завтра в Риге!»

22-го апреля

Был в местном кафе-шантане, переименованном из Франкфурта-на-Майне в Ростов-на-Дону. Курловская «руссификация» сказалась

здесь в приказании заменить иностранные шансонетки русскими и несчастные девицы всячески коверкают свой язык, изучая русские непристойные слова, вводимые для руссификации края⁸⁹.

О других плодах нашего культурного воздействия я нашел любопытные строки в местном официозном путеводителе. «Если обозреватель Риги захочет окунуться в довольно большой русский провинциальный город — грязный, с деревянными постройками, вообще далеко благоустроенный, с керосиновыми фонарями, ужасными мостовыми и обитателями в одеждах, как Козьмодемьянска, так и западно-русского городка, изобилующего евреями, — он может доставить себе в г. Риге это удовольствие довольно легко — ему стоит только проехать по Московскому предместью на трамвае, а еще лучше на извозчике... На этом предместье городская культура только зарождается... Русские рижане, обитатели этой части Риги, живут надеждой, что черед европеизироваться для Московского предместья уже наступил — по крайней мере теоретически»...

С грустью прибавлю, что это же может быть сказано и о наших лечебных учреждениях. Среди замечательных организаций города и частной помощи выделяются два свинарника: Общины Елисаветинская и Ярославская — увы! с чисто русской организацией и персоналом!

Вот эти факты и впечатления еще раз наводят меня на мысль, что только путем развития местной помощи и полной свободы деятельности частных организаций возможна у нас постановка всякого дела благотворительности и благоустройства. И доколе русская администрация будет полицейскими мерами стеснять всякую самостоятельность наших окраин до тех пор нечего и мечтать о каких либо культурных достижениях.

Дайте людям свободу в их деле, дайте им возможность создать нечто свое, что уже этим самым станет им дорого и через несколько лет можно достичь в России того, чего не достигли многие десятилетия полицейской опеки.

23-го апреля

Был сегодня в Митаве, куда уже вернулся губернатор, да и весь город, вообще, начинает принимать нормальный вид.

Прелестен расстреллиевский дворец герцога Бирона⁹⁰, но, Боже! в какой свинарник превратили его наши администраторы, занимающие это здание под квартиру губернатора, управление его и прочие казенные учреждения. Вся мебель из дворца продана, дивные некогда плафоны перемалеваны заново, люстры перезолочены и все, что можно приведено в негодный вид⁹¹.

По дороге в Митаву познакомился в поезде-эшелоне с поразительным полковником, с такой ясной прямо ангельской душой, какой мне еще не довелось видеть. Каждое слово и каждый жест этого необыкновенного человека полны такой изысканной деликатности, Христовой доброты и человечности, что существование одного такого человека искупает грехи тысяч подлых ничтожностей.

При этом этот незнакомый украшенный георгиевским оружием на-верное и отличный храбрый и дельный командир, что видно из отно-шения к нему его подчиненных и изо всех кратких его приказаний.

Из разговора с этим необыкновенным человеком я между прочим узнал, что в наших войсках совсем нет карт и многие пользуются не-мецкими картами лейпцигского издания, образец коей был и у полков-ника.

Неужели же «высшее начальство» (опять та же песенка!) до сих пор не надоумилось просто перепечатать копии и кальки с немецких карт для снабжения всей армии!⁹²

Полоцк

27-го [апреля]

В местных лазаретах, кстати сказать недурно устроенных, имеется свой увеселитель — доктор Безпяттов, приказы коего заслуживают быть отмеченными. Дело в том, что в мирное время этот неудавшийся медик занимается драматургией или правильнее драмоделием, а также теат-ральной критикой, составив себе своими весьма плохими, но и весьма многочисленными писаниями некоторое имя⁹³.

Призванный как военный врач, Безпяттов не может забыть лавров своего мирного существования и продолжает упражняться в литературе, издавая приказы прямо смехотворные.

«На войне нет штатских».

«Сестра — тот же воин».

«Санитар — рыцарь» — таковы краткие «суворовские» афоризмы этого оболтуса.

К тому же снедаемый графоманией, он строчит приказы и отноше-ния на всякий незначительный случай и в самых обыденных вопросах пишет прошения и отношения за номерами и со «скрепами» чуть ли не всего своего персонала.

Приведу для примера «деловую переписку» о геморройных щипцах из соседнего с ним госпиталя:

Полоцк Парк Общества Красного Креста

Апреля 15 дня 1915 [г.]

№ 1980

Главный врач Полоцкого Сводного полевого

№ 3 Госпиталя по части медицинской

Главному врачу 5 Георгиевского госпиталя Российского

Прошу не отказать в выдаче геморройных щипцов для операции.

Коллежский советник *Безпяттов*

Ординатор *Б.Поллак*

Выдать щипцы

Н.Сыренский

г. Полоцк

Апр[еля] 15 дня 1915 [г.]

№ 1607

Российского Общества Красного Креста 5-ый Госпиталь
Общины Св. Георгия Главному Врачу Полоцкого
Сводного Полевого № 3 Госпиталя

Препровождая с разрешения Старшего врача геморройные щипцы,
прошу возвратить по миновению надобности.

За заведующего Канцелярией

Полоцк Парк

Апреля 18 дня 1915 [г.]

№ 2064

№ 1607

Главный врач Полоцкого Сводного Полевого № 3
Госпиталя По части медицинской
Старшему врачу 5-го Георгиевского Госпиталя
Российского Общества Красного Креста

Геморройные щипцы по миновению надобности возвращаю с
большой благодарностью.

Коллежский советник *Безятов*

Ординатор *Б.Поллак*

Из дел канцелярии 5-го Георгиевского госпиталя я узнал, между прочим: с января этого года этим маленьким госпиталем уже написано 1950 отношений, а последний № отношения Канцелярии Принца Ольденбургского 33840!!!

Петроград

2-го мая

Обедал сегодня с одной дальней родственницей М.Е.Вогак⁹⁴, две недели назад вернувшейся из германского плена, где она была с начала войны. Живя все время на свободе в Берлине и немецкой провинции она говорит, что все слухи о небывалой дороговизне припасов — чистый вздор и, конечно, *нынешние цены у нас* на все припасы по крайней мере в три раза выше германских!

Еще курьезное то, что почти в каждом № немецких газет помещены портреты замученных нашими казаками германцев и печатаются возмущенные протесты против русских зверств над «ихними Панасюками»⁹⁵.

Правда, где ты?

Петроград⁹⁶

7-го мая

Слышал от очевидца, моего хорошего знакомого прапорщика: Командир Инсаровского полка, полковник Жуков всех взятых им в плен

австрийцев офицеров и нижних чинов тут же приказывал расстреливать. В конце концов он сам попал в плен и с ним поступили также.

Забавен еще следующий случай. Два нижних чина нашего Царичинского полка накануне Пасхи пробрались в окопы к австрийцам похристосоваться. Австрийцы устроили им радушный прием и так наугостили водкой и винами, что один из солдатиков вернулся совершенно пьяным, второму же «австрийская жизнь» так понравилась, что он не захотел вернуться и так и остался у неприятеля!

Петроград

8-го [мая]

Унылое впечатление после долгого отсутствия производит на меня Петроград, несмотря на свое новое имя ставший еще более дряхлым. Все в унынии, вздыхают, угрюмо молчат и, повидимому, на смену прежней бодрости наступил старческий маразм у чиновничьего народа.

Жизнь, хотя и течет в обычном русле, но во всем чувствуется какой то мертвый застой, медленное тление. Конечно, нельзя отрицать, что последние печальные наши неудачи в Галиции действительно могут удручающе действовать на состояние умов даже живых людей, но все же петербургские брюзги бюрократической закваски к этой глубокой скорби присоединяют и желчное ворчание.

Правы они лишь в том, что наши правительственные бестактности, повидимому, переходят всякие границы возможного. Хотя бы, например, пожалование Государем Верховному Главнокомандующему золотой шашки «За освобождение Червонной Руси»⁹⁷! Ведь, не дай Бог отдадим мы Галицию и сдадим Перемышль и как же тогда будет глупо себя чувствовать обладатель этого преждевременного знака отличия?

.Нет, такта у нас положительно нет и особенно у «Обожаемого Монарха»!

Варшава

10-го мая

Сегодня я вернулся в Варшаву, где, вероятно, пробуду несколько месяцев⁹⁸. Злобой дня в настоящее время служит здесь закрытие Экономического О[бществ]а, в коем обнаружено гнездо германского шпионажа.

Оказывается, что еще при покойном Скалоне⁹⁹ Общество это было сдано на откуп какой то немецкой торговой фирме и, хотя заправили ее и германские подданные-приказчики и были удалены при начале войны, но, однако, все оставшиеся служащие состояли на негласной службе у тех же немцев и деятельно занимались шпионством. Принимая заказы от офицеров, они по их формам и адресам составляли себе представление о дислокации наших войск и, таким образом, все время держали в курсе передвижений и немцев. Теперь вся история раскрыта, виновные арестованы, магазины запечатаны и охраняются часовыми¹⁰⁰.

18-го мая¹⁰¹

Сегодня прибывают первые партии пострадавших от удушливых газов. В районе Сохачева, на Бзуре, этим новым орудием неприятеля уничтожено в один прием около 6 тысяч человек. Смертельный туман,

стелящийся по земле скосил 1 1/2 дивизии людей из коих огромный процент умирает. За 30 верст от места действия слышен запах этих газов и дальше чем за 6 верст вымерли все деревни и скрутились и погибли даже цветы¹⁰².

Я был на вокзале — встречать пострадавших. Три поезда набитые этими несчастными подвозили полу-мертвые тела. Страшное и неизгладимое впечатление производят посинелые, окоченелые, застывающие тысячи людей с мертвыми остановившимися глазами, тяжело дышащие и оцепенелые.

Какой то стихийный ужас охватывает вас при виде этих жертв человеческой изобретательной жестокости. Словно тараканы или мухи, заморенные каким то ядовитым порошком, эти несчастные даже и не имели возможности сопротивляться, валясь бессильно от удушья. Говорят, что пострадавшие навсегда останутся калеками.

Досадно и страшно подумать, что и тут не обошлось без вины и с нашей стороны. Изготовленные уже давно предохранительные маски, в огромном количестве доставленные в Варшаву, по нерадению высшего начальства не были разосланы по частям, а хранились в полевых аптеках и складах. Вследствие этого, несмотря на неоднократные требования некоторых командиров частей наши войска не имели возможности предотвратить гибель шести тысяч человеческих жизней!

Варшава

20-го мая

Здесь много говорят о повешении одной из сестер милосердия, занимавшейся политической пропагандой среди войска.

21-го мая

Сидя в канцелярии, услышал следующий разговор. Недавно произведенный в действительные статские советники инспектор варшавских типографий Селиверстов¹⁰³ звонит в телефон в Красный Крест. У телефона наш писарь.

— «Алло! Это Управление Главноуполномоченного?»

— «Так точно-с».

— «Кто у телефона?»

— «Писарь канцелярии!»

— «Знаете ли кто с Вами говорит?»

— «Никак-с нет, Ваше Высокородие».

— «Вы стоите или сидите?»

— «???.. Сижу, Ваше Высокородие».

— «Потрудитесь встать: говорит действительный статский советник Селиверстов!»

24-го мая

Два дня я провел в районе V Армии, объезжая Гронцы, Могильницы, Ново-Място, Бялу, Оссу — словом все организации Красного Креста на этом фронте.

В.В.Ковалевский¹⁰⁴ — особоуполномоченный этого района — любит свое дело и относится к нему с вниманием и по человечески, а не как чиновник. С 5 ч[асов] утра он уже на ногах и вместе с ним я за эти два дня проехал несколько сот верст на автомобиле и верхом на лошади.

В воскресенье был в Оссе и пошел в окопы всего в 200 шагах от немецких позиций — завтракать у офицеров Серпуховского полка. Кругом свистали пули и в окошко окопа были видны неприятельские позиции.

Бедный полк с зимнего времени занимает эту стоянку, живет в землянках в непрерывном напряжении, окруженный смертью, так как не было еще дня, чтобы хоть один не выбыл из строя, даже при нормальной каждодневной перестрелке, так что смерть стала обычным явлением, одним из неизбежных эпизодов каждого дня.

Но странное дело вместо тоски и страха здесь царит удивительное ясное спокойствие и тихая беспечность. Во второй линии окопов уже играет доморощенный оркестр из самодельных сколоченных тут же инструментов, а в передовой линии в подземной крошечной норе, называемой жилищем офицеры читают юмористические журналы.

Мы были встречены с восторгом и немедленно нас посадили за завтрак, мени коего было следующее:

Свежая икра
Спаржа (вареная)
Свежие огурцы и редиска
Консервы из рыбы
Компот из ананасов и персиков
Коньяк¹⁰⁵

25-го мая

Слышал ужасную историю одного эпизода в тех же окопах, занимаемых ныне Серпуховским и Ярославским полками. Прежде здесь стоял Л-гв. Литовский полк и в день полкового праздника, все офицеры, полагая, что немцы утихли, сложили оружие и пошли в резерв в 3-х верстах праздновать радостный полковой день.

Узнав об этом, немцы неожиданно пошли в атаку и все офицеры, застигнутые врасплох, безоружные и полупьяные, как говорит командир корпуса — «пошли в атаку в кулаки», так как оружие осталось в окопах.

Этот праздник стоил несколько тысяч человеческих жизней, почти полное истребление полка и потерю важной позиции.

Полагаю, что полковая история об этом рассказывать не станет!

Рядом с этим ужасом слышал и забавный эпизод. Командир IV корпуса V Армии восточный человек хан Алиев¹⁰⁶, живя в Бяле, занимал небольшой дом мимо которого постоянно бродили разные люди, часто беспокоя генерала.

Желая пресечь такое ненужное хождение, но не имея возможности запретить проход через сад должностных лиц медицинского персонала,

хан Алиев издал приказ, разрешающий «ходить мимо дома лицам гражданской службы, имеющим чин не ниже титулярного советника».

Варшава

26-го мая

Вернувшись из Гронц, проведя два дня среди тысяч людей, ожидающих не сегодня-завтра смерти прочитал следующее:

«Режиссер П.П.Сазонов и Ю.Л.Слонимская¹⁰⁷ организовали в Петрограде товарищество на вере для устройства театра марионеток. В деле ближайшее участие приняли С.К.Маковский¹⁰⁸ и молодая художница Э.С.Давыдова.

В течение зимы на небольшой, специально устроенной сцене разыгрывались в присутствии ближайших сотрудников театра коротенькие пьесы с целью развить и усовершенствовать технику движений марионеток. С осени театр откроет свои двери для публики. Декорации и эскизы костюмов для ближайших постановок сделали М.В.Добужинский и Н.К.Калмаков¹⁰⁹. Костюмы выполняются под руководством А.А.Сомовой-Михайловой¹¹⁰. Фигуры марионеток делают Б.М.Кустодиев, Н.К.Калмаков и барон Рауш-фон-Траубенберг¹¹¹. Школу балетных танцев марионетки проходят у Т.П.Карсавиной¹¹², которая ставит балетные сцены. Музыкальную часть принял на себя Ф.Гартман¹¹³. В художественном совете принимает участие К.А.Сомов¹¹⁴. В театре участвует также артистка Императорских театров М.Д.Прохорова. При театре образовался кружок любителей марионеток, главной задачей которого является изучение истории и теории кукольных театров»¹¹⁵.

Напечатано в «Речи», 22-го мая, на другой день после сдачи Перемышля¹¹⁶.

2-го июня

Главнoначальствующим Москвы недавно назначен князь Юсупов¹¹⁷ — один из глупейших людей Российской Империи, известный тем, что ему «удалось» полученные им за женой¹¹⁸ 50 миллионов рублей сократить более чем на половину. Будучи крайне скуп, Юсупов желая увеличить упавшее ему с неба состояние его жены пускался в разные аферы и, конечно, достиг результатов печальных¹¹⁹.

Москва столько лет прекрасно жившая без генерал-губернатора^a получила в подарок это сокровище вероятно лишь за то, что сын Юсупова¹²⁴ женат на дочери Вел[икого] Кн[язя] Александра Михайловича¹²⁵ и несмотря на свою всем известную склонность к лицам одного с ним пола¹²⁶ — ухитрился сделаться отцом¹²⁷.

За эти доблести отец «героя» и назначен искоренять крамолу москвичей и изгонять «немецкое засилье» разных московских Эрленгеров и Кнопов¹²⁸. Результаты такой деятельности уже сказались: московские

---

^a «Курьезная справка: хотя со смерти Вел[икого] Кн[язя] Сергея Александровича¹²⁰ должность генерал-губернатора Москвы и не существовала, тем не менее по старым штатам остались на своих местах все адъютанты генерал-губернатора. Трое из них (кн[язь] Оболенский¹²¹, Н.В.Каховский¹²² и Лодыженский¹²³) — мои хорошие знакомые — получали содержание и десять лет назывались адъютантами несуществующего генерал-губернатора!!!» (Примеч. автора).

хулиганы, подстрекаемые глупыми приказами нового начальника начали громить немецкие фирмы, разграбили магазины и произвели постыдные бесчинства¹²⁹.

Следствием этого и является просьба об «отставке» ген[ерала] Адрианова¹³⁰, т.к. этот крайне дельный градоначальник, очевидно, не мог остаться при живом «патриоте» главноначальствующем.

Кстати любопытно припомнить, что князь Юсупов называется Феликсом Феликсовичем и что родился он под фамилией Эльстон. Будучи чьим то незаконным сыном он — как говорят о всех незаконных — пользовался в жизни особым счастьем¹³¹. Дядя его граф Сумароков¹³², будучи бездетным передал ему умирая титул, фамилию и состояние, а женитьба на последней княжне Юсуповой дала ему 50 миллионов [рублей] и княжеский титул.

А Феликс Феликсович Эльстон¹³³ все таки преследует «иностранных засильников матушки Первопрестольной»!

3-го июня

Наши «патриоты» положительно переходят всякие границы приличия. Сегодня, после отдачи Перемышля и наших неудач, читаю в № 151 «Варшавской Мысли»:

«Наши успехи в Галиции вызывают ликование в Копенгагене. Газеты раскупаются на расхват. В датских военных кругах нашим успехам придают большое значение».

РГИА.Ф. 653. Оп. 1. Д. 4.Л. 1—57.

Примечания

¹ *Трубецкой Никита Сергеевич* — князь, полковник, адъютант великого князя Николая Михайловича.

² Художественному собранию великого князя посвящена одна из последних работ Николая Николаевича — Врангель Н.Н., бар. Русские люди в собрании Великого князя Николая Михайловича // Столица и усадьба. 1915. № 36—37.

³ «27-го [июля] я тронулся, — писал великий князь, — в Киев, а оттуда в штаб Юго-Западной армии, так как назначен по собственному желанию в распоряжение ген[ерал]-ад[ъютанта] Иванова. Выбрал именно его, как лучшего из худших» (Романов Н.М. Записки. С. 144).

⁴ Впоследствии некоторые отрывки из «записок Н.М.Романова» были опубликованы (См.: Красный архив. 1931. Т. XLVII—XLVIII, XLIX).

⁵ «Ввиду цензурных строгостей и систематической перлюстрации всякой корреспонденции, я завел следующий порядок, — писал великий князь Николай Михайлович, — который действовал за все время моего пребывания в штабе юго-западной армии. Еженедельно из Петрограда выезжал кто-либо из моих людей, привозя с собой письма и провизию для повара, и с ним же я направлял все мои письма как в Петроград, так и за границу. Последние передавались во французское посольство и следовали с курьером (la valise) в Париж. Регулярно каждую неделю писал подробно о всем виденном Марии Федоровне, причем не скрывая ничего, говоря всю правду, даже неприятную, что не раз приводило в большое смущение вдовствующую императрицу. Многое, что я предвидел, оп-

предупреждениям, чтобы не сказать предсказаниям» (Романов Н.М. Указ. соч. С. 155).

Ныне бумаги великого князя Николая Михайловича находятся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 670). Фрагменты переписки между ним и вдовствующей императрицей Марией Федоровной см.: Кудрина Ю.В. «Ужасно думать, что это только начало» (Война глазами вдовствующей императрицы Марии Федоровны) // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998.

⁶ «Верховное командование понимало опасность настроения, охватившего армию после тяжелых поражений, — вспоминал князь В.Оболенский, — нужного было во что бы то ни стало найти виновных. И они были найдены: виноваты евреи, которые, живя на фронте, занимаются шпионством. И вот последовал приказ очистить полосу фронта от еврейского населения. Армия в своей массе поверила навету на евреев и сочувствовала приказу, который стал приводиться в исполнение... Конечно, офицеры, занимавшиеся контрразведочной частью, знали неосновательность огульного обвинения в шпионстве целой национальности, но молчали. Я как-то спросил одного коменданта корпуса [sic], ведавшего корпусной контрразведкой, — правда ли, что большинство шпионов — евреи. Он мне ответил, что, конечно, среди шпионов попадаются евреи, но, по его наблюдениям, шпионов-поляков гораздо больше» (Оболенский В.А., кн. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 477).

См. также: Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Т. 19—20. М., 1993. С. 245—284; Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.

⁷ Приведем свидетельство князя В.Оболенского, возглавлявшего в начале 1915 г. один из санитарных отрядов Союза городов на Западном фронте: «Ввиду рассказов о том, как солдаты-санитары грабят раненых, рассказов по-моему весьма преувеличенных, Земский и Городской Союзы решили не пользоваться «казенными» санитарями из солдат и, значительно увеличив свои бюджеты, стали приглашать в отряды санитаров вольнонаемных. Предполагалось главным образом брать на эти должности студентов. Но далеко не все студенты умели ходить за лошадьми и управлять автомобилем. Кроме того, нужны были разные мастерские. Весь этот персонал приходилось вербовать из случайных людей, из которых лишь немногие являлись с рекомендацией. Этот люд, не связанный военной дисциплиной, попав в обстановку войны, где периоды напряженной работы сменяются длительными досугами и где уважение к чужой собственности может поддерживаться главным образом страхом суровых репрессий, быстро развратился. Одни пьянствовали, другие воровали, третьи и пьянствовали и воровали. Солдаты-санитары, обслуживавшие военные санитарные учреждения и учреждения Красного Креста, подчинялись военной дисциплине, и если среди них попадались грабители, то с ними, по крайней мере, возможна была борьба. С нашими же развращенными вольницами не было никакого сладу. Через два месяца пребывания на фронте мне пришлось уволить, кроме студентов, почти всех своих вольнонаемных санитаров, заменив их солдатами из так называемых «слабосильных команд», т.е. выписывавшихся из лазаретов, но еще непригодных для строевой службы.

Когда эта слабосильная команда явилась ко мне военным строем и на мое приветствие ответило отчетливо: «Здравия желаем вашему высокоородию», — я почувствовал огромное облегчение. Эти люди, понимавшие, что только добросовестная работа в отряде спасает их от жизни в окопах под вечным страхом увечий и смерти, вели себя образцово и безукоризненно исполняли свои обязанности» (Оболенский В.А., кн. Указ. соч. С. 463—464).

⁸ Вырезка из газеты вклеена в дневник.

Размышляя о причинах убыли личного состава, генерал Ю.Данилов отмечал, в частности, дезертирство, «которое, впрочем, вначале не превышало обычных норм, и саморанение, ставшее, к прискорбию, весьма заметной язвой в нашей армии. Число так называемых «палечников», то есть ранений в палец, с целью уклонения от службы, стало расти, и уже в октябре—ноябре 1914-го года пришлось ввести суровые наказания за умышленное причинение себе или через другое лицо, увечий, или повреждений здоровья. Борьба с этим злом велась, однако, на местах не столь решительно, как это требовалось суровыми условиями военного времени, почему данное явление серьезно подтачивало нашу армию, в ее основе» (Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 248).

⁹ См. запись в дневнике Николая II: [2 ноября. Воскресенье] «В 9 час[ов] приехали в Двинск... В крепостном соборе были у обедни и затем осмотрели военный госпиталь. Видели там в 2-х палатах германских раненых» (Дневник императора Николая II. М., 1991. С. 495).

¹⁰ Циркуляр переписан Н.Врангелем и вклеен в дневник.

¹¹ *Добужинский Мстислав Валерианович (1875—1957)* — русский график и театральный художник.

Барон Н.Врангель посвятил творчеству М.Добужинского статью, напечатанную в № 2 «Аполлона» за 1911 г.

¹² Однажды, по свидетельству Г.Иванова, Кока Врангель «взял в свой санитарный поезд» О.Мандельштама, которому «надо было — «непреренно или умереть» — быть в Варшаве» (Цит. по: Осип Мандельштам и его время. М., 1995. С. 77). В дневнике Николая Николаевича об этом не упоминается.

¹³ М.Добужинский отправился на фронт для натуральных зарисовок по поручению Общины св. Георгия. «Он много рисовал с натуры, — вспоминал С.Маковский, — я видел еще в 1914 году его альбомы путевых набросков с фронта, куда он ездил в качестве художника Красного Креста вместе с бароном Н.Н.Врангелем» (Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века». С. 289).

В феврале—марте 1915 г. М.Добужинский побывал в Галиции. В апреле того же года он совместно с Е.Лансере устроил выставку военных рисунков, на которой было представлено около 70 его работ.

¹⁴ *Павский Иван Владимирович (1870—1948)* — генерал-майор, начальник Отделения Отдела военных сообщений Военного министерства.

¹⁵ *Гильчевский Константин Лукич* — генерал-майор, командир 1-й бригады 39-й пехотной дивизии (1913).

¹⁶ *Келеповская Елисавета Аркадьевна* — фрейлина императрицы Александры Федоровны. «Келеповская дочь — сестра милосердия, — писал журналист Брешко-Брешковский, — она работала в Огерском отряде, и под Фридрихштадтом и на других перевязочных пунктах. Это — одна из тех русских девушек, что страстно и горячо жаждут подвига. Прекрасного подвига — на пользу ближнему. Пуше огня боится Е.А.Келеповская, чтобы кто-нибудь не подумал, что она, губернаторская дочь и фрейлина, кое-как относится к своим обязанностям. Наоборот, Келеповская не дает себе ни покоя, ни отдыха, выполняя самые трудные и самые тяжелые обязанности. Она помогает другим сестрам, помогает докторам, работает на кухне, чистит картофель, выносит из-под раненых «посуду», делая то, что в Цетиньевском госпитале делают племянницы короля Николая. За свою работу под артиллерийским огнем Е.А.Келеповская награждена Георгиевской медалью» (Цит. по: Вестник Красного Креста. 1915. № 9. С. 4087).

О Е.Келеповской см. также: Мосолов А.А. Указ. соч. С. 99—100.

¹⁷ *Келеповский Аркадий Ипполитович* — действительный статский советник, шталмейстер, ревельский вице-губернатор, люблинский (1914), лифляндский

(1915) и рижский губернатор (1915). О нем см.: Вестник Красного Креста. 1915. № 9. С. 4084—4087.

¹⁸ *Иваницкий Борис Евгеньевич* — сенатор, член Государственного Совета, член Главного Управления Российского Общества Красного Креста.

¹⁹ *Оболенский Петр Александрович* — князь, завед. средствами передвижения Управления Северного района Российского Общества Красного Креста.

²⁰ *Лигин Валерьян Валерьянович* — статский советник, келецкий губернатор (сентябрь 1914—1917).

²¹ Скорее всего — *Белосельский-Белозерский Константин Эсперович* (1843—1920) — князь, генерал-майор и флигель-адъютант Александра III и Николая II. Умер в эмиграции.

²² *Горчаков Михаил Константинович* — светлейший князь, в звании камер-юнкера, уполномоченный Киевского передового отряда Российского Общества Красного Креста.

²³ *Гернграсс Георгий Евгеньевич* — чиновник Департамента Государственных земельных имуществ Главного Управления Землеустройства и Земледелия, состоял для поручений при Главноуполномоченном Северного района Российского Общества Красного Креста.

²⁴ *Бертенсон Сергей Львович* (1885—1962) — помощник делопроизводителя Кабинета Его Императорского Величества, помощник секретаря Общества зашиты и сохранения в России памятников искусства и старины, состоял для поручений при Главноуполномоченном Северного района Российского Общества Красного Креста.

²⁵ «Немного работал, потом отправился к Олив к завтраку, — записывал 24 ноября в дневник К.Сомов, — там были кн[язь] Горчаков и Добужинский... Добужинский рассказывал о своей поездке на войну, показывал интересные свои путевые наброски» (Сомов К.А. Указ. соч. С. 137).

²⁶ *Розен Роман Романович* (1847—1922) — барон, гофмейстер, дипломат, посланник в Японии (1897—1898 и 1902—1904), посол в США (1905—1911), второй уполномоченный России на Портсмутской мирной конференции, член Государственного Совета.

²⁷ *Павел I* (1754—1801) — император (с 1796).

²⁸ «Как бесконечно глубоко я уважаю этого старика, — писал В.Пуришкевич, — благородного, чистого, честного, самоотверженно служащего святому делу помощи раненым ... Да, он горячка, он вспыльчив, он подвержен вспышкам минутного гнева, толкающего его иногда на безрассудные решения, в коих он потом сам первый кается и готов извиниться перед всяким, кого незаслуженно обидел, как бы ни был мал тот, который стал жертвой его внезапного гнева, — но он весь чистота, весь кристалл, его благородная душа ищет только добра и блага. Я не знаю, что было бы с санитарным делом на фронте, если бы принц А.П.Ольденбургский по временам не исправлял бы властно и не карал бы жестоко тех, которые в личных интересах и в погоне за чином или орденом принимают все меры к сокрытию санитарных безобразий и недочетов в деле помощи раненым и больным солдатам» (Пуришкевич В.М. Указ. соч. С. 16).

²⁹ *Мещанинов Иван Васильевич* — сенатор, помощник Верховного Начальника санитарной и эвакуационной части.

³⁰ *Сюзор Юрий Павлович* — граф, в звании камер-юнкера, секретарь Его Императорского Высочества принца А.П.Ольденбургского.

³¹ *Гудович Василий Васильевич* — граф, в должности шталмейстера, состоящий при Его Императорском Высочестве и в распоряжении Верховного Начальника санитарной и эвакуационной части.

«Конечно, вокруг принца целая орава недостойных людей, — считал В.Пуришкевич, — взяточников, проходимцев, карьеристов, изучивших его слабые стороны и подыгрывающихся под них. Многое из того, что он делает, в силу дурных советов, яйца выеденного не стоит, хотя и обходится в большие деньги, но все это пустяки сравнительно с тою пользою, которую приносит фронту этот глубокий старик, вечно кипящий юношеским пылом и молодой энергией, бесконечно добрый в душе» (Пуришкевич В.М. Указ. соч. С. 16—17).

³² *Гарязин Александр Львович* — заведующий делопроизводством Делопроизводственного управления Верховного Начальника санитарной и эвакуационной части.

³³ *Дмитрий Павлович* (1891—1942) — великий князь, флигель-адъютант, ротмистр л.-гв. Конного полка. Сын великого князя Павла Александровича и великой княгини Александры Георгиевны (урожд. греческой принцессы), Участвовал в убийстве Г.Распутина, за что был выслан в Персию в отряд генерала Баратова. В эмиграции (США, Швейцария).

³⁴ «Чтобы лучше руководить деятельностью лазаретов, Императрица решила лично пройти курс сестер милосердия военного времени с двумя старшими Великими Княжнами и со мной, — рассказывала А.Вырубова, — преподавательницей Государыня выбрала княжну Гедройц, женщину хирурга, заведывающую Дворцовым госпиталем. Два часа в день занимались с ней и для практики поступили рядовыми хирургическими сестрами в лазарет при Дворцовом госпитале и тотчас же приступили к работе — перевязкам, часто тяжело раненых... Императрица и дети, наряду с другими сестрами, окончившими курс, получили красные кресты и аттестаты на звание сестер милосердия военного времени. По этому случаю был молебен в церкви общины, после которого Императрица и Великие Княжны подошли во главе сестер получить из рук начальницы красный крест и аттестат. Императрица была очень довольна» (Вырубова А.А. Фрейлина Ее Величества. Интимный дневник и воспоминания. Рига, 1928. С. 143—144).

На заседании Главного Управления Российского Общества Красного Креста, состоявшемся 7 ноября 1914 г., председатель А.А.Ильин сообщил, что «Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Федоровна и Их Императорские Высочества великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны выдержали при Царскосельской общине экзамены, установленные для получения звания сестры милосердия Красного Креста» (Новое Время. 1914. 13 ноября).

³⁵ «Государыня вся отдалась работе в лазаретах, — вспоминала графиня М.Клейнмихель, — но и тут сказалось отсутствие у нее психологической чуткости. Вместо того, чтобы управлять лазаретами и быть Императрицей-благотворительницей, она стала сестрой милосердия, простой сестрой, делающей перевязки раненым, умывающей их и собственными руками обрезавшей ногти на ногах офицеров. Простой народ, в своем примитивном представлении, рисует Царицу окруженной ореолом и блеском, в короне, с красной мантией на плечах. Такою он ее любит и такою она ему нравится. Когда же русский солдат видел Царицу простой сестрой милосердия, не отличающейся ничем от других сестер, ее, эту Царицу, которую он себе представлял сказочной королевой, он думал: “Как, это все? Ну, тогда нет никакой разницы между нею и нашими женами”. Простота обращения Государыни и Великих Княжон с ранеными офицерами повредила ореолу царской семьи. Один француз сказал: “для лакеев нет великих людей”...» (Клейнмихель М., гр. Указ. соч. С. 181—182). См. также: Ден Ю.А. Подлинная царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны. СПб., 1999. С. 115—116.

³⁶ *Харитоненко Павел Иванович* (1852—1914) — сахарозаводчик, латифундист, меценат, коллекционер. Один из директоров бельгийского Общества «Сумских машиностроительных заводов», глава фирмы «И.Г.Харитоненко с сыном», которая владела почти 60 тыс. десятин земли (Харьковская, Курская, Полтавская, Черниговская губернии), 9 сахарными заводами, конными заводами и фермами по выращиванию племенного скота. Первый председатель Общества друзей Румянцевского музея, финансировал устройство помещения для отдела древнерусской иконописи в Музее Александра III.

³⁷ *Харитоненко Вера Андреевна (урожденная Бакеева)*. В начале августа 1914 на Юго-Западный фронт был отправлен московский госпиталь Иверской общины Красного Креста имени П.И.Харитоненко. Отчет о его работе см.: Вестник Красного Креста. 1915. № 5. С. 1879—1883.

³⁸ *Завадский Мечислав Людовикович* — состоящий в распоряжении управляющего Вторым полевым складом.

³⁹ *Забелин Александр Федорович* (1859—?) — генерал от инфантерии (с 1910), главный начальник военно-учебных заведений (с 1910), во время мировой войны начальник снабжения Юго-Западного фронта.

⁴⁰ *Трепов Федор Федорович* (1854—?) — генерал-адъютант, сенатор, член Государственного Совета. Киевский, волынский и подольский генерал-губернатор (1908—1914), помощник Верховного Начальника санитарной и эвакуационной части (сентябрь—декабрь 1914), военный губернатор областей Австро-Венгрии, занятых русской армией во время войны (1916—1917).

⁴¹ Приведем отрывок из записок великого князя Николая Михайловича: «[24 сентября]. Оказывается, [Трепов] один из помощников принца А.П.Ольденбургского. Но разница между ними та, что принц хотя суетится и кричит, но все же наводит хоть какие-нибудь порядки, а сей господин с важной осанкой и глазами блудного плута ничего не смыслит в этом ответственном деле, но надеется самоуверенно отличиться на новом поприще при крупном окладе жалования. Вряд ли он долго поработает с принцем, так как тот скоро его раскусит, но и Трепов не пропадет, а получит что-либо другое по его карьерным вкусам» (Романов Н.М. Указ. соч. С. 169).

⁴² *Мари Джордж Томас* — американский посол в России (1914 — февраль 1916).

⁴³ Об этом подробнее см.: Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы первой мировой войны. М., 1999.

⁴⁴ «Езжу между Киевом и Брдами, — сообщал Николай Николаевич своей матери, — был во Львове. Вернусь в Петербург в конце февраля. Здоров. Обнимаю. Кока» (ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 6914. Л. 52).

⁴⁵ Рапорт (машинописный) на бланке. Вклеен в тетрадь. Использовался как пропагандистский материал — воспроизведен (с небольшими купюрами) в «Армейском Вестнике» (№ 70 от 20 января 1915 г.) и в «Вестнике Красного Креста» (1915. № 6. С. 2765—2766).

⁴⁶ *По (Pau, Paul Marie Cesar Gerard)* (1848—1932) — французский генерал, во время войны предпринял множество дипломатических поездок, с января 1916 — при Ставке в качестве военного представителя французского Верховного командования.

⁴⁷ *Мясоедов Сергей Николаевич* (1865—1915) — полковник, служил в Отдельном Корпусе жандармов (1892—1909), начальник Вержболовского отделения СПб.—Варшавского жандармского управления (с 1901), в 1909—1912 — в распоряжении военного министра, в 1915 — арестован, обвинен в шпионаже и повешен.

⁴⁸ *Кузминский Александр Михайлович* (1843—1917) — судебный деятель, сенатор. В 1867 женился на Т.А.Берс, младшей сестре графини С.А.Толстой.

⁴⁹ *Гротгус Отто Оттович* — фон, барон, член правления «Русского Северо-западного пароходства». По некоторым сведениям, «с началом военных действий скрылся за границу» (Петроградская газета. 1915. 25 июня).

⁵⁰ См. также запись в дневнике великого князя Андрея Владимировича: [18 марта 1915] «... В дальнейшем были перехвачены все его [Мясоедова] письма и телеграммы, и скоро целая группа лиц оказалась замешанной в этом деле. И в ночь с 19 на 20 февраля состоялся арест. Между арестованными оказались две дамы, проживающие по Суворовскому проспекту 25. Они посещались генералами высших сфер, но, конечно, прямой связи у них с делом нет. Одна из этих дам даже бывала довольно часто у м-м Сухомлиновой. Конечно, все это бросило тень на Сухомлинова, который несколько лет тому назад горячо защищал Мясоедова от нападок Гучкова с трибуны Гос. Думы. Он, говорят, подавал в отставку, но она не была принята Государем» (Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. 1915 год. Л.—М., 1925. С. 19).

⁵¹ *Гагарин Александр Сергеевич* — князь, штаб-ротмистр, адъютант военного министра.

⁵² О переводе барона Н.Врангеля в распоряжение Уполномоченного Красного Креста Северного района рассказывает С.Бертенсон: «когда Волков поручил мне составление исторического очерка деятельности Красного Креста на нашем фронте за первый год войны, то я, с согласия Волкова, предложил Врангелю сотрудничество в этом деле, что вполне соответствовало его желаниям... Сперва мы подробно ознакомились с накопившимися в нашем управлении материалами в виде периодических отчетов и отдельных донесений особоуполномоченных, состоявших главными распорядителями краснокрестного дела при отдельных армиях. Затем мы занялись собиранием статистических сведений по учреждениям обширного Варшавского района, после чего выехали в продолжительный объезд тыловой части северо-западного фронта. Последовательно мы посетили Вильну, Двинск, Псков, Ригу, Митаву, Полоцк и Витебск» (Бертенсон С.Л. Указ. соч. С. 192).

⁵³ *Беляев Юрий Дмитриевич* (1876—1917) — театральный критик, сотрудник «Нового Времени», драматург, автор известной пьесы «Псиша» (Лиза Огонькова) (СПб., 1914).

⁵⁴ Первый фрагмент (всего было 8) опубликован в «Новом Времени» 3 января 1915 года. Вскоре роман вышел отдельной книгой — «Сестры Шнейдер. Впечатления» (Петроград, 1915). Сочинение Ю.Беляева явилось продолжением его же очерков «Барышни Шнейдер. Впечатления» (СПб., 1914).

⁵⁵ *Рузский Николай Владимирович* (1854—1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Во время русско-японской войны — начальник полевого штаба 2-й Маньчжурской армии. В начале мировой войны — командующий 3-й армией Юго-Западного фронта. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта (сентябрь 1914 — март 1915), член Государственного Совета (с марта 1915), главнокомандующий армиями Северного фронта (август 1915 — апрель 1917). В сентябре 1918 г. взят большевиками в заложники, расстрелян в Кисловодске.

⁵⁶ *Якимов Михаил Константинович* — статский советник, непреременный член Совета по делам местного хозяйства МВД, в звании камер-юнкера Высочайшего Двора, помощник Главноуполномоченного Российского Общества Красного Креста.

⁵⁷ *Дашков Дмитрий Яковлевич* — генерал-майор Свиты Его Императорского Величества, член Главного Управления Российского Общества Красного Креста.

⁵⁸ *Рогге Владимир Владимирович* — коллежский советник, чиновник Кабинета Его Императорского Величества.

⁵⁹ *Любимов Дмитрий Николаевич* — сенатор, гофмейстер, помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части.

⁶⁰ *Гессе Н.М.* — жена прокурора варшавской судебной палаты.

⁶¹ *Шильдбах Александра* — жена командующего лейб-гвардии Литовского полка генерал-майора Шильдбаха, старшая сестра милосердия лазарета 3-й гвардейской пехотной дивизии.

⁶² *Ильин Алексей Алексеевич* — гофмейстер Высочайшего Двора, председатель Российского Общества Красного Креста, член Государственного Совета.

⁶³ *Вилькен Дмитрий Рудольфович* — сенатор, член Совета Складов и товарищ председателя Российского Общества Красного Креста.

⁶⁴ Несколькими днями ранее Николай Николаевич писал матери:

«Седлец. Стодольная, 38. 18 марта 1915.

Милая мама, наконец то прибыл в Седлец, куда приехал вчера, после долгого катания на санитарном поезде. Здесь гадость порядочная: город отвратительный, грязный и скучный и сидеть здесь было бы невыносимо, но я полагаю, начиная с будущей недели начать разъезды по всему фронту, начиная с Варшавы и ее окрестностей и кончая Ригой, Либавой, Вильной и прочими городами нашего тыла, которые посетить все же для общего впечатления о настроении теперь любопытно. Живу в квартире грязной, скверной и холодной и погода сей час препоганая. Здесь много говорят об уходе Рузского, который вчера уже уехал из Седлец, где он жил. Вот Тебе и герой! Печально, если у нас так скоро будут возвеличивать и низводить..!

На место Рузского сегодня уже прибыл Алексеев, но, может быть, и он недельки на две, до смены новым героем.

Относительно шпионажа здесь доподлинно известно, что Мясоедов не повешен еще, а сидит в тюрьме в Варшаве и его будут судить гражданским судом; говорят также, что уход Сухомлинова решен бесповоротно.

Сегодня в канцелярии Кр[асного] Кр[еста] видел представления бесчисленных наград и среди них сестры Олеся, Беннигсен и гр[афиня] Зарнекау — к георгиевским медалям 4-й степени (Зарнекау вероятно «за особые заслуги» представлена даже к двум наградам сразу). Пишу все эти «секреты», т.к. письмо идет не почтой, а с посыльным.

Вот и все. Здоров. Обнимаю. Кока.

P.S. Деньги от папы и Эрмитажа, которые, как я там распорядился будут присылать пале прошу выслать мне после 1-го апр[еля] почтовым переводом по адресу: Седлец Западокрест, мне» (ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 6914. Л. 39—40 об.).

⁶⁵ *Алексеев Михаил Васильевич* (1857—1918) — генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант. Участник русско-турецкой и русско-японской войн. В начале мировой войны — начальник штаба армий Юго-Западного фронта. После ухода Н.В.Рузского (17 марта 1915) назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта, командующий Западным фронтом (август 1915), начальник штаба Верховного Главнокомандующего (август 1915 — апрель 1917), Верховный Главнокомандующий (апрель—май 1917). В 1917—1918 создал и возглавил Добровольческую армию для борьбы с большевиками. Умер в Екатеринодаре, при отступлении Белой армии его прах был перенесен в Сербию.

⁶⁶ *Вернандер Александр Петрович* (1844—?) — инженер-генерал, помощник военного министра. Воспитанник Павловского кадетского корпуса, закончил Константиновское военное училище и Николаевскую инженерную академию (1868). Участник русско-турецкой войны. В 1880 г. занимался строительством варшавских укреплений, начальник варшавского крепостного инженерного управления (1891—1895), помощник начальника Главного инженерного управления (1895—1897), главный начальник инженеров (1897—1904), товарищ генерал-инспектора по инженерной части великого князя Петра Николаевича (1904—1909), генерал-инспектор по военной части (1909—1912), помощник военного министра (1909 — июнь 1915), член Государственного Совета.

⁶⁷ Абзац зачеркнут синим карандашом.

25 марта Николай Николаевич написал очередное письмо Марии Дмитриевне:

«Милая мама,

поздравляю Тебя с праздниками и желаю, как полагается в таких случаях всего лучшего.

Пока сижу в Седлеце, куда приехал и Волков и занят разбором всяких отчетов и донесений. Из них я вынес убеждение, что уполномоченный Олесино отряда Черкасский круглый идиот. Олеся негодовала, что Волков принял его холодно и даже не подал руки, но, но это еще крайне мягко, т.к. деятельность Черкасского стоит на границе подсудности и его денежный отчет заставляет думать, что он не только дурак...

К сожалению, здесь идет прямо дождь наград и все сестры, уполномоченные и доктора и санитары будут покрыты дождем отличий и медалей.

Через несколько дней переезжаю в Варшаву, где и будет моя штаб-квартира, но пока пиши по адресу Седлец Западокрест.

Программа моих передвижений установилась и сообщаю ее в общих чертах для сведения: с 27 по 30 марта Варшава; с 30 по 7-го апр[еля] Седлец, Гродно. С 7-го до 15-го Варшава и ее окрестности. С 16 по 19 — Вильно, Двинск, Псков. С 20 по 25 — Лифляндия (Рига и проч.); с 25-го по 30 — Курляндия (Митава и проч.). С 1-го по 8-го мая на неделю буду в Петербурге, откуда опять уеду в Варшаву.

Вот, на всякий случай, программа моих действий. Если на мое имя пришли какие либо письма — прошу прислать на Седлец, — Западокрест.

Обнимаю. Кока» (ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 6914. Л. 41—42об.).

⁶⁸ *Гучков Александр Иванович* (1862—1936) — предприниматель, общественный деятель. В 1900 г. участвовал в англо-бурской войне на стороне буров. В 1905 г. главноуполномоченный Российского Общества Красного Креста на русско-японской войне, один из основателей партии октябристов, депутат III Государственной Думы, ее председатель (1910—1911), особоуполномоченный Российского Общества Красного Креста (при 2-й армии), председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915—1917), член Государственного Совета (с 1915), участник Особого совещания по обороне. В марте 1917 г. как представитель Государственной Думы в Пскове принял отречение Николай II. Военный и морской министр Временного правительства (март—май 1917). С 1918 г. в эмиграции в Париже.

⁶⁹ «Не скрою, — писал Б.Бучинский, проходивший на процессе в качестве свидетеля, — что на меня лично... дело произвело впечатление подтасовки, и мое личное, быть может, ошибочное мнение — что Мясоедов не виновен в том, что ему приписывалось...Его смерть нужна была толпе, подобно тому, как в

1812 году московской толпе нужна была смерть купеческого сына Верещагина» (Бучинский Б. Суд над Мясоедовым (Впечатления очевидца) // Архив русской революции. XIV. Берлин, 1924. С. 147).

⁷⁰ *Альтшуллер (Альтшулер) Александр Оскарович* — директор сахарного завода в Бердичеве, председатель правления Южно-Русских машиностроительных заводов, почетный австрийский консул в Киеве, в 1914 г. уехал в Австро-Венгрию. Обвинен в шпионаже, а его близкое знакомство с В.А.Сухомлиновым послужило одним из оснований для обвинений В.А.Сухомлинова в измене.

⁷¹ В тот же день Николай Николаевич отправил открытку (Siedlce. Ul. Palacowa) матери: «Сегодня я еще в Седльце, а с 5-го по 14-го буду в Варшаве. Много разнообразных впечатлений особенно впереди при объезде всех госпиталей и прочих учреждений так что покатаюсь не мало. В Варшаве буду жить в Бри[ст]олевской гостиннице, куда и пишите или же просто Западокрест Варшава, мне. Впечатления расскажу — писать неудобно. Кока» (ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ед. хр. 6914. Л. 43).

⁷² *Кривенко Василий Силович* — тайный советник, член Совета при министре Императорского Двора и уделов, член Главного Управления Российского Общества Красного Креста, глава Петроградской Думы и губернского земского собрания.

⁷³ *Ордин Борис Кесаревич* — действительный статский советник, в должности гофмейстера, помощник заведующего Канцелярией Ее Императорского Величества Александры Федоровны, председатель Совета Складов (с 1906) и член Главного Управления Российского Общества Красного Креста. Подробнее о нем см.: Симбирский Н. Красный Крест на войне. Пг., 1917.

⁷⁴ Ситуация в Красном Кресте, похоже, не изменилась и в 1916-м. По крайней мере, об этом свидетельствуют записи в дневнике В.Пуришкевича: [24 ноября] «Был в главном управлении Креста, где царит обычная бестолочь и занимаются интригами, орденами и писанием бумаг в ущерб живому делу»; [12 декабря] «Вот учреждение, поражающее косностью: толковых всего лишь два или три человека и среди них Ордин и человек себе на уме Чаманский, вертящий там всем и играющий первую скрипку, конечно, не без большой выгоды для себя. Славный председатель Ильин спеленат, как младенец, и на положении не то бонзы, не то Далай-Ламы, остальные частью статисты, на ролях свадебных генералов, а частью просто превосходительная шантрапа, привыкшая считать за дело только бумагу под номером и чуждая всякой отзывчивости живому и великому делу милосердия» (Пуришкевич В.М. Указ. соч. С. 16, 53—54).

⁷⁵ После инспекционной поездки по Северо-Западному району В.С.Кривенко сделал доклад на заседании Главного Управления Российского Общества Красного Креста. В журнале этого заседания, в частности, записано: «...В.С.Кривенко вынес самое благоприятное впечатление о всех осмотренных лечебных заведениях как в самой Варшаве, так и в других пунктах... Далее В.С.Кривенко доложил, что при личной с ним беседе Главнокомандующий действующими армиями Северо-Западного фронта отозвался, что «Красный Крест работает превосходно», а Главный начальник снабжений заявил, что «Красный Крест работает выше всякой похвалы, первым номером среди частных организаций». Земский Союз работает хорошо. Деятельность же Городского Союза не получила значительного развития» (Вестник Красного Креста. 1915. № 5. С. 2145—2146).

⁷⁶ «Мы никогда не сообщали заранее о своем предстоящем приезде, — вспоминал С.Бертенсон, — и потому наша ревизия всегда являлась неожиданной, так что не могло быть и речи о том, чтобы к нашему появлению подготавлились» (Бертенсон С.Л. Указ. соч. С. 194).

⁷⁷ *Аматуни Никодим Исаевич* — князь, действительный статский советник, чиновник особых поручений при министре торговли и промышленности, управляющий Вторым полевым складом (г. Варшава). В докладе В.С.Кривенко «с особой похвалой отозвался о Варшавском Складе Красного Креста, действующем под управлением из ряда вон выходящего работника князя Аматуни» (Вестник Красного Креста. 1915. № 5. С. 2146). В 1915 г. князь Н.И.Аматуни был награжден орденом св. Владимира 3-й степени. Впоследствии он прекрасно организовал работу Минского и Смоленского полевых складов Красного Креста (Симбирский Н. Указ. соч. С. 130, 133—139, 153).

⁷⁸ *Муратов Николай Павлович* — действительный статский советник, камергер, член Совета министра внутренних дел.

⁷⁹ Ввиду «сильной потребности, испытываемой на театре военных действий в клюквенном экстракте и почти полного исчерпания запасов клюквы», Главное Управление Российского Общества Красного Креста поручило Совету Складов озаботиться приобретением запаса клюквенного экстракта для лечебных учреждений Общества» (Вестник Красного Креста. 1915. № 3. С. 2464).

⁸⁰ «Милая мама, — писал Николай Николаевич 13 апреля, — только вчера получил Твое письмо, также и денежный перевод за каковые спасибо.

Почта действует очень скверно: письма зачастую запаздывают и нередко и совсем пропадают, чему у меня примеров множество.

Относительно Пипа (брата Петра — А.М.) можешь не беспокоиться, так как сейчас здесь по всему фронту полное затишье и все лазареты и госпиталя — изнывают от бездействия.

Варшава сейчас восхитительна — совершенно маленький Париж, так красива, чиста и изящна. До сих пор я жил в гостиннице, но по возвращении буду с Бертенсоном на своей квартире, что значительно приятнее и дешевле (прелестные четыре комнаты с ванной и мебелью обходятся во 100 р[ублей], т.е. по 50 р[ублей] с рыла, выражаясь деликатным языком). Этот будущий адрес: Вейская 21, пока же не пиши мне совсем, т.к. завтра я уезжаю и буду странствовать до моего возвращения в Петербург, т.е. до 30-го или 1-го. Очень радуюсь увидеть Художественный Театр и имею уже место в ложе Бертенсона.

Пока мои занятия здесь заключаются в объезде всевозможных организаций, что весьма полезно для изучения общей постановки дела. Кроме того Волков дал поручение и по Эрмитажу: составить ему доклад о положении в художественном отношении Лазенковского дворца и его сокровищ, что сейчас меня занимает и чему придется посвятить еще порядочно времени. Таким образом, по возвращении сюда из Петербурга, т.е. около 12 мая, я и засяду за историю Сев[еро]-Зап[адного] района Кр[асного] Кр[еста] и за описание Лазенок, какую работу кончу, пожалуй, только в июле и тогда думаю просить о какомнибудь новом назначении поближе к событиям, в зависимости от того, как они развернутся.

Если будет сообщить мне что либо экстренно, то пиши Рига, до востребования, мне, т.к. это единственное место, где меня можно будет поймать между 21 и 25 сего месяца. Обнимаю. Кока» (ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 6914. Л. 44—45об.).

⁸¹ «Приехав в Вильну, — вспоминал С.Бертенсон, — мы узнали о безвременной кончине Скрябина, умершего в несколько дней от заражения крови на лице... Врангель был с ним хорошо знаком и очень взволновался его смертью» (Бертенсон С.Л. Указ. соч. С. 192—193).

⁸² Лаконичное сообщение — на открытке (Dwinsk. Владимирская ул. Государственный Банк): «Здоров. Обнимаю. Кока» (ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 6914. Л. 53).

⁸³ 14(27) апреля немцы предприняли наступление на рижском направлении с целью отвлечь внимание русского командования от готовящегося наступления немцев в Галиции (Горлицкая операция). В ходе этого наступления они овладели Либавой и подошли к Митаве. Для прикрытия этого направления была образована новая, 5-я армия, под командованием генерала Плева (Верховский Д.В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война. 1914—1918 гг. Военно-исторический очерк. М., 1964. С. 129).

⁸⁴ В тот же день Николай Николаевич отправил письмо в Петроград:

«Милая мама,

Вчера приехал в Ригу, где имею полную иллюзию, что нахожусь в Берлине, хотя по немецки говорить запрещено и жители молчат или говорят на языке чисто опереточном.

Много страхов в публике вызывают события в Митаве, впрочем, кажется сильно преувеличенные. Сегодня, во всяком случае, узнаю достоверно что делается в дальнейшем, т.е. ехать ли дальше, обождав успокоения, или же возвращаться назад, так как сегодня поездка на Митаву уже не ходят...

В общем вижу и слышу много интересного и своей поездкой крайне доволен. Осмотрел уже около 30 разных организаций в Вильне, Пскове и Риге и должен сказать, что пока видел много крайне утешительного. Некоторые госпитали Пскова, — не говоря о Риге — прямо замечательны и превосходят все мною виденное. Набираю большой материал для отчета и особого доклада Волкову. На этом кончаю письмо, так как спешу. Обнимаю. Кока» (ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 6914. Л. 46—47).

⁸⁵ *Стааль фон Голстейн Вильгельм Рейнгольдович* — барон, в должности гофмейстера, уполномоченный Северного района Российского Общества Красного Креста по Лифляндской губернии и городу Рига.

⁸⁶ *Курлов Павел Григорьевич* (1860—1923) — генерал-лейтенант. Выпускник Александровской военно-юридической академии, курский (1903—1905) и минский (1905—1906) губернатор, начальник Главного тюремного управления (1907), командующий Отдельным корпусом жандармов и товарищ министра внутренних дел (январь 1909 — октябрь 1911). В начале мировой войны был определен состоящим в распоряжении Главного начальника снабжений Северо-Западного фронта. В 1914 г. командирован в Ригу в должности уполномоченного по гражданскому управлению Прибалтийского края с правами генерал-губернатора. В 1915 г. отчислен в резерв. С 1916 г. — товарищ министра внутренних дел (сентябрь—декабрь).

⁸⁷ См.: Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства. Т. III. Л., 1925. С. 190—198.

⁸⁸ Обстановка в Риге, вспоминал П. Курлов, была «крайне тяжелая: старинная вражда между местным немецким населением и латышами разгорелась до значительных размеров. Со стороны латышей сыпалась масса обвинений на своих противников не только за их чрезмерную любовь к германцам, но и за шпионство и даже за государственную измену. Во всем этом была масса преувеличений, которые в последующей моей службе в Риге создавали мне тяжелые недоразумения... Некоторая вина падала на немецкое население, которое не учло обстановки момента и допускало ряд бестактных действий, послуживших причиной огульных обвинений. Оно не понимало, что в период войны с Германией

необходимо было отказаться от многих проявлений, естественных при общности языка, национальности, религии. Так, например, мне доложили, что при первом прибытии в Ригу военнопленных германцев они были встречены с цветами. Желая предупредить повторение таких случаев, которые, конечно, могли вызвать репрессии со стороны военного начальства, я по телеграфу просил главного начальника округа впредь не направлять в Ригу пленных немцев» (Курлов П. Г. Гибель императорской России. Берлин, 1923. С. 184).

⁸⁹ «Я прекрасно понимал, — писал П. Курлов, — что всякое ограничение с моей стороны немецкого населения принималось эстами, а в особенности латышами за победу над враждебными им немцами-помещиками, а потому я неоднократно обращался к последним с просьбой пойти мне навстречу и самим отказаться от тех или иных антирусских проявлений, так как благодаря взглядам на этот вопрос (о безусловном воспрещении немецкого языка — А. М.) и категорическим приказанием высшего военного начальства я должен был проводить указанные выше ограничения неукоснительно. Но и эти мои усилия успехом не увенчались» (Курлов П. Г. Указ. соч. С. 186).

⁹⁰ *Бирон Эрнст Иоганн* (1690—1772) — фаворит императрицы Анны Иоанновны, герцог Курляндский (с 1737). Закладка митавского дворца (архитектор Ф.-Б. Расстрелли) состоялась в мае 1738 г. Строительные работы были прекращены после опалы Бирона (ноябрь 1740). Достройка дворца была осуществлена в 60-е гг. после возвращения Бирона из ссылки. В 1798—1799 гг. Митавский дворец стал резиденцией Людовика XVIII. Подробнее см.: Резвин В. А. Отчет о работах, произведенных в Митаве // Новая Юность. 1997. № 4.

⁹¹ Приведем черновой набросок статьи, сделанный Николаем Николаевичем после посещения столицы бывшего герцогства Курляндского:

«Митава. Дворец Бирона — огромное превосходное здание Расстрелли, снаружи сохранившее прежний вид. Внутри комнаты дивных пропорций, но совершенно искаженные: фрески на потолках переписаны за ново, дивная аннинская мебель вся перезолочена или пересебрена и проч. Сохранились сравнительно недурно: столовая белых кафлей с бордюрами тех же кафлей Дельфт (пейзанен); дивные плафоны (скульптурные рельефы) в нескольких комнатах, а также белые печи; камин с цветными рельефами; дивные часы — Буль — замечательной сохранности. Спальня Бирона (цветные рельефы по стенам, почти все комнаты в сохранности; хорошие двери); панно китайские (вышитые шелком) в одной небольшой комнате. Еще недурны часы Louis XV (перезолочены?) и стол маркетти (бронза перезолочена).

Вообще в городе много очаровательных домов (говорят что у многих жителей есть дивные вещи; напр[имер] у город[ского] головы Шмидта, в одной гостинице и проч.). Дом Анны Иоанновны ныне гимназия. Снаружи прелестен; внутри не был. Город стоит изучения и охраны. 1915. 24-го апр[еля]» (ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 6920. Л. 2—2об.).

В бумагах Николая Николаевича сохранились черновики статей «Седлец», «Полоцк», «Общество Черноголовых», а также конспект намеченной им книги «Польша—Россия» (ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 6920).

⁹² У барона Н. Врангеля имелись переснятые немецкие карты: 1) Северная Германия; 2) Пруссия, Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Ингерманландия, часть Балтийского моря; 3) Пруссия; 4) Европейская часть России; 5) Европейская часть России и Скандинавский полуостров; 6) Польша; 7) Польша и Пруссия; 9) Польша и Пруссия (РГИА. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 9—17).

Небольшое сообщение (24 апреля) — на открытке с видом рижского коммерческого училища — в Петроград:

«Милая мама, сейчас вернулся в Ригу из Митавы, где все начинает успокаиваться и входить в колею. Взял уже билет и буду в Петербурге 29-го утром (очень прошу приготовить ванну). Вижу много разнообразного и интересного и поездками очень доволен. Обнимаю. Кока» (ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 6914. Л. 48).

⁹³ *Безятов Евгений Михайлович* (1878—?) — доктор медицины, драматург, преподаватель театральной школы Суворина.

⁹⁴ Баронесса М.Д.Врангель писала, что ее «племянница М.Вогак» умерла от голода в годы гражданской войны (Врангель М.Д., бн-са Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. IV. Берлин, 1922. С. 203).

⁹⁵ *Панасюк Порфирий* — унтер-офицер, георгиевский кавалер. Неоднократно из-за ранений — попадал в плен., откуда совершал успешные побег. В последний раз немцы отрезали у него часть раковины одного уха. 8 апреля 1915 г., находясь на излечении в Петрограде, был принят в Аничковом дворце императрицей Марией Федоровной, которая «изволила удостоить его милостивых распросов и передать ему пасхальное яйцо, серебряный позолоченный образок и денежный подарок» (Вестник Красного Креста. 1915. № 5. С. 1822).

⁹⁶ «Весной 1915 года он опять приехал к нам, — вспоминал Николай Егорович, — Ужасы войны побудили его глубже вдуматься в мировые вопросы, во многое, на что прежде, поглощенный своими специальными занятиями, он не обращал внимания. Кругозор его расширился, ум его окончательно созрел; он замыслил теперь большой исторический труд, затрагивающий мировые проблемы. План уже был готов. Кончится война — он его осуществит. Полон этой надежды, он снова уехал» (Врангель Н.Е., бар. Указ. соч. С. 208).

⁹⁷ Высочайшим Рескриптом (12 апреля 1915 г.) Верховный Главнокомандующий был «пожалован георгиевской саблей, бриллиантами украшенной, с надписью «За освобождение Червонной Руси».

⁹⁸ «По окончании нашего недельного отпуска, — рассказывал С.Бертенсон, — мы возвратились в Варшаву и стали приводить в порядок собранные во время командировки данные. Детальное обследование деятельности красно-крестных учреждений показало, что, за малым исключением, работа везде велась превосходно: великолепно организованный медицинский уход, быстрота в подаче помощи, отсутствие формализма, отличное питание, самоотверженность персонала. В беседах с ранеными и больными, которые говорили с нами совершенно откровенно и свободно, мы почерпнули очень много ценных сведений чисто бытового характера, осветивших нам постановку дела с самой привлекательной стороны» (Бертенсон С.Л. Указ. соч. С. 194).

⁹⁹ *Скалон Георгий Антонович* (1847—1914) — генерал-адъютант, варшавский генерал-губернатор (1905—1914).

¹⁰⁰ «Магазины экономич[еского] О[бществ]а офицеров Варшав[ского] Военного округа, впредь до особого распоряжения, закрыты, о чем вывешены объявления на входных дверях магазинов» (Варшавская мысль. 1915. 5 мая).

¹⁰¹ Очердное письмо — из Варшавы (15 мая) в Петроград:

«Милая мама, посылаю Тебе это письмо с оказией. Сейчас я в Варшаве, устроился очень симпатично Вейская 21 кв. 3, куда и прошу направлять все письма и проч.

Войны здесь совсем не чувствуется и только газетные известия напоминают о страшной бойне. Есть ли чтонибудь интересного в Петербурге?

Здесь даже слухов никаких; единственное сенсационное событие это закрытие варшавского Экономического О[бщества], которое оказалось сплошной организацией немецких шпионов! Все приказчики составляли целую компанию,

которая по фамилиям и названиям полков заказчиков определяла размещение войск! Говорят, что в закваске этого виноват еще Скалон, сдавший Экономическое О[бщест]во в аренду какой то германской фирме. Во всяком случае теперь все это разоблачено, здание запечатано и у него дежурят солдаты.

Более «секретных» сообщений не имею. Будь добра — пошли с Василием мой электрический чайник (он должен быть или на одном из столов или в шкафике, который у моей кровати) по адресу: Манежный 16, Андрею Васильевичу Глинке, который мне привезет чайник сюда. Обнимаю. Кока.

P.S. Приложи также, пожалуйста, мой анализ (бумага находится в ящике стола у средней стены, налево от входа, где лампа) — хочу посоветоваться здесь» (ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 6914. Л. 49—50об.).

Краткое сообщение — на открытке с видом варшавского Саксонского сада — через день: «Погода дивная и Варшава прелестна. Устроился очень уютно и хорошо. Работа подвигается. Что у Вас? Обнимаю. Кока» (ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 6914. Л. 51).

«Он прислал мне открытку, — вспоминал князь Сергей Волконский, — помеченную: Варшава, Вейская улица, 21, 17 мая; на оборотной стороне — Лозенковский театр» (Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. С. 80).

¹⁰² В сводке «От Штаба Верховного Командования» сообщалось: «к северу от Пилицы около 4-х часов утра [18 мая] неприятель, устроив дымовые завесы и широко пользуясь ядовитыми газами, атаковал значительными силами наши позиции на Бзуре у Витковице, Брохова, Сохачева и Козлова и особенно настойчиво на Нижней Равке...Несмотря на огромное количество израсходованного неприятелем газа, запах которого обнаруживался даже в 30 верстах позади нашего фронта, все атаки неприятеля были отбиты» (Армейский Вестник. 1915. 21 мая).

¹⁰³ *Селиверстов Иван Петрович* — старший инспектор для наблюдения за типографиями, литографиями и т.п. заведениями, а также за заведениями производящими и продающими принадлежности тиснения и за книжной торговлей.

¹⁰⁴ *Ковалевский Владислав Викентьевич* — действительный статский советник, особоуполномоченный Российского Общества Красного Креста в районе армий Северо-Западного фронта.

¹⁰⁵ «Маршруты приходилось комбинировать — рассказывал С.Бертенсон, — соответственно тому, когда можно было получить автомобиль для посещения района той или другой армии, так как разъезды по железным дорогам не представлялись возможными. Фронт был сравнительной близости от Варшавы. На позициях пехотных частей работали наши передовые отряды. С минуты на минуту ждали появления удушливых газов, и уполномоченный отряда, на котором лежала, между прочим, забота о снабжении воинских частей противогазовыми повязками, предложил нам помочь ему обойти расположенные тут же полки по окопам и удостовериться лично, у всех ли имеются повязки? Путешествие наше по окопам, благодаря тому, что военные действия ограничивались в то время незначительным ружейным огнем, не было сопряжено ни с какими трудностями, и в одном из блиндажей гостеприимные хозяева-офицеры имели даже возможность угостить нас завтраком. Раздача повязок оказалась как нельзя более кстати, так как в ту же ночь неприятель воспользовался ветром, и газы были выпущены» (Бертенсон С.Л. Указ. соч. С. 194—195).

¹⁰⁶ *Алиев Эрис Хан Султан Гирей* (1855—1920) — генерал от артиллерии (1914), в 1914—1917 гг. командовал IV Армейским корпусом. Во время Гражданской войны — правитель Чечни. Расстрелян большевиками.

¹⁰⁷ *Слонимская Юлия Леонидовна* — историк театра и балета.

¹⁰⁸ Маковский Сергей Константинович (1878—1962) — поэт, редактор «Аполлона», мемуарист.

«Понравился он мне с первого взгляда, — вспоминал С.Маковский, — мы стали встречаться постоянно (в течение двух лет он подписывал «Аполлон» в качестве соредатора), бывали везде вместе, брались за проведение ряда мероприятий, как-то: обозрение нашего усадебного мира (для предполагавшегося труда «Помещичья Россия»), устройство в 1908 году «Старыми Годами» выставки старинных картин из частных собраний, — и тогда же — большой выставки «Салон» в помещении Первого Кадетского корпуса. Наконец, тремя годами позже нам удалась на славу французская юбилейная выставка (с 1812—1912 гг.), организованная соединенными силами «Аполлона» и «Общества защиты памятников искусства и старины», где Врангель исполнял, после меня, обязанности секретаря» (Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века». С. 308).

Уход барона Н.Врангеля из «Аполлона» С.Маковский связывает с «резким его столкновением» с издателем журнала М.К.Ушковым (Там же. С. 261).

Об участии своего «закадычного друга» в литературной мистификации (поэтецца Черубина де Габриака) С.Маковский рассказывает в своей книге «Портреты современников» (Нью-Йорк, 1955. С. 310).

Приведем запись из дневника К.Сомова (1916): «Пришел Маковский, принес оттиск моих рисунков, сидел долго. По поводу книги «Венок Врангелю» он мне многое сказал о Врангеле, которого очень хорошо знал, значение его преувеличено. Он был совершенно без сердца, не был умен... Бенуа, говорит Маковский, сильно преувеличивает значение Врангеля» (Сомов К.А. Указ. соч. С. 163—164)

¹⁰⁹ Калмаков Николай Константинович (1873—1955) — живописец, график, театральный художник. Выполнял декорации и эскизы костюмов для театра В.Ф.Комиссаржевской, «Старинного театра», театра марионеток Ю.Л.Слонимской-Сазоновой. После революции эмигрировал, с 1926 г. поселился в Париже.

«Вечером ездил в артистке Александринского театра Прохоровой-Берлин на собрание учредителей театра-марионеток, — записал 26 февраля 1915 г. К.Сомов в своем дневнике, — Слонимской-Сазоновой с мужем, худ[ожника] Калмакова, двух неизвестных мне, одной художницы и, к моему неприятному удивлению, Сергея Маковского, мною переносимого фразера и фальшивого энтузиаста. Подбор людей, за исключением Калмакова, для этой антрепризы — прелестной, по существу, — мне показался мало подающим надежды... Под конец собрания пришел Добужинский» (Сомов К.А. Указ. соч. С. 141).

¹¹⁰ Сомова-Михайлова Анна Андреевна (1873—1945) — сестра К.Сомова.

¹¹¹ Рауш фон Траубенберг Константин Константинович (1871—1935) — барон, камер-юнкер, автор портретных статуэток и декоративной скульптуры малых форм, сотрудничал с Императорским фарфоровым заводом (1909—1915).

«Оба барона, оба кузена, Кока Врангель и Кока Рауш, — вспоминал А.Бенуа свое знакомство с ними в 1901 году, — были чрезвычайно забавны, когда являлись вместе (к нам они в первые годы никогда порознь и не являлись, и непременно это бывало около полуночи); точно два актера, заучившие роли, они подавали друг другу реплики, подзадоривая на всякое «словесное шутовство». Прибавлю еще, что юмор Коки Рауша охотно принимал чуть «дьяволический» оттенок, несмотря на то, что это был добрейший и необычайно благожелательный человек. Впечатлению инферальности способствовала и его физиономия, тоже явно африканская, темный цвет кожи, покрытый «породистыми» бородавками, и его жутковато-язвительная усмешка, напоминавшая те маскароны фавнов и сатиров, которыми в старину любили скульпторы украшать архитектурные

и мебельные детали. Хмыканье, издававшееся Раушем, придавало особую значительность его остроумам. От такого хмыканья античные нимфы и дриады должны были со всех ног удирать и прятаться в чаше» (Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 335).

В одном из сочинений князя С.М.Волконского упоминается о том, что барон К.Рауш фон Траубенберг делал скульптурный портрет Г.Распутина. Накануне одного из сеансов барон Н.Врангель встретился со «старцем» в подъезде дома, где находилась мастерская его кузена (Волконский С.М., кн. Последний день. С. 345).

¹¹² *Карсавина Тамара Платоновна* (1885—1978) — балерина, в 1902—1918 гг. выступала в труппе Мариинского театра, ведущая балерина «Русских сезонов Дягилева». Наравне с М.Кшесинской и А.Павловой — одна из трех «великих русских балерин XIX века». С 1918 г. жила в Лондоне, где с 1930-го по 1955-й была вице-президентом Королевской академии танца.

¹¹³ *Гартман Фома Александрович* (1885—1956) — композитор, дирижер и музыкальный критик. С 1921 г. жил за границей. Умер в США.

¹¹⁴ *Сомов Константин Андреевич* (1869—1939) — живописец и график, член объединения «Мир искусства». С 1923 в эмиграции.

¹¹⁵ Первое представление театра кукол-марионеток Слонимской-Сазонова состоялось 15 февраля 1916 г. на квартире художника А.Гауша. Был разыгран комический дивертисмент «Сила любви и волшебства» Тирсо де Молина. В дальнейшем спектакли шли в «Привале комедиантов» (Подробнее см.: Тихвинская Л.И. Кабаре и театры миниатюр в России. 1908—1917. М., 1995. С. 129—132).

20 февраля 1916 года в газете «Речь» была опубликована статья А.Бенуа «Марионеточный театр». В ней была защита кукольного театра, который мог показаться широкой публике неуместным в годы войны. А.Бенуа вспоминал, что их кружок (будущий «Мир искусства») мечтал о создании кукольного театра еще в начале 1890-х годов и указывал на традиции искусства марионеток за рубежом и в народных театрах России.

Почти через десять лет, 24 декабря 1924 г., в Париже в театре «Вье Коломбье» открылся кукольный театр Ю.Л.Слонимской-Сазоновой, где работали художники Н.Милиоти и Н.Гончарова.

¹¹⁶ Открытка с видом Лазенковского Дворца — из Варшавы (29 мая):

«Отчего ничего не пишешь? Что делается у Вас? Я писал дважды. Обезжаю разные учреждения по фронту и часть книги уже написал. Где Пип? Жара здесь сильная, но в общем хорошо. О делах никто ничего не знает. Обнимаю. Кока» (ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 6914. Л. 54).

¹¹⁷ *Юсупов граф Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович* (1856—1928) — князь, генерал-адъютант. Воспитанник Пажеского корпуса. Служил в гвардейской кавалерии. Адъютант великого князя Сергея Александровича (1886—1904), командир 2-й Гвардейской дивизии (1908—1911), зачислен в Свиту Его Императорского Величества (с 1911). С мая 1915 г. — главный начальник Московского военного округа и генерал-губернатор Москвы.

¹¹⁸ Граф Ф.Ф.Сумароков-Эльстон, женившись на княжне З.Н.Юсуповой, единственной представительнице рода Юсуповых, получил право для себя и для жены, после смерти тестя, с декабря 1891 г. именоваться князьями Юсуповыми графами Сумароковыми-Эльстонами, а в дальнейшем княжеский титул и фамилию передавать только старшему в роде. Их младший сын, Феликс Феликсович, оставшись единственным наследником — после гибели на дуэли старшего брата Николая — в 1914 году получил право именоваться князем Юсуповым графом Сумароковым-Эльстоном.

Юсупова Зинаида Николаевна (1861—1939) — старшая дочь князя Н.Б.Юсупова (1827—1891). После смерти отца унаследовала дворцы в Москве,

Петербурге, знаменитое подмосковное Архангельское, обширнейшие земельные угодья (в 17 губерниях России). Ей принадлежали винокуренные, бумажные, текстильные фабрики и ряд предприятий других производств. Юсуповы являлись акционерами Русского банка, Мальцовского торгово-промышленного товарищества, Южно-Русского общества по торговле домашним скотом и др.

В доме графа Ф.Ф.Сумарокова-Эльстона (Литейный проспект, 42) с января по март 1912 г. проходила выставка «Сто лет французской живописи (1812—1912)», организованная журналом «Аполлон» и Institut Francais de S.-Petersburg. Комиссаром этой выставки был барон Н.Н.Врангель.

¹¹⁹ По свидетельству князя Ф.Ф.Юсупова, «отец не готов был управлять колоссальным матушкиным состоянием и распорядился им очень неудачно» (Юсупов Ф.Ф., кн. Мемуары. В 2-х частях. М., 1998. С. 31).

¹²⁰ *Сергей Александрович* (1857—1905) — великий князь, московский генерал-губернатор (с 1891), командующий войсками Московского военного округа (с 1896), убит эсером И.Каляевым.

¹²¹ *Оболенский Сергей Александрович* — князь, ротмистр, адъютант московского генерал-губернатора.

¹²² *Каховский Николай Всеволодович* — ротмистр, адъютант московского генерал-губернатора.

¹²³ *Лодыженский Федор Александрович* — ротмистр, адъютант московского генерал-губернатора.

¹²⁴ *Юсупов Феликс Феликсович* (1887—1967) — получил блестящее образование (Петербургский и Оксфордский университеты), в годы войны занимался на специальных курсах при Пажемском корпусе, за участие в убийстве Г.Распутина (декабрь 1916) выслан в имение Ракитное (Курская губерния). В эмиграции.

¹²⁵ *Александр Михайлович* (1866—1933) — великий князь, адмирал, генерал-адъютант. В 1886—1896 гг. служил на флоте. Содействовал развитию русской авиации. В 1914—1916 гг. командовал авиацией Южного фронта. После Февральской революции жил в Крыму. В 1918 г. эмигрировал. Жил во Франции, США, умер во Франции. Женат на великой княжне Ксении Александровне, дочери Александра III (своей двоюродной племяннице). Автор мемуаров.

Юсупова Ирина Александровна (1895—1970) — великая княжна, дочь великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, внучка императора Александра III, племянница императора Николая II. Их бракосочетание состоялось в феврале 1914 года.

¹²⁶ См.: Ротиков К.К. Другой Петербург. СПб., 2000. С. 141—148.

¹²⁷ *Юсупова Ирина Феликсовна* (1915—1983) — княжна.

¹²⁸ Хозяйка торгового дома «Л.Кноп» для того, чтобы устранить из названия фирмы немецкую фамилию, переименовали его в Товарищество «Волокно» с капиталом 20 млн. руб. Однако и этот шаг не спас их от установления правительственного контроля, в результате чего фирма резко сократила сферу своего влияния в российской промышленности (Петров Ю.А. «Московские немцы»: проблема документального наследия // Российские немцы. Историография и источниковедение. М., 1997. С. 160).

¹²⁹ 27—29 мая 1915 г. в Москве прошел погром торгово-промышленных заведений, принадлежавших германским и австрийским подданным — от действий черносотенцев пострадали десятки заведений с «немецкозвучащими» фамилиями владельцев. В частности, была разгромлена главная контора торгового дома Вогау и К^о на ул. Варварке. Нападавшие взломали несгораемые шкафы, где хранились текущие архивы фирмы и денежная наличность, разграбили склады товаров и подожгли помещение. В огне пропал и архив фирмы, а общий убыток

Вогау от погрома исчислялся суммой 2 млн. руб. (Петров Ю.А. Указ. соч. С. 160—161). См. также: Московские Ведомости. 1915. 31 мая.

По сообщению «Старых годов», подвергся «разгрому и уничтожению склад издательской фирмы Кнебель — уничтожением хранившихся на складе изданий не ограничилось несчастье, которое в таких границах было-бы чисто материальным: там же хранились и погибли материалы, рукописи, фотографии и негативы для издававшейся Кнебелем «Истории русского искусства» Игоря Грабаря» (Старые годы. 1915. Июль—август. С. 107).

¹³⁰ *Адрианов Александр Александрович* — генерал-майор Свиты Его Императорского Величества, московский градоначальник. В июне 1915 г. новым московским градоначальником был назначен генерал-майор Е.К.Климович.

¹³¹ Сказанное Н.Врангелем относится к отцу князя Ф.Ф.Юсупова — Ф.Н.Сумарокову-Эльстону.

Сумароков-Эльстон Феликс Николаевич (1820—1877) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант. После окончания Артиллерийской академии служил в конной артиллерии, был адъютантом военного министра А.И.Чернышева. С 1854 г. участвовал в военных действиях на Кавказе, исполнял обязанности помощника начальника Кавказской гренадерской дивизии (1861—1863), наказной атамана Кубанского казачьего войска (1863—1865), начальник и командующий войсками Кубанской области (1865—1868). В 1868 г. оставил военную службу по состоянию здоровья, в 1875 г. назначен командующим войсками Харьковского военного округа.

«Говорят, отец его, — писал князь Ф.Ф.Юсупов, — был прусский король Фридрих Вильгельм IV, а мать — фрейлина сестры его, императрицы Александры Федоровны. Та, поехав навестить брата, взяла с собой фрейлину (Екатерина Федоровна Тизенгаузен — А.М.). Прусский король так влюбился в сию девицу, что даже хотел жениться. Одни говорят, что он и женился морганатическим браком. Другие утверждают, что девица отказала, не желая расставаться с Государыней, но короля все же любила, и что плодом их тайной любви и был Феликс Эльстон. Тогдашние злые языки уверяли, что фамилия Эльстон — от французского «эль с'этон» (elle s'etonne — она удивляется), что, дескать, выразило чувство юной матери. До 16 лет дед мой жил в Германии, потом уехал в Россию и вступил в армию» (Юсупов Ф.Ф., кн. Указ. соч. С. 29).

¹³² Ф.Н.Эльстон женился на графине *Елене Сергеевне Сумароковой* (1829—1901), дочери графа Сергея Павловича и графини Александры Павловны (урожденной маркизы Марушцы). После свадьбы он получил право для себя и жены именоваться графами Сумароковыми-Эльстонами на основании Высочайшего разрешения, данному графу С.П.Сумарокову.

¹³³ С 1915 г. была развернута кампания «борьбы с немецким засильем», в ходе которой «московские немцы» сначала были вытеснены из представительных органов делового мира (Московский Биржевой комитет, старшинами которого состояли представители торговых домов Кнопов и Вогау), а затем над большинством «немецких» фирм установлен правительственный контроль. Роль координационного центра этой кампании играл образованный в Петрограде Особый комитет по борьбе с немецким засильем (Петров Ю.А. Указ. соч. С. 160). См. также: Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914—1918. М., 1968. С. 227—238.

«НАША ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАНИМАЕТ ПЕРВОЕ МЕСТО МЕЖДУ ВСЕМИ ПРАВОСЛАВНЫМИ ЦЕРКВАМИ»

Отчет профессора И.Е.Троицкого
о командировке на Восток. 1886 г.

2 (15) августа 2001 г. исполнилось 100 лет со дня кончины профессора Санкт-Петербургской духовной академии Ивана Егоровича Троицкого (1832—1901)¹. Он известен прежде всего как ученый-византист, автор ряда серьезных исследований по истории Византийской церкви и издатель рукописных памятников². Поэтому

¹ См.: Жукович П.Н. Памяти заслуженного профессора И.Е.Троицкого // Церковный вестник. 1901. № 32. С. 1009—1015; Мелиоранский Б.М. И.Е.Троицкий. Некролог // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ноябрь—декабрь. Ч. 338. С. 106—114; Пальмов И.С. Памяти профессора Ивана Егоровича Троицкого // Христианское чтение. 1903. Май. С. 677—701.

Жизненный путь его начинался так же, как и у большинства выходцев из низшего клира. Сын причетника села Красное Пудожского уезда Олонецкой губернии, Троицкий учился в Каргопольском духовном училище, затем в Олонецкой семинарии. По окончании курса Санкт-Петербургской духовной академии (1859 г.) он был назначен преподавателем в Олонецкую семинарию по логике, психологии, патристике и латинскому языку. Однако уже 21 июня 1861 г. он становится бакалавром Петербургской духовной академии по кафедре греческого языка, а 18 ноября 1863 г. назначается на кафедру новой общей церковной истории. С 1866 г. Троицкий — экстраординарный профессор; 27 апреля 1875 г. состоялась публичная защита его докторской диссертации («Изложение веры церкви армянская, начертанное Нерсесом, кафеликосом армянским, по требованию боголюбивого государя греков Мануила». СПб., 1875); 10 июня 1875 г. он становится ординарным профессором. После введения нового устава духовных академий (1884 г.) Троицкий занял кафедру истории и разбора западных исповеданий, где читал лекции до выхода в отставку (1899 г.). С 1874 г. он преподавал церковную историю в Санкт-Петербургском университете сначала в звании доцента, затем экстраординарного, а с 1884 г. ординарного профессора. Троицкий состоял членом Императорского Православного Палестинского общества, греческого филологического общества в Константинополе, почетным членом греческого общества «Возрождение» (Афины), почетным членом Русского археологического института в Константинополе. Учениками Троицкого были все историки церкви — выпускники Санкт-Петербургской духовной академии (В.В.Болотов, А.И.Бриллиантов, И.С.Пальмов, П.Н.Жукович, В.З.Завитневич, а по университету — его преемник по кафедре Б.М.Мелиоранский).

² См.: Летопись великого логофета Георгия Акрополиты, переведенная с греческого и снабженная весьма обстоятельным введением редактора перевода

несколько неожиданным было открыть другую сторону его занятий — изучение современной ему жизни православного Востока. Являясь редактором «Христианского чтения» и «Церковного вестника», Троицкий в течение многих лет публиковал там обзоры «Православный Восток в минувшем году», а также ряд других материалов по истории греческой церкви XIX в. Однако наиболее полно эта сторона его деятельности раскрывается при знакомстве с архивом ученого, хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 790) и в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб. Ф. 2182). Здесь казалось бы скромный и незаметный кабинетный ученый предстает перед нами как активный участник русской церковной политики на православном Востоке, ближайший советник К.П.Победоносцева в области восточной политики Св. Синода. В самом деле, Троицкий был незаменимым специалистом в этом вопросе: глубокий знаток истории восточных патриархатов и Византийской церкви, он внимательно следил за всеми событиями, происходившими на православном Востоке, выписывал греческие газеты и вел обширную переписку с корреспондентами в Константинополе и Афинах. Через руки Троицкого проходили все дипломатические депеши с Востока, касающиеся церковных дел, и можно с уверенностью сказать, что на протяжении 20 лет (с 1878 по 1898 г.) ни один шаг Синода в восточной политике не предпринимался без его совета и согласия.

Каков же был характер внешней политики Синода на Востоке в данный период? В России это время царствования Александра III и управления Церковью К.П.Победоносцевым; господствует направление консервативное, националистическое. Это время создания Императорского Православного Палестинского общества — наиболее активной деятельной силы распространения русского влияния на православном Востоке, прежде всего в Палестине. На период после русско-турецкой войны приходится расцвет русского монашества на Афоне; резко возрастает число насельников Пантелеймоновского монастыря; активно борются за свою независимость от греков монахи крупных скитов Ильинского и Андреевского.

Если на Афоне и в Палестине при мощной политической и материальной поддержке со стороны России удастся добиться значительных успехов, то в Константинополе — столице Турецкой империи и центре греческого православного мира — у Русской церкви все еще не было своего солидного духовного центра. Помимо внешних причин, здесь сказывалось и давнее соперничество российского МИД и Синода; идея учреждения духовной миссии в Константинополе в 60-е гг. встретила противодействие МИД, и духовными представителями России продолжали оставаться настоятель русской посольской церкви и афонские подворья. В 80-е гг. обсуждалась мысль об использовании проектируемого Русского археологического института в Константинополе в церковно-политических целях, однако впоследствии и она была отвергнута. Ситуация в Константинополе осложнялась тем, что русской дипломатии приходилось лавировать между Портой и Вселенским патриархатом. В 1878—1884 гг., во время правления патриарха Иоакима III, благоприятно относившегося к России и фактически признававшего равенство Русской и Вселенской церкви, Россия удавалось более или менее беспрепятственно проводить свою политику в Константинопольском патриархате. Однако с восшествием на престол Иоакима IV (1884—1886) положение резко меняется не в пользу России; греческий высший клир активно противопоставляется русскому влиянию. Особенно явной эта тенденция становится в период правления Дионисия V (1887—1891), ставленника греческой националистической партии и премьер-министра Греции Х.Трикуписа.

И.Е.Троицкого. СПб., 1863; Арсений, патриарх никейский и константинопольский, и арсениты (из истории восточной церкви в XIII веке). СПб., 1873; Автобиография Михаила Палеолога. СПб., 1883. Список трудов И.Е.Троицкого см. в некрологе И.С.Пальмова.

Все эти годы Россия продолжает поддерживать бывшего патриарха Иоакима III; уверенность в его скорейшем восстановлении на престоле неоднократно высказывают как представители российской дипломатии, так и сторонники Иоакима из греков — так называемые «иоакимисты». Во второй половине 80-х гг. российский Синод пытается завязать отношения и с другими греческими иерархами, более или менее благоприятно настроенными к России; таков был, например, Дерконский митрополит Каллиник, влиятельный член патриаршего Синода (патр. Дионисий называл его *παυδορωσσοβρονα*—лжерусскомыслящим). В годы управления церковью Неофитом VIII (1891—1894) наступает некоторая оттепель в натянутых отношениях между Русской и Вселенской церковью. Будучи лично расположенным к России, патриарх Неофит, однако, не имел возможности проводить самостоятельную политику, так как был стеснен влиятельными членами Синода.

В 80-е и 90-е гг. настоятельно встал вопрос об историко-каноническом обосновании активной русской политики на православном Востоке. С точки зрения большинства греческих иерархов, Россия не имела никаких прав претендовать на влияние на Востоке. Исходя из византийской концепции о первенстве Константинопольского (Вселенского) патриарха в православном мире, они и самую автокефальность Русской церкви принимали скрепя сердце, только потому, что не могли с ней не считаться. А считаться с могущественной северной державой они были вынуждены как из чисто политических соображений, так и из материальных: на протяжении нескольких столетий восточные патриархаты и монастыри получали щедрую помощь от России.

Иначе смотрели на этот вопрос идеологи русской церковной политики. Их точка зрения особенно отчетливо выразилась в статьях и частной переписке И.Е.Троицкого. Все существующее административное деление православного мира сформировалось как следствие государственно-политических преобразований. Если бы Константин Великий не перенес столицу в Византию, то епископ этого провинциального города так и остался бы подчиненным Ираклийскому митрополиту. Поэтому и Константинопольский патриарх не имеет никакого права претендовать на главенство в православном мире и, тем более, вмешиваться в дела других автокефальных церквей. С возвышением Русского государства его церковь стала самостоятельной и приобрела большой вес в глазах христианского мира. После завоевания всего православного Востока турками Россия осталась единственной страной, имеющей православного царя. Такой она остается и на конец XIX в., будучи при этом одной из сильнейших держав мира³. Ее призвание не только освободить восточных христиан от турецкого ига, но и вовлечь их в свою орбиту, для их же, впрочем, блага. То, что в России Церковью управляет не патриарх, а Синод, Троицкого не смущало: если бы Петр I не упразднил патриаршество, то Петербургский патриарх также стал бы владыкой православного мира. Впрочем, русское церковное устройство настолько гармонично, что ему нечего желать, его можно только демонстрировать в качестве образца для восточного православия⁴. Троицкий, одна-

³ См.: Троицкий И.Е. Нечто по поводу статьи Гражданина (№ 38) по случаю чествования памяти патриарха Фотия в Славянском благотворительном обществе 6 февраля 1891 г. // Московские ведомости. 1891. № 59 (полемика Троицкого с Т.И.Филипповым, считавшего необходимым единение Русской церкви со своей матерью — церковью Вселенской). По сути, здесь мы имеем ту же идею Москвы — третьего Рима, только с центром в Петербурге.

⁴ Подробное каноническое обоснование синодального устройства Русской церкви мы имеем в трудах товарища обер-прокурора Синода Н.Д.Жевахова, написанных уже после революции (См.: Жевахов Н.Д. Воспоминания. М., 1993. Т. 2. Ч. 3. С. 191—318). В отличие от Троицкого, другие историки Восточной

ко, сознавал, что греки никогда не уступят России первенство в христианском мире; поэтому он, подобно своим предшественникам, неоднократно настаивал на ориентации России на негреческое население Востока, арабское в Палестине и славянское на Балканах.

В этой связи уместно сказать о таком животрепещущем в то время вопросе, как Болгарская схизма. Взгляды русского общества на провозглашение самостоятельности Болгарской церкви (1870 г.) разделились. С одной стороны, грекофилы в лице Т.И.Филиппова, К.Н.Леонтьева и др. резко осуждали болгар и призывали Русскую церковь присоединиться к Вселенской в вопросе ее непризнания. С другой стороны, славянофилы (например, Н.П.Игнатъев, И.С.Аксаков) всячески поддерживали болгар. Официально российский Синод уклонился от вмешательства в этот вопрос: на призыв Константинопольского патриархата в 1872 г. присоединиться к объявлению болгар схизматиками Россия не ответила. После русско-турецкой войны ситуация изменилась. С образованием самостоятельного Болгарского княжества на первый план встал другой вопрос: о получении бератов⁵ болгарскими епископами Македонии и о помощи делу просвещения славянского православного населения этих территорий. После охлаждения отношений между Россией и Болгарией в начале 1880-х гг. отношение российского МИД к болгарским нуждам стало сдержанным; Россия предпочитала придерживаться пассивной выжидательной тактики. На деле Константинопольское посольство, особенно при А.И.Нелидове, продолжало поддерживать их и даже ходатайствовать перед Портой в деле выдачи бератов; однако теперь России приходилось не декларировать открыто свою позицию для того, чтобы сохранять хотя бы видимость добрых отношений с греческой церковью.

Троицкий, хорошо понимавший недостаточную, с канонической точки зрения, обоснованность отделения Болгарской церкви, тем не менее, считал это событие свершившимся фактом, с которым не только нельзя бороться, но необходимо использовать его для пользы России. Он далек от славянофильских идей и от горячей любви к «единоплеменным братьям». Из публикуемого ниже «Отчета» ясно видно, насколько Троицкий был незнаком и с национальным характером болгар, и с их настроениями. Более того, он склонен выражать сожаление о том, что Россия не может помешать развитию самобытной культуры и подъему национального самосознания болгарского народа, не может осуществить даже частичную русификацию болгарской культуры⁶. Будучи, однако, трезвым реалистом, он делал из создавшейся ситуации следующий вывод: автокефальность Болгарской церкви России выгодна. Дело материальной помощи православным народам Востока также следовало, на его взгляд, поставить на службу России и требовать от них ответной преданно-

---

церкви и знатоки ее современного положения считали, что России есть чему поучиться и у восточного православия (Еп. Порфирий Успенский. Книга бытия моего. Т. 7. СПб., 1901. С. 18, 31; Т. 8. СПб., 1902. С. 67—68). Это мнение разделял и настоятель посольской церкви в Константинополе архим. Иона, горячий защитник Восточной церкви против нападков на нее со стороны русской периодической печати. Он считал, что Русской церкви не только следует активнее помогать грекам на Востоке, но и многому поучиться у восточных христиан (Иона, архим. Свет с Востока. Письма архим. Ионы, настоятеля посольской церкви в Константинополе, о церковных делах православного Востока. СПб., 1903).

⁵ Берат — султанский указ, дававший право православным и армянским архиереям на управление епархиями в Османской империи.

⁶ См.: Письмо И.Е.Троицкого К.П.Победоносцеву по поводу проекта К-ского об установлении церковной зависимости южных славян от России (ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 162).

сти и благодарности, а не приучать к потребительскому отношению к русскому богатству.

«Отчет о командировке на Восток» — документ исключительно тенденциозный, односторонний, во многом несправедливый по отношению к Восточной церкви. Целью его было, очевидно, написать апологию русского церковного строя того времени. Только этим можно объяснить отсутствие положительных оценок в изображении греков и их церковной жизни. Хорошо зная отрицательные черты греческой церковной жизни, Троицкий преувеличивает их до крайности. Создается впечатление, что он, впервые, заметив, попавший на Восток, сознательно закрывает глаза на все положительные стороны церковной жизни греков. Его, византиниста, не интересуют памятники архитектуры, стенописи, иконы, даже святыни; главной целью предпринятых им экскурсий было увидеть теневые стороны как национального характера греков, так и их религиозной жизни. Даже турки, мусульмане и заведомые враги России в его глазах сильно выигрывают по сравнению с греками. При описании посещений церквей и монастырей тон повествования становится едким и саркастическим. Какой контраст представляет этот отчет в сравнении с дневниками несравненно лучше Троицкого знавших Восток знаменитых начальников Русской духовной миссии в Иерусалиме, архимандритов Порфирия Успенского и Антонина Капустина! Они также отмечают недостатки греческой церковной жизни того времени, небрежное обращение с мощами, грязь и неопрятность храмов и т.д., но пишут об этом между прочим и с глубоким сожалением, сквозь которое чувствуется их искренняя любовь к нашим единоверцам на Востоке, без различия национальностей⁷.

Вызывает удивление и отсутствие интереса Троицкого к духовной жизни Афона. Он замечает только внешнюю сторону монастырской жизни, сытый и жизнерадостный вид русских монахов, происходящий от материального благополучия обитателей; о том же, что является смыслом и целью монашеской жизни, он, кажется, вовсе забывает⁸. Не менее характерно описание его отъезда с Афона. Когда его спутники, русские купцы из провинции, выразили сожаление о том, что им не удалось увидеть подвижников, Иван Егорович замечает: «Впрочем, это дело личного вкуса». Такой скептический взгляд разделяли многие профессора духовных академий конца XIX — начала XX в. Прекрасные (с профессиональной точки зрения) ученые, зачастую блестящие лекторы, они придерживались позитивистского мировоззрения, характерного для, подавляющего большинства интеллигенции того времени. Достаточно привести такой пример. Из «Дневника» И.Е.Троицкого мы узнаем, что он не только не посещал церковь по воскресеньям, но в то время, когда шла литургия, принимал у себя на квартире коллег по Академии⁹. При этом было бы неправильно считать его атеистом; он был человеком благочестивым, православно верующим, но духовно холодным. Именно эта холодность в вопросах веры и

⁷ См.: Еп. Порфирий Успенский. Книга бытия моего. СПб., 1895. Т. 2. С. 65 (описание посещения церкви Св. Георгия в Газе и поклонения мощам Св. Порфирия Газского).

⁸ И.Е.Троицкий, однако, не всегда придерживался такого взгляда; для него духовное состояние русского монастыря на Афоне стояло все-таки на первом месте. Об этом свидетельствует его записка К.П.Победоносцеву от 7 января 1891 г. В ней он сетует на засилье в Пантелеймоновском монастыре людей с чисто практической хваткой, чуждых истинно монашеского духа: «Очень будет жаль, если прекрасное создание оо. Иеронима и Макария будет испорчено стоящими ныне во главе его промышленниками и торгашами» (ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 164. Л. 3).

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 1—13.

личный пример профессоров конца XIX в. в младшем поколении семинаристов и академистов дали плод активного безбожия; вспомним, что в начале XX в. лишь незначительная часть выпускников духовных академий выбирали путь священства.

Искренне считая устройство Русской церкви оптимальным и безупречным, а положение России очень прочным, Троицкий оказался плохим пророком. Всего через 15—20 лет после написания «Отчета» в русской церковной жизни начинаются коренные перемены. Горько читать и его «прогнозы» насчет будущего Русской церкви вообще и Пантелеймоновского монастыря в частности, который, на его взгляд, должен был сохранять свое цветущее состояние независимо от внешних обстоятельств. Впрочем, ошибаясь насчет конкретного, осязаемого будущего православия в России, Троицкий дал верную оценку духовного состояния русского народа, сравнивая его с молодым человеком, исполненным сил. Не будь он таким, не выдержать бы ему испытаний, уготованных в XX веке...

Подводя итог сказанному, следует сказать, что И.Е.Троицкий, несмотря на все его заблуждения и крайности взглядов, был искренним и бескорыстным патриотом, для которого интересы России на православном Востоке стояли превыше всего. Ради служения России он пренебрегал всем: и научными занятиями, и хорошими отношениями с влиятельными лицами. При этом он продолжал оставаться человеком робким и стеснительным, не любил парадных визитов и обедов и предпочитал вести замкнутый образ жизни между своей квартирой по адресу «Пески, угол Слоновой» и Академией.

«Отчет» печатается по автографу, хранящемуся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (Ф. 2182. Оп. 1. Д. 146), в конверте с надписью рукой И.Е.Троицкого: «Отчет о командировке на Восток в августе 1886 г.». Черновик отчета написан на линованной тетрадной бумаге и состоит из двух подшивок, сделанных автором. Размеры: 17.5x21.5 см (л. 1—10); 17.5x22.0 см (л. 11—43). Листы расположены не в порядке следования текста. Правильный порядок следующий: Л. 26—34; 14—16; 23—25; 17—22; 35—37; 11—13; 38—43; 1—10. Листы 11—43 исписаны с обеих сторон, листы 1—10 — только с одной стороны, причем текст расположен в первом случае вдоль листа, а во втором поперек. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук Л.А.ГЕРД.

И.Е.Троицкий

Отчет о командировке на Восток в августе 1886 г.^а

В[аше] В[ысокопревосходительство]^б

Прежде всего позвольте принести В.В. глубокую сердечную признательность и благодарность за доставление мне способов предпринять поездку на Восток, давно составляющую предмет моих желаний, и затем повергнуть на Ваше благосклонное воззрение мои впечатления и наблюдения на Востоке.

В Константинополь я прибыл 11 августа и первое, что ожидало меня здесь, было известие об отмене съезда, на который я был командирован¹. Причину этой отмены объясняли там различно. По уверению одних, турецкое правительство наложило свое veto на съезд потому, что

^а Заголовок документа.

^б Обращение к К.П.Победоносцеву.

распорядители съезда не испросили предварительно его разрешения на открытие, а обратились к нему за этим разрешением лишь тогда, когда стали съезжаться иностранные делегаты: правительство обиделось на то, что они распорядились без хозяина и отменило съезд. По уверению других, правительство, получило веские доказательства того, что Силлогос^а, устроивший съезд, вел через свои филиальные отделения весьма деятельную политическую пропаганду в Македонии в интересе Греческого королевства и самим съездом хотел воспользоваться для успехов этой пропаганды. На эту причину отмены съезда указывал нам тогдашний председатель Силлогоса доктор Валиадес, энергически в то же время отрицавший точность сведений правительства на этот счет. Третьи (некоторые члены нашей русской колонии в Константинополе) уверяли, что греки, вообще народ очень скупой, испугались издержек на прием иностранных гостей и нарочно повели дело таким образом, чтобы вызвать означенную меру правительства. Но эти, кажется, уже слишком далеко зашли в своем пенализме насчет греков. Впрочем, на Востоке самое невероятное с нашей точки зрения объяснение часто оказывается самым вероятным.

Как бы, впрочем, ни было, по той или по другой причине, но съезд был отменен и по точному смыслу моей командировки мое пребывание в Константинополе теряло *raison d'être*^б. Но так как я уже приехал в Константинополь, то и решился провести в нем несколько дней, чтобы собрать кое-какие сведения о современном положении церковных дел на Востоке, в предположении, что эти сведения могут интересовать Синод не менее научных результатов несостоявшегося съезда.

Так как я был в Константинополе в первый раз и совершенно был незнаком с местными отношениями, то и поставлен был в необходимость собирать предварительные сведения в местной русской колонии и для этого знакомиться с ее представителями. Радужное гостеприимство, предложенное мне почтенным настоятелем нашей посольской церкви о. архимандритом Арсением на все время моего пребывания в Константинополе, облегчило мне это знакомство и помогло мне заручиться нужными сведениями. Он жил в это время в летнем помещении нашего посольства в Буюк-дере на европейском берегу Босфора, где жили вместе с послом и все члены посольства и консульства. Я начал с визита г[осподину] послу², который принял меня весьма любезно, сообщивши мне с первых же слов, что им получена шифрованная депеша о моей командировке и что он, не зная о моем прибытии, сегодня утром телеграфировал МИД о задержке меня в Петербурге по случаю отмены съезда. Впрочем, прибавил он, эта отмена еще не окончательная. Греки через лейб-медика султана Маврогени пашу хлопочут при дворе об отмене этой отмены и, может быть, их усилия увенчаются успехом. Это здесь бывает нередко: сегодня что-либо решительно запрещается, а завтра то же самое и столь же решительно разрешается, и наоборот. Во

---

^а Общество (греч.).

^б Право на существование, смысл (фр.).

всяком случае окончательного решения остается ждать недолго, оно должно состояться на днях. «Поживите несколько дней, познакомим с Константинополем». Я отвечал, что будет ли разрешен съезд или не будет, во всяком случае я останусь здесь на несколько времени для проверки и пополнения моего книжного знакомства с городом, игравшим такую важную роль во всемирной истории вообще и в истории России в частности, и особенно с местными представителями церкви, ее положением и порядками, и попросил содействия его превосходительства к облегчению мне этого знакомства. Г[осподин] посол охотно обещал мне это содействие и тут же сообщил мне несколько интересных сведений о тогдашнем патриархе Иоакиме IV и бывшем патриархе Иоакиме III³. Ближайшим поводом к разговору об Иоакиме IV послужили мои мнения о полемике его в сербском церковном вопросе, высказанные мною по желанию В.В. и сообщенные послу МИД Г[осподин] посол сделал попытку оправдать патриарха в деле признания Мравовича⁴ опасением, что иначе Сербское правительство вынуждено было бы обратиться к Ангеличу и поставить свою церковь в зависимость от Австрии. Но мне немного стоило труда разоблачить неосновательность этих опасений, и г[осподин] посол не настаивал на них доле. Не мог я также согласиться с г[осподином] послом и относительно попыток возобновления Иоакимом IV канонических сношений с Карловицким патриархом. Дело, впрочем, ограничилось с моей стороны простым заявлением несогласия, без разъяснения оснований. Г[осподин] посол приписывал возобновление этих сношений своим советам и видел в этом свою заслугу. Я, не отрицая первого, не видел последней. Почему? Это будет разъяснено ниже. Речь свою об Иоакиме IV посол заключил признанием, что он ошибся в этом патриархе.

Поводом к разговору об Иоакиме III послужило выраженное мною намерение представиться бывшему патриарху, намерение, которое я счел нужным предварительно сообщить послу. Посол вполне одобрил оное и поручил мне испросить для него благословение у патриарха, прибавив, что «давно и неоднократно сделал бы это лично; но боюсь, что мои посещения будут истолкованы во вред патриарху...». В объяснение последних слов посол сказал, что за сношениями Иоакима III с русским посольством шпионят его враги. При этом Г[осподин] Посол сделал самый лестный отзыв об уме, характере и образовании патриарха. Самое удаление его от престола он объяснял его характером. По его словам, все его уважали, и духовные, и светские члены, и Синода, и смешанного совета, и стоило лишь ему явиться лично в их собрание, как они желали и объясниться по возникшему между ним и большинством пререканию, и оно было бы улажено. Но он этого не захотел, а сказал депутации, явившейся просить его на собрание: «Я убежден в своей правоте, а вы делайте, что хотите». Основную черту характера Иоакима III составляют, по словам посла, «сознание своего достоинства, гордость, но не в обыкновенном смысле этого слова, а с тем оттенком, который заключается во французском слове *orgueil*»^а.

---

^а Гордость, слава (фр.).

После я узнал от одного из чиновников посольства, что в этом упорстве поддерживало патриарха наше посольство и что самое мнение его по спорному между ним и большинством вопросу было составлено при участии посольства, что и было главной причиной недовольства и раздражения против него большинства. Так представлялось дело и в греческих газетах того времени. Сам же патриарх в разговоре со мною по этому предмету ничего не упоминает об участии посольства в его деле, а дал объяснение, в сущности, согласное с объяснением посла.

Свой панегирик Иоакиму III г[осподин] посол кончил предположением, что он, несомненно, снова будет избран в патриархи, только не на первую открывшуюся вакансию, а попозже, когда окончательно успокоятся страсти, вызванные его отречением. На этом мой первый визит к г[осподину] послу и кончился. На прощанье он выразил надежду, что я проживу в Константинополе дольше, чем предполагаю, и что он будет иметь удовольствие часто встречаться со мною. Свою любезность ко мне А. И. Нелидов простер до того, что чрез 2 дня лично отдал мне визит в моем помещении, в квартире о. архим. Арсения и предложил к моим услугам своего драгомана и каваса на случай поездок в Константинополь. Я поблагодарил, но не воспользовался этим любезным предложением, так как в лице своего Константинопольского корреспондента имел такого чичероне, который делал излишним всех остальных⁵.

От других членов — и снова и между прочим от своего любезного хозяина — я запасаю сведениями по другим занимавшим меня вопросам. Меня интересовал прежде всего общий вопрос о характере народностей, обитавших в Константинополе и об отношении к нам наших единоверцев. На первый вопрос я получил неожиданный ответ. Все отдавали решительное предпочтение туркам пред всеми христианскими народностями Константинополя. «Если вздумаете что-либо покупать, — говорили мне все в один голос, — то обращайтесь к турецким купцам, они торгуют добросовестно и без запроса, а христианские купцы непременно вас надуют». Хотя мне не пришлось проверить это предостережение на практике, так как я в Константинополе ничего кроме книг не покупал, но в превосходстве национального характера турок пред нашими единоверцами мне не раз приходилось убеждаться по другим поводам.

Из единоверных нам народностей наименее лестные отзывы пришлось слышать о греках. «Чтобы узнать, что такое греки, нужно с ними пожить», — говорили мне почти все русские. Греки, по отзыву нашей колонии, составляют самую испорченную стихию в Константинополе. «Не бойтесь турок, они не сделают вам никакого вреда, а бойтесь греков, — они на все способны», — постоянно предостерегали меня мои земляки. Рассказам о мошенничествах и даже злодеяниях греков конца не было. Все случаи грабежей, убийств, поджогов, печатавшихся в газетах в дневнике приключений, приписывались им. Особенно дружны были отзывы о лживости греков: «Они так изолгались, что ни одному слову их нельзя верить», — говорили мне все, с кем только приходилось

мне заговаривать об этой особенности греческого характера. По словам русских, весь смысл жизни современных константинопольских греков сводится к наживе во что бы то ни стало *per fas et nefas*^а.

Менее резко отзывы о болгарях. Их национальные черты являются в сознании русских в каких-то неопределенных очертаниях. По-видимому, преобладающей чертой их характера служит скрытность. Нет у них ни особых добродетелей, ни каких-либо бросающихся в глаза пороков; по крайней мере ни о тех, ни о других ничего не удалось мне узнать, несмотря на все расспросы. Хвалили их трудолюбие, бережливость, доходящую до скупости, но жаловались на их замкнутость и необщительность. Вообще же болгары менее известны русским, чем греки. Те болгары, которых я видел в Хиландарском монастыре на Афоне, поразили меня своим сходством с нашими малороссами. Они высматривали^б большими флегматиками.

Несмотря на разность в национальных характерах, в своих отношениях к России те и другие, и греки, и болгары, придерживаются одной и той же политики: «Брать с нее все, что можно, и не давать ей взамен ничего». Демонстрировать это положение примерами из истории отношений к нам греков было бы излишне. Кто этого не знает? А что и болгары придерживаются той же политики, по крайней мере в духовной сфере, это видно, между прочим, из следующего случая, сообщенного мне о. архим. Арсением. Посетивши болгарскую экзархию по прибытии своем в Константинополь, о. Арсений пожелал посмотреть экзарший собор^б. Протосинкелл экзарха охотно вызвался удовлетворить этому желанию. Убожество и грязь, встреченные о. архимандритом в кафедральном соборе экзарха, не удивили его, — к этому он успел уже присмотреться в греческих церквях, — его поразило невообразимое убожество ризницы, не виданное им в самых бедных храмах России. На вопрос его: «Неужели экзарх служит в таких ризах?» получен был ответ: «Да, — других риз у нас нет». «Почему же вы их не заведете, разве не на что?» — спросил гость. «Не то, чтобы не на что, — отвечал о. протосинкелл, — но мы надеемся, что нам ризы пришлют из России». Озадаченный цинизмом такого ответа, наш о. архимандрит сказал своему чичероне: «У России своих нужд много, вы хоть бы пожалели ее, — тем более, что сами же говорите, что у вас деньги есть на ризы; зачем же вам ждать из России, заведите их сами». Но его собеседник был неумолимо последователен в своей своеобразной логике, — он с жаром стал доказывать, что «Россия богата, что это ей ничего не стоит, что посылает же она церковные облачения грекам, — отчего же не прислать и нам, — мы не хуже греков; а деньги нам пригодятся на другое и пр. и пр. и пр». Ввиду таких рассуждений, грубого эгоизма которых, по-видимому, вовсе не понимал наш своеобразный братушка, о. архимандриту оставалось лишь пожать плечами и замолчать.

^а Всеми правдами и неправдами (лат.).

^б Так в тексте.

Вот плоды нашего многовекового печалования о наших страждущих братьях на Востоке, дарового кормления, одевания и обувания их. Мы привили к ним лишь попрошайничество, но не привили ни уважения, ни признательности к нам.

Заручившись сведениями о национальном характере наших единоверцев и об их отношениях к нам, я стал собирать сведения об их церковных порядках. Административные их порядки мне известны отчасти из книг, отчасти я познакомился с ними впоследствии из разговора с Иоакимом III. У своих земляков я собирал сведения главным образом о богослужебных порядках. Печальную картину развернули они передо мной. По их словам, греческие богословские порядки правильнее называть греческими богослужебными беспорядками. Они характеризуются, с одной стороны, искажением церковных чинопоследований произвольными сокращениями, с другой, небрежным отношением к богослужению: литургию, например, совершают без часов. Ведут себя и служащие, и молящиеся возмутительно, — ходят с места на место, громко разговаривают, становятся спиной к образам. Служащие шумят, ругаются, иногда даже дерутся в самом алтаре. Особенно грубо и неприлично ведут себя при богослужении архиереи, которые вместо благословений щедро расточают направо и налево между сослужащими самые грубые и даже неприличные ругательства и толчки.

В доказательство крайнего расстройтва церковных порядков и упадка церковной дисциплины привели лишь два факта: а) греческое духовенство ходят по домам богатых прихожан говельщиков и дают им разрешение от грехов за 4 и за 5 дней до причащения и б) многие причащаются и без говения, и без исповеди. Последнее сделалось известным нашим духовным лицам по следующему характерному случаю. В великом посту 1884 г. и. о. архимандрита иеромонах Арсений, приобщавший русских говельщиков в русской больничной церкви, заметил между ними грека, который подошел вместе с другими к причащению, но который не был у него на исповеди. Это обстоятельство заставило о. Арсения спросить неожиданного причастника, у кого он исповедовался? Тот прямо отвечал ему: «Ни у кого». На вопрос о том, почему же он пришел причащаться, был ответ: «Я случайно шел мимо вашей церкви, заглянувши в нее, увидал, что в ней причащаются и зашел причаститься вместе с другими». «Но как же ты хочешь причаститься без всякого приготовления и даже без исповеди?» — «У нас вообще так делается, — отвечал он, — и я думал, что и у вас так же». Конечно, ему в причащении было отказано, и он вышел из церкви с громкими ругательствами.

Справедливость сведений о крайнем упадке церковной дисциплины, полученных мною от духовных членов нашей миссии, подтвердил мне впоследствии наш военный агент при посольстве генерал Филиппов⁷, ехавший со мною на пароходе из Константинополя в Одессу на обратном пути моем с Востока. Между прочим он сообщил мне, что раз в какой-то большой праздник, когда бывший патриарх Иоаким III служил в своей церкви со всеми членами Синода в присутствии всех слов православных держав, певчие на клиросе во время молебна держа-

ли себя так неприлично, что патриарх вынужден был пригрозить им крестом, который держал в руках. О безобразиях при богослужениях в провинциальных городах и особенно в захолустьях и говорить нечего. Существование этих безобразий признал и сам Иоаким III в беседе со мною.

Собравши эти и другие сведения от лиц, заслуживающих полного доверия, я решился, насколько окажется возможным, проверить и пополнить их сам путем личных наблюдений. Рассказов о небрежном совершении богослужения священнослужителями и о неприличном поведении молящихся мне не удалось проверить самому, так как обедни служатся на Востоке вслед за утреней, минуя часы, и по рану и по скору, и я, живущий в Буюк-дере, за 15 верст от города, не мог успеть ни к одной службе, но то, что я видел в храмах вне богослужения, убеждает меня в полной справедливости этих рассказов.

Я начал свой обзор с патриаршей церкви. Это, бесспорно, лучшая церковь в Константинополе, не очень обширная, но очень приличная и содержится опрятно. Но и в ней мне и моим спутникам первым делом предложили книгу для записи имен для поминовения за известный вклад. Во всех же остальных, виденных мною церквах, после пыли и грязи, толстыми слоями покрывающей все, поражает масса тарелок, расставленных на табуретах по всем направлениям, по которым может двигаться богомолец.

Instar omnium^a опишу свое посещение Влахернского храма⁸. Нас было шесть человек — о. архим. Геннадий, настоятель нашей посольской церкви в Афинах, проф. Новороссийского университета А.А.Кочубинский⁹, два саратовских купца, я и наш общий чичероне г. Беглери. Из довольно просторного притвора в самый храм (очень скромных размеров) ведет довольно длинный проход, по обеим сторонам уставленный тарелками на табуретах и замыкающийся справа и слева перилами, идущими вдоль боковой стены храма, так что приходилось проходить между этими тарелками точно сквозь строй. Мы прошли, однако, благополучно, игнорируя алчные гостеприимные тарелки, осмотрели храм, приложились к местным святыням, напились воды из священного источника, вписали свои имена в книгу, заплатили за все это приличную контрибуцию и собирались уже выходить из церкви, — в это время стоявший близ узкого прохода послушник, уже пожилой человек — лет под 60 — но громадного роста и атлетического сложения, схвативши с ближайшего табурета самую большую тарелку, встал в устье прохода и, отставивши вперед правую ногу и откинувши назад голову с шевелюрой Авессалома¹⁰, произнес густым басом: Δότε!⁶ Эта картина невольно напонила мне один стих Державина¹¹ из оды на переход Суворова¹² через Альпы:

И се гигант пред ним восстал в пути,
Главой небес, ногами ада касаяся, претит идти.

^a Наподобие всего, вместо всего остального (лат.).

⁶ Дайте, подайте (греч.).

Прокладывать себе дорогу силой было немислимо, оставалось снова вынимать портмоне и покупать себе пропуск последними сребренниками, оставшимися от уплаты контрибуции. И исполнились на нас слова Спасителя, сказанные о другом учреждении: не изыдеши оттуду, дондеже воздашь последний кодрант.

Вообще в Константинополе шагу нельзя ступить без денег: в церквах преследуют вас тарелки, книги и послушники, в мечетях муллы, во дворцах чиновники, на улицах нищие и мальчики с предложением своих услуг. Но о последних двух категориях речь будет ниже.

Свидетелем возмутительного обращения с святыней храмов я был свидетелем в главном храме Протата на Афоне¹³. Главное украшение этого храма, как и всех храмов на Востоке, составляют тарелки на неизбежных табуретах, расставленных везде, где только можно. В окончание обзора храма я и мои спутники попросили позволения приложиться ко св. мощам, хранившимся в храме. Просьба наша была исполнена. Нас ввели в алтарь левого придела, где они хранились, и монах, показывавший нам храм, стал расставлять на длинном столе серебряные ковчег с мощами. Первою оказалась глава, не помню какого святого (собственно череп), вправленная в серебряную чашу так, что верхняя часть ее (темя) совершенно открыта. Оказалось, что она покрыта толстым слоем пыли и вследствие этого неудобна для целования. Но наш руководитель нашелся: ничтоже сумняся за совесть, он стер пыль с черепа рукавом своего подрясника с такою же свободою и непринужденностью, с какой в жаркие дни вытирают обыкновенно пот на челе. Ту же операцию проделал он и с остальными ковчегами, с тем только различием, что последние вытирал уже не рукавом, который оказался после двух—трех вытираний запыленным до последней степени, а подолом своего подрясника... Мы приложились, конечно, но вышли из храма крайне возмущенные этим безобразием^a. Г.Филиппов рассказал мне много случаев подобного же обращения с св. мощами, которых он был свидетелем во время своего путешествия по Малой Азии и греческим островам.

К особенностям греческих храмов относится и то, что в них мало встречается икон в окладах. Это — или старинные, оставшиеся от древних времен, или присланные из России. Мне передавали за достоверное, что греки в последнее время (думаю, что и раньше это делалось) стали срывать с евангелий и икон, присылаемых из России, дорогие серебряные и золотые оклады, обращать в лом и продавать, а книги и иконы забрасывать в подвалы и на чердаки, или просто сжигать. Мотивируется это святотатство опасениями отнятия дорогих окладов турками. Вообще именем турок здесь прикрывается масса безобразий, имеющих свой источник исключительно *in varitia mala fidei graecorum*^b. Из этого сообщения я вывел такое нравоучение: не пора ли нам совершенно прекратить отpravку на Восток евангелий и икон в дорогих ок-

---

^a Далее И.Е.Троицким зачеркнуто: «Какую резкую противоположность представляет обращение с св. мощами в русских монастырях на том же Афоне!»

^b В различных дурных проявлениях веры греков (лат.).

ладах или, по крайней мере, заменить серебряные оклады мельхиоровыми. Авось об них сломают свои зубы греческая жадность!

Собирая специально сведения из духовной сферы, я ловил характерные случаи и из сферы обыкновенной будничной жизни. Некоторые из этих случаев я позволяю себе внести в свой отчет в виде комментария к отзывам о характере разных народностей, слышанным мною от моих земляков. По выходе из Влахернского храма, мы отправились в мечеть Джамие (бывшая церковь монастыря, называвшегося Хора¹⁴), где сохранилась великолепная мозаика из византийской эпохи. Несколько греческих мальчиков, игравших на пустыре перед мечетью, сейчас же бросились разыскивать сторожа, чтобы он отпер нам двери, и когда мы, осмотревши мечеть, вышли и стали усаживаться в экипаж, они обступили нас с требованием бакшиша за услугу, нам оказанную. О. Геннадий, бывший нашим казначеем, стал оделять их всех мелкими серебряными монетами. Все охотно брали; но один мальчик отказался от своей доли. Оказалось, что он турчонок и находил, что ему не за что брать деньги. Как ни навязывал ему о. Геннадий монету, он отошел в сторону и не хотел брать ни за что. Товарищи подхватили его под руки и силой привели к коляске, из которой о. Геннадий раздавал им мзду, убеждали его всячески взять предлагаемые деньги и передать им, если ему самому они не нужны. Ничто не помогло, мальчик наотрез отказался от своей доли. Любопытно было наблюдать его в эту минуту. Глазенки его горели на блестящую монетку, ему, очевидно, хотелось ее получить, но какое-то другое чувство запрещало ему это, и он выдержал характер. На вид ему не больше 10 или 11 лет. Зато один из греческих мальчиков, красивый краснощекий брюнет лет 13, раньше всех получивший свою долю, отбежал в сторону, взял горсть земли (желтого суглинка), натер себе лицо, забежал с другой стороны коляски и снова потребовал свою долю. Когда ему сказали, что он уже получил ее, он стал пренахально утверждать, что то был другой, то был розовый мальчик, а он бледный. Но проделка его все-таки не удалась.

Эту своего рода *orgueil* я в тот же день имел случай наблюдать в целой толпе турецких мальчиков при обозрении т[ак] н[азываемого] музея янычар¹⁵. Музей этот помещается на заднем дворе одной из турецких казарм в Стамбуле. Тут же помещается и военное училище. Когда мы проходили в музей, классы кончились, и мальчишки играли на дворах. Их было до 60 в возрасте от 8 до 15 лет. Нам приходилось проходить мимо, а отчасти сквозь их толпу. Во всяком другом месте дети такого возраста обступили бы иностранцев со всех сторон и стали бы их рассматривать во все глаза. Ничего подобного тут не случилось: бывшие на дороге, не торопясь, отошли в сторону, чтобы очистить нам путь, остальные остались на своих местах, не сделавши ни одного шагу с целью приблизиться к нам и, посмотревши на нас несколько мгновений, снова принялись за свои игры. Я внимательно всматривался в их физиономии: все они были довольно бледны, но с тонкими очертаниями и симпатичным выражением. На многих лежал отпечаток задумчивости и серьезности не по летам. Самые игры их имели какой-то степенный ха-

рактер: не было ни шуму, ни резвости, ни увлечения. Когда мы проходили назад, они не обращали уже на нас никакого внимания.

А вот две картинки из жизни и нравов греческого пролетариата, составляющего главный контингент константинопольского пролетариата вообще. Особенно характерную часть его составляют уличные мальчишки и девчонки и особенно последние. Они попадаются везде и всюду, но особенно излюбленным местом их операций служит большой мост, соединяющий Перу и Галату со Стамбулом. Едва успеете вы сделать два шага по мосту (с того или другого конца безразлично), как на вас налетает эта саранча в количестве от 10 до 15 человек, начинает канючить, хватать за платье, на все лады тормозит и не отстают до тех пор, пока вы не дадите ей *quelque de l'argent*^a (так они и просят, предполагая, вероятно, что иностранцы лучше знают французский, чем греческий язык). Мы обыкновенно откупались от них в самом же начале несколькими монетами. Но раз, когда мы с о. Арсением вдвоем возвращались из Пантелеймоновского подворья (в Галате) в Буюк-дере и спешили на пароходную пристань, помещающуюся близ середины большого моста, мне пришла фантазия сделать опыт с этими нищенками, и я сказал своему спутнику: «Не буду давать им денег, посмотрим, что из них будет». Сказано, сделано. Едва мы вступили на мост, как нас окружила со всех сторон стая девчонок и принялась преследовать своим канючением. Но мы решились выполнить свою программу до конца и шли спокойно, не обращая на них никакого внимания. Некоторые из них после 50 и 60 шагов отстали; но более назойливые в количестве 7 или 8 упорно преследовали нас, называя «милыми, добрыми старичками» (φίλοι καλόηθοι) и другими ласкательными именами, но когда поняли, что мы твердо решились не давать им ничего, вдруг переменили тон и стали осыпать нас ругательствами — *διάβολοι, κατάρατοι, ανάθεμα*^b и пр., но в это время мы подошли уже к пристани, и наши ругательницы оставили нас и побежали назад.

Но наши испытания не кончились. На пароходе ожидала нас другая сцена. Так как было уже 7 часов вечера и довольно сильный ветер, притом моему спутнику в его костюме неудобно было смешиваться с толпой, то мы взяли отдельную каюту. Но едва лишь мы поместились в ней, как отворилась дверь, и на пороге ее показался грек кафеджи (род буфетчика, продающий кофе по-турецки и холодную воду) с предложением своих услуг. Мы отказались и думали, что этим дело и кончилось; между тем оно только что начиналось. Через минуту дверь снова отворилась, и кафеджи снова появился с предложением тех же услуг. Когда мы снова отказались, он стал читать нам нотацию: «Не стыдно ли вам, богатые вы люди, заняли вы отдельную каюту, а не хотите поддержать на несколько грошей бедного кафеджи, который содержит старуху мать и большое хозяйство...». Тщетно пытались мы разяснить ему, что не из скупости мы не поддерживаем его коммерцию, а потому что сейчас пи-

^a Немного денег (фр.).

^b Дьяволы, проклятые, анафема (греч.).

ли кофе и не хотим больше, он ничего не хотел знать и продолжал далее свою рацею. А когда я, наскучивши его слушать, попросил его оставить нас в покое, он направил на меня такой бурный поток площадного красноречия, что я принужден был уйти на палубу, с риском простудиться, лишь бы избавиться от неукротимого нахала (*Orlando furioso sui generis*^a).

Опознавшись несколько в своем новом положении, я решился, наконец, перенести свои наблюдения в высшие церковные сферы и с этой целью представиться некоторым греческим владыкам. Раньше я этого не сделал, потому что мне предварительно хотелось стать potvr-же на фактическую почву, собрать побольше фактического материала на случай разговоров с ними о церковных делах.

И долг, и приличие требовали, чтобы я начал свои визиты с тогдашнего вселенского патриарха Иоакима IV. Но так как характер и принципы этого патриарха, равно как и его коварная политика относительно России были для меня совершенно ясны и не внушали мне никакого к нему уважения, то я и решился уклониться от этого визита, чтобы не ставить ни его, ни себя в ложное положение. На заведомую ложь и обман я не хотел идти. Случай помог мне: во-1-х, патриарх был в это время очень болен, жил на о. Халки и лишь изредка приезжал на своем пароходе в патриархию и, проведя в ней час или два, возвращался снова на остров; во-2-х, в это же время, как нарочно, возобновилась газетная травля против него по известному делу кн. Горчакова¹⁶. Поводом к возобновлению ее послужила нескромность его великого протосинкела, арх. Гавриила, который как-то проболтался, что получен от Св. Росийского Синода протест по этому делу, но что патриарх не докладывает его своему Синоду¹⁷, а подготавливает ответ вдвоем с великим логофетом¹⁸. Узнавши об этой нескромности своего протосинкела, патриарх взбесился, в неурочный час приехал в патриархию и, не созывая Синода, немедленно отобрал все дела у великого протосинкела, передал их великому архимандриту, а самого его выгнал из квартиры, занимаемой им в зданиях патриархии. Этот инцидент и напомнил грекам о деле, которое они стали было забывать, и напомнил им с той стороны, с которой они прежде на него не смотрели и, по-видимому, даже и не подозревали. Слухи о протесте нашего Св. Синода по этому делу их испугали. Перспектива пререканий с Св. Синодом из-за этого дела и охлаждения отношений к России вовсе им не улыбалась. Они оказались храбрыми до тех пор, пока не видели для себя никакой опасности. А чуть эта опасность, стала обрисовываться, хотя и в неясных чертах, дружно забили тревогу и прежде всего набросились на патриарха, как виновника этой опасности, и набросились с таким азартом, к которому способны только греки. Газетные нападки до того раздражали патриарха, что он, наконец, запретил вносить в свой кабинет даже *Νεολόγος*¹⁹, единственную газету, которая его защищала, но которой поневоле в целях защиты приходилось делать выдержки из враждебных ему газет.

^a В своем роде неистовый Орланд (лат.).

Соображая это, я находил, что мое появление, при таких обстоятельствах, не могло быть приятно патриарху, и окончательно утвердился в решимости не беспокоить его своим визитом.

Я начал свои визиты греческим святителям с митрополита Дерконского Каллиника²⁰, ближайшего соседа летней резиденции нашего посольства. Его митрополия находится в Терапии, лежащей на том же берегу Босфора в 3-х верстах от Буюк-дере. Я отправился к нему вместе с моим любимым хозяином, который хорошо знаком с митрополитом и который вызвался быть мне переводчиком.

Здание митрополии, невзрачное снаружи, оказалось очень прилично и даже эффектно обставлено внутри. Мы поднялись по мраморной лестнице, покрытой ковром, во второй этаж и очутились в просторном вестибюле с тремя настезь открытыми дверями в три различные комнаты. Нам указали дверь налево, и мы очутились в обширной комнате, освещенной окнами с двух сторон, уставленной и турецкой, и европейской мебелью разных фасонов, украшенной по стенам видами церквей и монастырей, портретами разных святителей, и в числе их портретом патриарха Иоакима IV в мантии, усеянный сверху донизу двуглавыми византийскими орлами и устланной по всему полу ковром. Эта комната оказалась архондариком (парадной гостиной). Едва мы заняли указанные нам места в креслах у одного из круглых столов, помещавшихся в переднем углу, как появился сам хозяин, еще из дверей комнаты приветствовавший нас громогласным καλωσ ορίσθε (добро пожаловать!). Это был красивый брюнет, росту выше среднего, на вид лет 45, розовый, улыбающийся, цветущий здоровьем. С первого взгляда он производил впечатление bon-vivant-a^a, каковым и оказался. С моим спутником он поздоровался как с старым знакомым, радушно приветствовал и меня. Явилось неизбежное на Востоке веров улюко (варенье с холодной водой). Оказалось, что радушный хозяин знает немножко славянски, так как управлял раньше несколькими славянскими и полуславянскими епархиями и между прочим Солунской. Радушный хозяин усердно поддерживал разговор; но, к сожалению, гости оказались ниже потребностей минуты (я по недостатку практики, а о. архимандрит отчасти по недостатку дара слова, отчасти потому, что не успел еще достаточно овладеть разговорным греческим языком), не могли поспевать за словоохотливым и словообильным хозяином, так что он вынужден был по временам прибегать к славянскому языку, который, к слову сказать, ломал немилосердно, чем отчасти оправдал нас в собственных глазах за плохое знание греческого. При таких условиях, конечно, нельзя было заводить речь о материях важных, и разговор поневоле должен был вращаться на пустяках. После, впрочем, выяснилось, что и нельзя было перевести его на важные материи, так как владыка Дерконский не чувствует к ним никакого расположения.

На прощанье Его Преосвященство извинился передо мною, что не может отдать визита немедленно, так как собирается ехать в город

---

^a Любителя хорошо пожить (фр.).

(Константинополь), куда он приглашен служить на праздник (Успение, накануне которого я был с визитом у митрополита), пробудет и воскресенье (Успение приходилось тогда в пятницу) и вернется лишь в понедельник. Я, конечно, просил Его Преосвященство не стесняться этой формальностью и не считать себя должником передо мною. Тем не менее, митрополит действительно отдал мне визит во вторник в сопровождении своего диакона, которого, однако, он оставил в сенях. И в гостях он держал себя так же непринужденно, как и у себя дома. Усевшись на диван, вытащил из кармана портсигар, вынул папироску, закурил ее и курил во все время своего визита. Но на этот раз я подготовил Его Преосвященству маленькое испытание. Дня за два перед тем стали появляться в греческих газетах статьи по инциденту с патриаршим протоиереем, и я попросил о. Арсения спросить Преосвященного, насколько газетные толки об этом деле справедливы. На этот вопрос Преосвященный отвечал, что «он ничего не знает, так как давно не был в Константинополе», — забывши, что он только накануне возвратился из Константинополя. После такого ответа, конечно, уже отпала всякая охота предлагать вопросы дальше.

Несколько позже мне сообщено было еще несколько сведений о Преосвященном Каллинике. Мой постоянный корреспондент в Константинополе оказался старостой его митрополичьей церкви и отлично его знает. Он-то и сообщил мне эти сведения. По его словам, Преосвященный Каллиник редко служит, ничего не читает, епархиальными делами не занимается. «Что же он делает?» — спросил я. «У него много знакомых и в Терапии, и в Константинополе, и он постоянно ходит и ездит по гостям», — был ответ. Его наружность подтверждает вполне справедливость этого сообщения. В настоящее время Преосвященный Каллиник — первый член патриаршего Синода и правая рука нового патриарха. О. Арсений извещает меня, что в своих отношениях к нему он нисколько не изменился, но в отношении к другим держит себя совсем иначе. Недаром же сложилась пословица: *Honores mutant mores*^a.

Дважды сделал я попытку представиться тогдашнему первому члену Синода митрополиту Кесарийскому Иоанну, о котором слышал много хорошего, но каждый раз неудачно: в первый раз не застал его дома — он был у патриарха по делам на острове Халки, во второй — почивал после *πρωΐνου* (завтрака).

От посещения других членов Синода я отказался по совету духовных членов нашей миссии, так как эти посещения, по их словам, не могли меня ничем обогатить, кроме лицецерения греческих святителей.

Зато недочеты и пробелы, на которые я отчасти добровольно себя осудил, отказавшись от визита Иоакиму IV, отчасти поневоле испытал, по вышеизложенным причинам, были восполнены визитом бывшему патриарху Иоакиму III.

Я имел особые причины желать этого визита. Мне известно было, что Его Святейшеству очень нравились статьи мои о церковных делах Востока, помещавшиеся в «Церковном Вестнике» и аккуратно переводимые для него моим константинопольским корреспондентом. Патри-

^a Почести изменяют нравы (лат.).

арх до того интересовался ими, что однажды оставил моего корреспондента ночевать у себя, чтобы дать ему возможность поскорее перевести какую-то из этих статей и не раз присылал мне через него свое благословение за правильное понимание и оценку его внутренней и внешней церковной политики. Это давало мне надежду не только на благосклонный прием, но и на откровенную беседу с патриархом, и тем более, что образ моих мыслей был не только известен, но и симпатичен ему. Рассчитывая на эту беседу, я еще дорогой подготовился к ней — наметил главные пункты, обдумал и составил определенную программу.

Его Святейшество предупредил мое желание. Узнавши из газет о моем прибытии в Константинополь, он тотчас же пригласил к себе моего корреспондента и выразил желание видеть меня у себя, назначивши мне на выбор несколько дней, когда он был готов меня принять. Я, конечно, не заставил себя ждать. Собравши вышеизложенные сведения о положении церковных дел в Константинополе, я воспользовался первым же назначенным мне днем и в сопровождении своего корреспондента, долженствовавшего быть моим переводчиком, был уже у дома, занимаемого патриархом в Вафеохорие, лежащем на том же берегу Босфора, на котором находится и Буюк-дере и Терапия, но гораздо ближе к Константинополю (в верстах 5 или 6 от него). В этом месте Босфор делает дугу, углубляясь в берег; в центре этой дуги, почти на самом краю высокого берега, стоит дом патриарха, из окон которого открывается великолепный вид на Босфор, Скутари и сам Константинополь. Дом этот специально построен для Иоакима III первым богачом Константинополя покойным Г.Зарифи; по смерти патриарха он перейдет в собственность нации. Это небольшой двухэтажный каменный особняк, окруженный садом (вновь разводимым) с великолепными цветочными куртинами с лицевой и задней стороны (между калиткой в сад и небольшой террасой, ведущей в дом). Неподдалеку находится и собственный скромный домик патриарха, в котором он родился.

Патриарх живет в верхнем этаже; но принимает своих посетителей в нижнем, который соединяется с верхним посредством внутренней лестницы, замаскированной дверью. По этой лестнице патриарх по первому же докладу спустился к нам в приемную комнату, в которой мы его ожидали. Он был в черной шелковой рясе, с четками в руках и в обыкновенной греческой камилавке, без всяких украшений, так что по наружности походил на простого монаха. Но его фигура и манера держать себя сразу обличали в ней человека, созданного для власти и привыкшего к ней. Это высокий, стройный, благообразный мужчина, с умным, но скорее важным, чем строгим выражением мужественно-красивого лица, с спокойными жестами и движениями. Ему уже 54 года (род. в 1832 г.), но несколько седых волос чуть лишь заметны в его черной окладистой бороде^a.

Когда мой спутник назвал меня, патриарх благословил меня по-гречески (т.е. сложивши персты правой руки для именованного благо-

---

^a Далее зачеркнуто И.Е.Троицким: «похожей на бороду покойного митрополита Московского Макария²¹»; и вообще, он своей фигурой напоминает несколько покойного митрополита, но держится проще и с большим достоинством».

словения, он дал лишь ее поцеловать, в свою очередь поцеловавши меня в голову), но приветствовал по-русски — приглашая в следующую комнату, оказавшуюся архондариком, он произнес: «Пожалуйста, садитесь!» Это, впрочем, были единственные русские слова, которые я слышал от патриарха.

Поместившись в углу небольшого дивана, стоявшего у овального стола по самой середине комнаты, патриарх указал мне место прямо против себя в одном из кресел, стоявших вокруг стола; мой спутник поместился сбоку между патриархом и мной. Явилось *verón γλυκό*^а.

Я начал с передачи Его Святейшеству приветствия, присланного через меня нашим почтенным послом. Патриарх поблагодарил посла за добрую память о себе, прибавив, что он вполне понимает и ценит мотивы, заставляющие Его Превосходительство уклоняться от личных свиданий. Так как это приветствие я передал патриарху через своего переводчика, то патриарх с своим ответом обратился тоже к нему для передачи мне; но узнавши от него, что хотя я и не говорю по-гречески по недостатку практики, но что хорошо понимаю этот язык, стал обращаться прямо ко мне и говорил так ясно и раздельно и облекал свою мысль в такие точные выражения, что я понимал каждое его слово, — точно он говорил по-русски.

Затем я выразил от имени русских почитателей патриарха сожаление об удалении его с престола и надежду на скорое возвращение на престол. Патриарх совершенно спокойно, как бы дело шло о постороннем для него человеке, отвечал мне: «Бывают положения, когда христианин и особенно архиерей вынужден бывает спросить свою совесть, может ли она дозволить ему исполнить то или другое требование, ему предъявляемое, и если она дает ему ответ отрицательный, то он обязан отказать от исполнения такого требования. Я был поставлен в такое положение. Мне предложено было такое требование, которого я не мог исполнить по совести; но так как на нем упорно настаивали, то мне ничего не оставалось больше делать, как уйти, — что я и сделал. Что же касается моего возвращения, то я совершенно предоставляю оное на волю Божию. Сам я не сделаю к тому ни шагу».

На это я позволил себе сказать: «Ваше Степенство! Это не личное только Ваше дело. Оно интересует всю Православную церковь. Судя по Вашим действиям, они вправе будут ожидать от Вас многого ко благу всего православия и, между прочим, оживления канонических сношений между православными церквами».

Патриарх мне на это ответил: «Да, вы часто затрагивали эту тему в своих статьях, но я едва ли могу что-либо сделать для этого. Не знаю, как вы себе объясняете причины ослабления этих сношений. По моему мнению, таких причин три. 1-я заключается в самой организации Православной церкви, 2-я в преобладании в ней мирского элемента, 3-я в обычаях, правах, узаконениях отдельных православных государств. Приступая к развитию этих тезисов, Его Святейшество счел нужным

---

^а Вода с вареньем (греч.).

оговориться, что он будет иметь при этом ввиду главным образом положение вещей, существующее в Константинопольской церкви и в ближайших к ней, так как, прибавил он, положение вещей в вашей (русской) церкви мне недостаточно известно. При этом свои мысли он выражал очень скромно, постоянно оговариваясь «по моему мнению», «мне кажется», «может быть, я ошибаюсь» и пр. Другую особенность речи патриарха составляло то, что он любит излагать свои мысли по пунктам — во-1-х, во-2-х и т.д.

1. Коренным недостатком организации Православной церкви патриарх признает излишнюю самостоятельность епархиальных архиереев. Она вредит делу церкви в двух отношениях: во-1-х, мешает их взаимному общению и, во-2-х, парализует действия центральной церковной власти, направленные ко благу церкви. Считая себя полным и бесконтрольным хозяином своей епархии, каждый архиерей не только не чувствует никакой потребности к установлению солидарности в действиях со своими соседями, а, напротив, замыкается в себя, ревниво оберегая себя от всякого самого благожелательного вмешательства в свои дела с братским советом, указанием и пр. Не только со стороны своих братьев-архиереев, но и центральной власти, и заботы направляет на то, чтобы оградить свои епархиальные автокефалии от всякого надзора и воздействия чьей бы то ни было стороны. Центральная церковная власть может вмешаться в дела епархии лишь по поводу жалоб на местного архиерея. А ловкие архиереи всегда сумеют и предупредить эти жалобы, и отпарировать их. А если таких жалоб нет, то центральная власть совершенно бессильна что-либо сделать для епархии, хотя была бы убеждена не только в совершенной бесполезности, но и в положительном вреде известного архиерея для епархии. Теперь вообразите себе, что все архиереи замкнутся в себя и будут ревниво оберегать свою епархиальную автокефальность: может ли быть при таких условиях речь об оживлении канонических сношений между поместными православными церквами, когда нет этих сношений между собственными епископами каждой поместной церкви?

Потом, в другой связи речи, Его святейшество заметил: «С административной, а не с догматической (эту оговорку он повторил дважды) точки зрения организация Западной церкви целесообразнее. Там есть сильная центральная власть пап, возможна солидарность между всеми членами иерархии и единство действий, чуть какой-либо орган в целом организме окажется бесполезным, а тем более вредным, его сейчас же убирают с места и заменяют другим, более способным и надежным; там все и вся дисциплинированы и дружно действуют по одной программе. У нас ничего этого нет.

Характеристика греческих архиереев и их политики сделана патриархом совершенно верно. Ниже я приведу один в этом отношении красноречивый пример. Но эта замкнутость и отвращение к дисциплине старое явление в греческой церкви. Оно коренится в свойствах греческого национального характера. Это отвращение к дисциплине было одной из главных причин разделения церквей. Греческие архиереи ни-

когда не примирились бы с папской дисциплиной. Поэтому, главным образом, и власть их собственных патриархов остановилась на половине развития и до сих пор является чем-то недоконченным. В византийский период императоры помогали патриархам смирять строптивых епископов; в настоящее время, хотя турецкое правительство тоже не отказывается в своем содействии патриарху, но последнему неудобно обращаться к нему за этим содействием. Это запрещает ему национальная гордость и национальные интересы, которые патриарх и иерархия представляют перед султаном.

2. По второму пункту Его Святейшество сделал следующее разъяснение. Широкое влияние светского элемента в православных церквях вредно отзывается и а) на внутренней жизни каждой отдельной церкви, и б) на взаимных их отношениях; на внутренней жизни тем, что это влияние вносит в церковь чуждый ей дух, стесняет ее свободу, мешает ей быть самой собою; на внешних отношениях тем, что миряне часто налагают свое veto на самые невинные братские сношения между церквями и вносят в эту сферу тенденции, чуждые прямым задачам церкви и вредные для общецерковного единения и союза.

В применении к Константинопольской церкви и эта характеристика отношений к ней мирского элемента совершенно верна. Светские члены Смешанного совета²², интересующиеся больше политикой, чем церковными делами, стремятся к тому, чтобы сделать из церкви орудие для своих политических планов; им вторит так называемая интеллигенция — ученые, публицисты и вообще т.п. образованные светские люди. В настоящее время, как я узнал в Константинополе из надежного источника, греческая интеллигенция хлопочет о том, чтобы перестроить всю систему воспитания в специально-церковных школах — в том смысле, чтобы они подготовляли в духовном юношестве прежде всего патриотов, а потом уже служителей церкви, тогда как Иоаким III во время своего управления церковью старался поставить дело наоборот.

3. По третьему пункту Его Святейшество дал такое разъяснение. В настоящее время православный мир состоит из группы самостоятельных государств. Каждое государство имеет свои законы, обычаи, учреждения. Сношения между православными церквями, находящимися в этих государствах, ограничиваются этими законами, обычаями и учреждениями, и каждое государство зорко следит за тем, чтобы они не выходили из этих границ; в новых государствах (он разумел конституционные) прямо запрещаются всякие сношения местных церковных властей с церковными властями, находящимися за пределами государства; и во всех государствах они ставятся под контроль государственной власти. Вследствие этого всякое государство имеет полную возможность не только ограничивать по своему усмотрению канонические сношения между представителями автокефальных церквей, но и совершенно запрещать оные. Таким образом, оживление канонических сношений между автокефальными церквями невозможно без предварительного соглашения между православными государствами относительно оснований и границ этих сношений. Патриарх Константинопольский в этом

отношении может сделать не больше, чем представитель всякой другой автокефальной церкви, так как, помимо соображений политического свойства, он обязан уважать автокефальность каждой православной церкви в такой же мере, в какой представители других церквей уважают автокефальность Константинопольской церкви.

В древности, продолжал патриарх, для поддержания канонических сношений между поместными православными церквями существовал, как известно, особый институт так называемых апокрисиариев²³. Может быть, найдена будет возможность возобновить этот институт, разумеется, под двумя условиями: во-1-х, чтобы он занимался исключительно церковными делами, предоставляя все остальные государствам, чем будет выражено уважение к автономии государств, и во-2-х, из церковных дел лишь теми, которые представляют общий интерес для всех церквей, предоставляя остальные самим церквям, чем будет выражено уважение к автокефальности церквей.

После сделанного патриархом разъяснения причин, препятствующих оживлению канонических сношений между православными церквями, во мне пробудилось сильное сомнение в возможности возобновления института апокрисиариев, но я не высказал этого сомнения патриарху, чтобы не делать от своей программы отступлений, которые могли занять много времени и помешать ее выполнению, и потому я возвратился к заявлению патриарха об обязательности для него уважать автокефальность православных церквей и сказал:

«Преемник Вашего Святейшества, по-видимому, не разделяет Вашего взгляда на междуцерковное положение Константинопольского патриаршего престола», и в подтверждение я указал на вмешательство Иоакима IV в бракоразводное дело кн. Горчакова.

Патриарх мне отвечал: «Я не знаю оснований, побудивших Его Святейшество вмешаться в это дело. Меня об этом не спрашивали. Но припоминается мне случай, совершенно аналогичный с этим из времени моего управления церковью. Русский барон NN (патриарх произнес немецкую фамилию этого барона по-гречески, так что я не мог уловить ее, а переспросить считал неучтивым), женатый на гречанке и повенчанный в русской церкви (оба русские подданные), обратился ко мне через г. Ону (советника русского посольства в Константинополе)²⁴ с просьбой о разводе. Узнавши в чем дело, я прямо сказал, что это дело мне не подсудно и чтобы клиент обратился с тем в Св. русский Синод. Но барон находил это почему-то для себя неудобным и снова обратился ко мне через того же г. Ону с просьбой довести по крайней мере его дело до сведения патриаршего Синода. Я уступил, но, сообщая Синоду, сказал: «Каково бы то ни было ваше мнение, а мое будет против». И Синод единогласно (πав ὕφει) отклонил от себя это дело.

Здесь я позволю себе сделать небольшое отступление. В Пантелеймоновском подворье в Галате я встретил раз одну московскую даму, которая в разговоре со мной сообщила мне, между прочим, что многие московские ее знакомые, ищущие развода, поручили ей навести в Константинополе справки, как повести здесь это дело и во что оно примерно может обойтись. Вот куда и как отразилось вмешательство Кон-

стантинопольского патриарха в чужие дела! Легко себе вообразить, к какой путанице всех церковных отношений должно повести дальнейшее развитие такого вмешательства.

Но возвращаюсь к своей беседе с патриархом. «А правда ли, что всероссийский Св. Синод прислал Его Святейшеству протест по этому делу?» — спросил патриарх.

Вопрос этот поставил меня в большое затруднение. Я ничего не знал об этом. Отъезд мой из России совершился неожиданно для меня и крайне поспешно, так что я не успел заручиться никакими сведениями об этом деле. Поэтому я высказал сначала сомнение в справедливости слухов об этом; но патриарх посмотрел на меня так, что мне стало жутко от его взгляда. Очевидно было, что он заподозрил меня в неискренности. Я не мог допустить утвердиться в нем этому подозрению, потому что оно лишило бы меня доверия патриарха, которое в ту минуту было для меня особенно дорого. И потому я изменил свое первое заявление таким образом: «Носились в Петербурге слухи о том, что Св. Синод готовится протест, и отправлен ли по назначению, я не знаю. У нас канцелярские тайны строго соблюдаются».

Мое объяснение произвело успокоительное действие на патриарха, и он сказал: «А у нас нет канцелярских тайн. Я имею основание думать, что этот протест существует и здесь получен».

После я узнал от г. Беглери, что Иоаким III в минуту разговора со мною имел точный перевод подлинного отношения нашего посольства по этому делу, доставленный ему услужливым протосинкелом Иоакима IV. Хорош бы я был, если бы стал настаивать на своем сомнении в его существовании! Уже перед отъездом из Константинополя, когда я был с прощальным визитом в посольстве, там посвятили меня в это дело, показали и текст коварного ответа Иоакима IV. «Говорят, — продолжил патриарх, — что Его Святейшество основал свое вмешательство на каких-то прерогативах Константинопольского патриаршества престола, канонах Халкидонского собора и на новеллах византийских императоров²⁵. И действительно, в византийский период Константинопольский престол имел некоторые преимущества перед другими патриаршими престолами, именно, имея право брать к своему рассмотрению дела, возникавшие в сфере юрисдикции других патриархов. Но думаю, это было потому что все тогдашние патриаршие престолы находились в пределах одной империи. Государственная централизация должна была повлечь за собой и централизацию духовную. Теперь Византийской империи не существует. А вместо нее существует группа независимых государств, и в каждом из них есть и свой государственный, и свой церковный центр. Положение дел, очевидно, совсем другое. И советники Его Святейшества едва ли не упустили из виду различия между этими двумя положениями».

Возражать против такой очевидной истины, конечно, было нечего; оставалось лишь согласиться.

Теперь настала очередь патриарха предлагать вопросы мне. Он начал спрашивать меня, понравился ли мне Константинополь? Был ли я во Св. Софии, в патриаршей церкви, в самой патриархии, в других церквях, в библиотеках, музеях и пр. Я удовлетворял любопытству пат-

риарха по крайнему разумению. Говоря о своем посещении константинопольских церквей, я не скрыл от него грустного впечатления, произведенного на меня тем, что я в них видел и тем, что я об них слышал. Патриарх по этому поводу сказал мне: «Да, это у нас давнишнее большое место. У вас, сколько я знаю по здешней посольской церкви и рассказам очевидцев, все это гораздо лучше поставлено. Когда я управлял делами церкви, мне приходила мысль съездить в Россию и посмотреть самому ваши церковные порядки, чтобы потом ввести из них у себя, что можно, но ввиду щекотливости, которая могла возникнуть от этого и для вашего, и для нашего правительств, да и для меня лично, отказался от нее».

Господи, подумал я, как времена-то изменились. Давно ли мы исправляли свои богословские порядки по греческому образцу, а теперь Константинопольский патриарх подумывает об исправлении греческих порядков по русскому образцу. И горделивое чувство шевельнулось во мне по адресу моей далекой родины.

Затем патриарх стал предлагать мне вопросы о России — о количестве у нас церквей и монастырей, о количестве и размерах епархий, о составе Св. Синода, о здоровье Преосвященного митрополита Исидора²⁶ и пр. Я в меру своего знакомства с делом удовлетворял и этому любопытству патриарха. Говоря о России, патриарх коснулся м[...]а и искреннего отношения к ней своих соплеменников и сказал мне, что главной причиной недоверия к ней, обнаруживаемого греками, служит неясность ее планов относительно будущей судьбы Востока. Не посвященный в эти планы, я, конечно, промолчал.

Но, заметивши, что стало уже темнеть (один из лакеев патриарха стал зажигать в комнате, в которой мы сидели, лампы), между тем моя программа была уже исчерпана, я встал, поблагодарил патриарха за благосклонный прием и назидательную беседу и попросил извинения за причиненное ему беспокойство и святительское благословение. Поднялся и патриарх и благословил меня, простился со мной в самых лестных для меня выражениях, проводивши меня до дверей архондарика.

Оказалось, что я просидел у Его Святейшества около двух часов и не заметил, как время прошло: так увлекательна была беседа патриарха!

По возвращении домой я принялся записывать свой разговор с патриархом и за этим занятием провел почти всю ночь. Этими записями я и пользуюсь теперь при составлении своего отчета. За полную точность выражений, в которые облакал свои мысли патриарх, конечно, я ручаться не могу, хотя и с этой стороны я делал все возможное, чтобы запомнить и записать подлинные его выражения, но за точность мыслей вполне ручаюсь. Запись эту легко было сделать через час или два после разговора, потому что патриарх говорил медленно и облакал свои мысли в самые точные выражения.

На другой день, или на третий (хорошо не помню), я явился к г[осподину] послу с ответным поклоном патриарха. Под свежим впе-

---

^a Слово неразборчиво.

чатлением приема, мне сделанного патриархом, и разговора с ним я восторженно отозвался об его уме, ясности и последовательности его мышления, обширности и точности его исторических познаний. А.И.Нелидов в свою очередь сказал мне: «Да, Иоаким III очень умный человек, с ним невозможно спорить; остается лишь соглашаться. Какой бы вопрос вы ему ни предложили, он слегка подумает и потом отвечает, как по книге». Эту особенность мышления и изложения мыслей патриарха и я подметил. У него точно наперед заготовлены ответы на все возможные вопросы, и когда затрагивают тот или другой вопрос, он задумывается на несколько секунд, точно припоминая, где у него записан ответ на этот вопрос и, припомнивши, точно берет книгу, раскрывает ее на отысканной странице и начинает читать готовый ответ. И ответ этот бывает не только глубоко обдуман, но и вполне закончен и округлен, не логически только, но и литературно, так что если бы записать его стенографически, то можно было бы печатать его прямо без всяких исправлений.

«Но, — заметил г[осподин] посол, — он, равно как и Иоаким IV, в своих взглядах и действиях проводит иногда папистические тенденции».

Это замечание было глубоко верно. В Иоакиме III эта тенденция ясно сквозила в предпочтении, которое он отдавал административному строю западной церкви перед восточной. Но между папистической тенденцией Иоакима III и таковой же Иоакима IV есть существенное различие. Так, например, папистическая тенденция Иоакима III обращена на внутренние отношения своей церкви. В сущности, это было усилить центральную церковную власть насчет местных или епархиальных властей с целью придать управлению церкви больше согласия и энергии, что, как видно из его разъяснений, составляет насущную потребность Константинопольской церкви. Такая тенденция не включает в себе ничего опасного для других автокефальных церквей. От внесения ее в среду междуцерковных отношений они гарантированы принципом невмешательства в их дела, прямо и ясно провозглашенным Иоакимом III и применявшимся им на практике во время его управления церковью. Ввиду этого он может даже сочувствовать этой тенденции и желать возможно полного ее осуществления, так как чем полнее удалось бы патриарху усилить свою власть и дисциплинировать местные власти, тем легче мог бы он восстановить расшатанные церковные порядки и оживить внутреннюю жизнь своей церкви, — что было бы приобретением и для всех православных церквей. В сущности, этим создано было бы в Константинопольской церкви положение, аналогичное с положением нашей церкви, стройная централизация которой никакой автокефальной церкви ничем не угрожает, а напротив, может служить для них хорошим поучительным примером.

Совсем в другом роде была папистическая тенденция Иоакима IV. Это была действительно папистическая тенденция, но не по форме, а по существу. Она была направлена не на внутренние отношения Константинопольской церкви, а на ее внешние, междуцерковные. С самого вступления своего на престол и до конца в своих междуцерковных отношениях он пытался играть роль византийского папы. Достаточно

припомнить важнейшие факты: а) в известных посланиях своих к автокефальным церквям он тоном общего их главы предлагает им обращаться к ним дерзновенно (*θαρρως*) в могущих встретиться у них недомумениях и затруднениях, не испрашивая у них содействия для себя в случае возникновения подобных же затруднений в его собственной церкви, как делали его предшественники (точно без его позволения они не смели бы к нему обращаться); б) признает Мравовича законным митрополитом, несмотря на бывшее ему известным непризнание его Русской церковью, с очевидной целью показать, что он хочет главенствующего положения в православном мире и что мнение Русской церкви никакого значения для него не имеет; в) прекращает давнишние пререкания с Румынской церковью; г) возобновляет давно прерванные канонические отношения к Карловицкому патриархату, — все это делает с целью установить свое главенство в православном церковном мире и подготовить почву для так называемой *Ομοσπονδία* — коалиции, союза между балканскими государствами против России, путем сгруппирования вокруг своего престола автокефальных церквей этих государств через привлечение сюда и Австрии (через Карловицкий патриархат); д) к вящему заявлению перед всем православным миром своего главенства и пренебрежения к Русской церкви вмешивается в ее внутренние дела, принимая к своему рассмотрению дело, заведомо ему не подсудное, и на деликатный протест Св. Синода отвечает коварным письмом, в котором, обходя принципиальный вопрос, делает попытку добиться косвенным путем признания своего права на вмешательство представлением кн. Горчакову права на возобновление своего дела перед патриаршим Синодом, точно в этом заключался весь смысл протеста и, наконец, е) отрекаясь от престола, советует избрать себе в преемники человека, который действовал бы по той же программе. Такая тенденция действительно заключает в себе опасность для свободы и независимости всех автокефальных церквей, и Св. Синод имел не только право, но и обязанность и не в своем только интересе, но и в интересе всех автокефальных церквей протестовать против этой тенденции и притом в форме более решительной и торжественной, чем та, в которую он облек свой протест, вероятно, в интересе сохранения церковного мира.

Разыгрывая роль супер-арбитра в междуцерковных отношениях, Иоаким IV во внутренней своей политике держался противоположных приемов: льстил, мирволил, поблажал всячески архиереям и, наконец, распустил их до того, что в конце его 2-летнего управления церковью они в грош его не ставили, и ему для поддержания своего авторитета приходилось прибегать даже к кулачной расправе с членами Синода в его присутствии. Это — факт! Из множества примеров приведу в подтверждение один. Поступила жалоба от епархии на митрополита Ираклийского Григория^а, одного из старейших и влиятельных греческих архиереев. Патриарх потребовал у митрополита объяснения по содержанию этой жалобы. На первое требование митрополит не удостоил его

---

^а Бывшего сначала Хиосским, потом Никейским, автора известного трактата «О способах воссоединения Армянской церкви с православной», переведенного на русский язык и напечатанного в «Христианском Чтении» (прим. автора).

ответа, на второе прислал ответ по телеграфу в двух словах («Жалоба неосновательна») и лишь на третье требование отвечал письменно, и патриархия, во избежание дальнейшего скандала, принуждена была довольствоваться этим ответом, оставивши без замечания презорство митрополита.

И это опять совершенно по-папски. В начале развития своей власти на счет национальных церквей папы всячески ухаживали за епископами, стараясь втянуть их в свои планы путем установления солидарности между своими и их интересами, и начали дисциплинировать их тогда, когда достигли своей цели — сделались их государями при помощи их же самих.

В немногих словах я попытался выяснить различие между тождественной, по-видимому, папистической тенденцией обоих патриархов и в разговоре с послом; но насколько мне удалось это, не знаю. А нашему посольству нужно точно представлять себе ясно различие, чтобы не сбиться с толку.

Разговором с Иоакимом III я покончил собрание сведений о Константинополе и решил перенести свою наблюдательность на Афон. И здесь, главным образом, меня интересовали взаимные отношения между представителями разных православных народностей. Мне хотелось посмотреть, как сложились эти отношения при совместной жизни на небольшом сравнительно пространстве и при одинаковых условиях быта.

Я склонил к поездке на Афон и своего хозяина, и своих дорожных спутников, так что образовалась компания, состоявшая из двух архимандритов, двух профессоров и двух купцов.

Мы высадились в районе Пантелеймоновского монастыря, где приняли нас с почестями и церемониями, установленными для приема почетных гостей на Афоне (с колокольным звоном, хоругвями, и в св. воротах всеми монашествующими с игуменом; старейшему архимандриту подана была мантия, и он совершил вход в церковь по-архиерейски в сопровождении и спутников, и хозяев) и очень удобно разместили в отдельных кельях, специально устроенных для гостей. Здесь мы сразу же очутились между своими родными. На другой день нам дали мулов и проводников для осмотра других Афонских монастырей и скитов. Мы посетили один болгарский (Хиландарский), два греческих (Ватопедский и Протат) и два русских (Ильинский и Андреевский).

Церемония приема везде была одинакова: везде встречали нас с колокольным звоном; но истинное радушие находили мы только в русских монастырях, — что, конечно, понятно само собою. Болгары, впрочем, встретили нас тоже довольно радушно, насколько это было доступно их флегматичной и неповоротливой натуре; греки — сухо в Ватопедском монастыре и не обращали на нас никакого внимания в Протате.

Кроме церквей, мы осматривали везде библиотеки. Лучшей оказалась по количеству рукописей и печатных книг библиотека Ватопедского монастыря, за ней следовала Пантелеймоновская, за нею Хиландарская. Библиотека Андреевского скита лишь начинала составляться;

но в ней было уже несколько драгоценных рукописей, приобретенных у греков; ею заведовал мой старый знакомый по Москве, о. арх. Иосиф (теперь схимонах Илларион), бывший Синодальный ризничий²⁷. К несчастью, она сгорела во время бывшего здесь весной этого года пожара. Ильинский скит еще не успел обзавестись своей библиотекой. Все виденные нами библиотеки во всех монастырях без исключения содержатся в замечательном порядке. Если не везде есть уже каталоги, то везде они составляются. В Пантелеймоновском монастыре выстроено для нее даже особое здание.

Вообще я подметил весьма похвальную черту в наших русских монастырях. Сами они в большинстве своем народ необразованный, но уважают образование и умеют ценить книги не хуже записных ученых. Библиотекарь Пантелеймоновского монастыря о. Матфей приятно удивил меня своими библиографическими познаниями²⁸. Кроме русских книг, в библиотеке Пантелеймоновского монастыря есть много старинных греческих и латинских дорогих изданий. Рукописями наши монастыри запасаются главным образом из греческих монастырей, которые меняют их на разные вещественные блага.

По наружности греческие монастыри отличаются от русских тем, что в первых все здания старинные, не всегда исправно поддерживаемые, — вновь возводимых зданий я не видел; в последних новые, прекрасно содержимые и постоянно пополняемые новыми постройками. В греческих монастырях мы встречали пустоту, отсутствие движения и оживления в монашеских стенах, немногие попадавшие на дворе лица высматривали или сурово и неприветливо (если принадлежали простосам), или уныло и апатично (принадлежавшие рядовой братии и послушникам); в русских монастырях нас приятно поражило общее оживление, веселые, довольные лица.

Контраст в церквах был еще резче. В греческих монастырях мы встречали почернелые старинные иконостасы, облезлую живопись на стенах, грязные полы, толстые слои пыли на всем и массу табуретов с тарелками для принятия приношений; в русских иконостасы горят, как жар, богатой позолотой, серебропозлащенными ризами на местных и других иконах, и стены, и полы, и все церковные принадлежности блестят свежестью и чистотой, — нигде ни пылинки; на всем лежит печать заботливости, внимания, любви и благоговейного отношения к храму Божию. Это благоговение особенно бросается в глаза при обращении с св. мощами и другими священными предметами. Во всем этом контраст с греческими храмами и практикуемым в них обращением с святыней поразительный.

Контраст идет и по внутреннему строю и управлению монастырями. Русские монастыри все общежительные, греческие монастыри *ιδιόρρυθμοί*²⁹; в первых все общее — частной собственности нет, в последних каждый должен заботиться о своем пропитании и содержании сам; в первых вся власть сосредоточена в руках игумена: «У нас что игумен скажет, то и свято», — так характеризовал мне эту власть один из иноков Пантелеймоновского монастыря, проживающих в Москве

при Пантелеймоновской часовне. О запрещении монахам частной собственности тот же инок выразился: «Да на что она нам; мы всегда сыты, обуты, одеты; ни в чем отказу нету, — чуть что износилось, сей час дают новое без всяких разговоров». В греческих монастырях власть сосредоточена в руках проестосов (προεστóτες — предстоятели, старейшие из братии). Эти особенности придают устройству и управлению русских монастырей оттенок монархический, а греческим республиканский. Особенности эти сложились под влиянием национальных характеров и навыков, образовавшихся, в свою очередь, под влиянием государственного устройства и управления.

По-видимому, вторая форма устройства и управления должна была бы больше содействовать развитию свободы, довольства и благосостояния для отдельных лиц, чем первая, а на деле выходит наоборот — того, и другого, и третьего гораздо больше в русских, чем в греческих монастырях. Любопытное явление в этом отношении представляют греки. Вечно и громче всех кричат они о свободе и постоянно заканчивают олигархией, которая обыкновенно забирает в свои руки всю власть и все материальные средства и распоряжается ими совершенно произвольно. Так, по крайней мере, ведут себя проестосы в греческих монастырях. Прибравши к своим рукам всю власть и все материальные средства, они одеваются роскошно, питаются пространно, а остальную братию держат в черном теле и впроголодь, бросая ей обноски своего гардероба и крупницы от своего стола, так что греческие монахи ходят иногда в русские монастыри, чтобы поесть досыта. Этим и объясняется понурый вид послушников и простых монахов в греческих монастырях, да этим же обстоятельством, вероятно, и запущенность, и неряшливость на дворах и в церквях: проестосы барствуют, а рядовой братии и послушникам охоты нет работать на своих господ за бросаемые им обноски и крупницы; так и тянут изо дня в день — одни ленивое и сытое, другие — голодное, но тоже ленивое существование.

Говоря об управлении русскими монастырями, не могу не остановиться на почтенной личности игумена Пантелеймоновского монастыря архим. Макария³⁰. На вид ему лет 60, хотя, говорят, ему уже под 70. Он невольно обращает на себя внимание каким-то своеобразным изяществом своей фигуры и особенной манерой держать себя и говорить. Он, по-видимому, не раздает никому никаких приказаний, никогда не повышает голоса, говорит мало, тихо и как будто застенчиво, а между тем все идет, как по маслу, воля его чувствуется везде и повсюду и исполняется не только беспрекословно, но и охотно. Бесспорно, ему и покойному монастырскому духовнику о. Иерониму³¹ Пантелеймоновский монастырь обязан тем цветущим состоянием, в котором он теперь находится.

Взаимные отношения между Афонскими монастырями составляют едва ли не самое больное место в строе и жизни Св. Горы. Это мне давно было известно из книг и рассказов, а теперь я имел возможность убедиться в этом самолично. Натянутые до враждебности отношения существуют, собственно, между греческими монастырями, с одной сто-

роны, и монастырями других национальностей (русской, болгарской, сербской и румынской, которые живут друг с другом мирно). Вражда вносится и в такую область, где, по-видимому, ей совсем не должно быть места. Когда мы осматривали соборный храм в Протате, прибыл из Пантелеймоновского монастыря послушник с фотографическим аппаратом для снятия одного стенного изображения, приписываемого Панселину (как, впрочем, и все стенные изображения в этом храме); но ему наотрез было отказано, несмотря на ходатайство представителя русских монастырей при Протате иером. Нафанаила. Между тем, течь сверху уже избороздила и испортила многие из них, а остальные линяют с каждым годом и скоро совсем пропадут. Из равнодушия к памятникам старины греки сами их не берегут и не сохраняют даже в снимках, и из каприза или злости и другим не дают этого сделать. Так и напрашивается на язык присловье о собаке на сене... В этом храме поразило меня и еще одно безобразие. При ремонте купола ухитрились как-то так сделать, что головы святых, изображенных в нем, очутились под самым куполом (на потолке его), а нижние части туловища в его тамбуре, т.е. изображение разрывали пополам поясом аршина полтора в ширину. И что, по-видимому, никого не шокирует.

Источник враждебных отношений между Афонскими монастырями известен. Это — племенное соперничество. Запевалами, конечно, являются греки. Считая себя хозяевами св. Горы, они смотрят на всех остальных поселенцев на ней, как на intrus-ов^a, вторгшихся в нее отчасти силой, отчасти хитростью, и хотели бы всех их выместить оттуда; не могут этого сделать потому а) что от этих поселенцев имеют значительные материальные выгоды в виде платы за арендуемую ими землю, б) потому, что сами находятся в материальной зависимости от тех стран, из которых вышли пришельцы, через отчасти случайные, отчасти через постоянные доходы с имений, находящихся в этих странах и в) потому, что некоторые из этих поселенцев имеют уже свою собственную оседлость, пребывание других освящено отчасти давностью, отчасти обычаем, а отчасти самим уставом Св. Горы. Не имея возможности вытеснить неудобных насельников, которые, вдобавок, как нарочно, умножаются и укрепляются на Св. Горе с каждым годом, греки стараются всячески им мешать и теснить. Об этом их умение теснить один из русских монахов Пантелеймоновского монастыря выразился таким образом: «Много и сами греки терпят; но и теснить умеют, ох как умеют».

Особенно жутко приходилось в то время от этих притеснений нашим Ильинцам. В чем состояло и состоит их пререкание с Пандократорами, это известно Св. Синоду из других источников. Прошлым летом озлобление последних против первых доходило до того, что они выкопали и повыбросили за ограду огородные овощи, разведенные скитом для потребностей своей трапезы и увеличили вдвое плату с каждого насельника, так что скиту приходилось платить до 3000 р. в год. Пандократорцы прогневались на них главным образом за то, что они залож-

---

^a Пришельцев извне (лат.).

ли свою новую церковь во время плавания близ Афона Великой княжны Анны Павловны и под ее покровительством. Это оскорбило национальную гордость греков, и они назло стали делать Ильинцам всевозможные придирки, чтобы показать им, что они тут полные хозяева и что имена Великого Князя и Княгини для них пустые звуки. Злоба эта возрастала crescendo, когда Ильинцы стали защищать свое право и обратились в суд. Настоящий фазис состояния этого пререкания известен Св. Синоду.

Впрочем, Пантелеймоновцы и Андреевцы не одобряли Ильинцев в этом деле: «Надо было им быть поскромнее, — говорили они. — С греками тягаться мудрено; у них 17 монастырей, а у нас и с болгарами и сербами всего 3^а. Ведь греки же и будут их судить с Пандократорцами. Лучше пойти им на мировую».

Но и греки, по-видимому, начинают утрачивать прежнюю самоуверенность. По крайней мере о. Нафанаил (очень умный, ловкий и энергический монах, похожий сам на грека и прекрасно говорящий по-гречески) говорил мне, что греки начинают заговаривать теперь о примирении с Россией; но он сказал им: «Мы сколько лет тщетно предлагали вам свои услуги на этот счет, теперь ищите сами путей к примирению». Они начинают догадываться, что их упорная вражда к России не всегда будет оставаться ненаказанной.

В русских монастырях мне понравилась форма поминовений властей. Они поминают сначала нашего Государя Императора и царствующий Дом, потом Вселенского патриарха и затем Св. Всероссийский Синод. И совершенно правильно по-церковному, и патриотично.

Вообще русские монастыри на Афоне не забывают своей отдаленной родины, а служат ей всем, чем могут: в политическом отношении они являются аванпостами нашего наступательного движения на Востоке, в церковном — образцом прекрасных церковных порядков и истинно-церковного духа для всех наших единоверцев на Востоке, у которых, не достает и того, и другого, а своих соотечественников назидают массой книг и брошюр, распространили уже больше 2 миллионов. Подвorie же наших монастырей в Константинополе неоценимое сокровище для всех наших паломников на Востоке, да и для всех русских людей, приезжающих в Константинополь или проезжающих через этот город.

Разговор о упомянутой выше формуле натолкнул меня еще на одну почтенную черту национального характера турок. Во время последней нашей войны с ними турки сначала не обращали никакого внимания на наши Афонские монастыри, но потом, по навету греков, подвергли их надзору. Но весь надзор состоял в том, что запретили поминать в церкви нашу царскую фамилию и приказали убрать со стен изображения Государя Императора и других лиц царствующего Дома. А по окончании войны все пошло по-прежнему.

Прогостивши в гостеприимном Руссике (Пантелеймоновском монастыре) три дня, мы отправились в обратный путь, напутствуемые

---

^а Скиты не имеют своих представителей в Протате. Их интересы представляют и защищают монастыри, к которым они приписаны (прим. автора).

благословениями, благожеланиями и гостинцами (крестиками, образками, книжками, просфорками и пр.) доброго о. Макария и всей русской Афонской братии. Все были крайне довольны. Одни только купцы были несколько разочарованы тем, что не видели на Афоне подвижников, о которых начитались в разных книжках и наслышались от разных странников, а встретили обыкновенных монахов, которыми переполнены монастыри внутри России. Но это уже дело личного вкуса.

Подводя итоги всему, мною виденному и слышанному на Востоке, я не нахожу лучшего сравнения для церковной жизни там и в России, как сравнение жизни преклонного^а утратившего и вкус, и интерес к жизни старца, с жизнью молодого, полного сил, энергии и надежд на будущее юноши. Особенно настойчиво напрашивается это сравнение при сопоставлении греческих монастырей и их обитателей с русскими монастырями и их обитателями на Афоне. Греческие монастыри со своими высокими, толстыми стенами, увенчанными зубцами и бойницами, производят впечатление средневековых замков, и их обитатели напоминают обитателей этих замков, проводивших ленивую, праздную жизнь внутри стен и практиковавших вне их систему хищничества. Подобную же ленивую и праздную жизнь ведут обитатели греческих монастырей, ничего не производя, а лишь пожирая средства, заготовленные для них благочестием христолюбцев. К праздному и бездельному пожиранию сводится весь смысл их жизни. Прекратись эти средства, и им ничего не останется больше делать, как бросить свое логовище и рассеяться по сторонам, так как никакие другие интересы, кроме интересов питания, их не привязывают к этим логовищам, и никаких других средств к поддержанию своего существования они не знают и не признают. Совершенно другую картину представляют русские монастыри. Это ульи пчел, уютно и практично устроенные, в которых жизнь кипит ключом, в которых обитатели, как трудолюбивые пчелы, работают с утра до ночи каждый над своим делом, расширяя и благоустроая свои жилища, приумножая общие средства, созидаая дело, долженствующее существовать века. Прекратись к ним прилив пожертвований из России, их средства только сократятся, но не прекратятся. Они не разбредутся вместе с прекращением, они имеют другие средства в своем личном труде, энергии, в увлечении своим призванием, в своей изобретательности, в своей вере в будущее. Греческие монахи живут настоящим, не заботясь о будущем, живут как бы надеясь, по пословице, что на их век хватит, с равнодушием и апатией стариков, свершивших на земле все земное. Русские монахи живут и работают для будущего, работают для своей обители, которая служит для них всех и отцом, и матерью, родом и племенем, осуществляет для них все дорогое им в жизни, и ради которой они и живут, и умирают.

До известной степени это сравнение применимо и к общему строю и характеру церковной жизни на Востоке и в России. И здесь почти на каждом шагу вы натываетесь на картины праздного, бездельного суще-

---

^а Далее зачеркнуто И.Е.Троицким: «дряхлого, отжившего свой век».

ствования, на искаленные обломки форм минувшей жизни, держащихся только силою привычки^а, давно переставших служить прямому своему назначению, а превратившихся в средство для совершенно чуждых им целей, наталкиваетесь на следы той же хищнической системе питания, на то же житье не отжив, с исключительной заботливостью о личном благосостоянии и без всякой мысли об общем деле, его прочности и обеспечении его будущности.

Скорбно сжималось сердце за Восточную церковь при виде этого разрушения и запустения богатой некогда церковной жизни. Но зато как радостно билось оно при сравнении этого разрушения и запустения с благолепными формами, с ровным, правильным, спокойным и серьезным развитием той же жизни в нашей отечественной церкви. Только на Востоке я оценил по достоинству то величавое спокойствие, то с первого взгляда монотонное, но в сущности правильное течение нашей церковной жизни, ту важность и серьезность, какими отпечатлены все ее явления и отправления. Только руины, виденные мною на Востоке, дали мне возможность оценить достоинство и величие цельного здания, которое мы имеем в своей отечественной церкви.

Да, я вывез с Востока убеждение, что наша отечественная церковь бесспорно занимает первое место между всеми православными церквами. Ей нечему в других завидовать и нечему учиться. Она стоит теперь между ними, как образец, достойный подражания всех. Только она горячим дыханием своей здоровой жизни может оживить увядающую церковную жизнь на Востоке. И чем скорее она это сознает, тем лучше не только для нее самой, но и для Востока, так как тем скорее совершится ее оживление^б. Чтобы воздействовать живительно на церковную жизнь Востока, ей вовсе нет нужды прямо предлагать ему свои добрые услуги, в этом отношении греческая гордость, без сомнения, отвергнет эти услуги. Ей достаточно поддерживать свой величавый строй и окружать все большим и большим уважением свои церковные порядки. Они произведут свое действие сами собою на всех греков, заинтересованных в обновлении своей церкви, как произвели они на Иоакима III.

Но для этого ей нужно занять твердое, вполне соответствующее ее действительному достоинству и значению положение и не позволять никому сдвигать себя с этого положения никакими ухищрениями и софизмами.

Буди же благословенна во веки св. Русь и твоя воистину святая православная церковь, столп, утверждение и надежда православия во всем православном мире!

При сем осмеливаюсь покорнейше просить В[аше] В[ысокопревосходительство] оставить пока содержание^в в тайне, и особенно то

^а Далее зачеркнуто И.Е.Троицким: «но не пользующихся уже ни сочувствием, ни уважением».

^б Далее зачеркнуто И.Е.Троицким: «тем скорее развалины превратятся в стройное здание».

^в Далее зачеркнуто И.Е.Троицким: «моего отчета».

место, где я передаю свой разговор с Иоакимом III. Хотя Его Святейшество и не обязывал меня к такой тайне, но это обстоятельство вытекает само собою из характера разговора. Преждевременная огласка его может повредить не только патриарху, но и делу восстановления церковных порядков в Константинопольском патриархате, которому он намерен посвятить себя по возвращении на престол, и которому мы в общем интересе православия не можем не сочувствовать.

22 августа 1887 г.

ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 146. Л. 1—43. Автограф.

Примечания

¹ И.Е.Троицкий являлся членом греческого филологического общества в Константинополе (Ελληνικός Φιλολογικός Σύλλογος) — научно-просветительской организации, созданной в 1861 г. с целью изучения и распространения греческой культуры (диплом от 17 марта 1876 г.) (ОР РНБ. Ф. 790). На съезд этого общества он и был приглашен в августе 1886 г.

² В 1883—1897 гг. российским послом в Константинополе был *Александр Иванович Нелидов* (1835—1910). Он служил в русских миссиях в Греции (с 1856 г.), Баварии (с 1861 г.) и Австрии (с 1869 г.); в 1877—1878 гг. был советником посольства в Константинополе, составил предварительные условия мира с Турцией, которые легли в основу подписанного им Сан-Стефанского договора 1878 г. В 1878—1882 гг. — посланник России в Саксонии. Во время руководства российским посольством в Константинополе дважды (в 1892 и 1896 гг.) выступал с проектами овладения Россией проливами (Босфором и Дарданеллами); в 1903—1910 гг. — посол во Франции. После пассивного и нерешительного посла Е.П.Новикова Нелидов, один из самых талантливых дипломатов своего времени, был подлинным защитником и проводником русских интересов на Востоке. По словам великого визиря Киамиль Паши, Нелидову удалось «склонить султана вполне в сторону русской политики. Султан доверял послу больше, чем своему турецкому правительству» (Записки великого визиря Киамиль Паши // Известия МИД. 1915. Кн. 1. Пг., 1915. С. 186). Отношение Троицкого к Нелидову было настороженным; Иван Егорович был недоволен самостоятельностью, которую посол проявлял в решении церковно-политических вопросов, что иногда вызывало у него всплески бурного негодования (см. его записку К.П.Победоносцеву по поводу письма архим. Арсения (26 декабря 1890 г.) (ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 140). Об А.И.Нелидове см.: Хвостов В. Проблема захвата Босфора в 90-х годах XIX в.// Историк-марксист. М., 1930. С. 116; Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVII — начало XX в. М., 1976. С. 268—273; Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878—1898). М., 1994.

³ *Иоаким IV (Коккодис)* (1838—1887), уроженец о. Хиоса; с 1870 г. митрополит Ларисский, с 1875 г. — Дерконский. В 1880 г. возглавлял комиссию по делу, возникшему в русском монастыре Св. Пантелеймона на Афоне между русскими и греческими монахами на почве национальных пререканий. В 1884—1886 гг. — патриарх Константинопольский. По отношению к России проводил сдержанную, почти враждебную политику.

Иоаким III — один из достойнейших Константинопольских патриархов XIX—XX вв. Уроженец Константинополя, состоял диаконом в Валахии, затем при греческой церкви в Вене. С 1863 г. великий протосинкелл патриархии; с 1864 г. митрополит Варненский, с 1874 г. — Фессалоникийский. В 1878—1884 гг. — Вселенский патриарх (первое патриаршество). Во внутренней политике явил себя деятельным защитником прав и преимуществ православной

явил себя деятельным защитником прав и преимуществ православной церкви в Турции. В политике внешней он был активным сторонником ориентации на Россию. После своей вынужденного отречения от престола в 1884 г. Иоаким III продолжал поддерживать связь с некоторыми русскими церковными и политическими деятелями. В русских дипломатических кругах господствовала уверенность в его скорейшем восстановлении на престоле; однако, эти надежды оправдались не скоро: второе патриаршество Иоакима III начинается только в 1901 г. (См.: Соколов И. И. Константинопольская церковь в XIX в. СПб., 1904. С. 651—674; Святейший Иоаким Третий, Патриарх Константинопольский. Очерк его жизни и деятельности за время первого патриаршества. 1878—1884. СПб., 1901; Странник. 1901. С. 145—185).

⁴ В 1881 г. был удален с кафедры пользующийся большой популярностью у народа сербский митрополит Михаил, и на его место по требованию короля Милана был избран Феодосий Мраович. Российский Синод отказался признать последнего законным архипастырем, а митр. Михаилу было оказано гостеприимство в России. В 1889 г. после отречения короля Милана от престола Михаил был возвращен из ссылки.

⁵ Имеется в виду *Георгий Павлович Беглери* (1850—1923), агент Русского общества пароходства и торговли, на протяжении 20 лет (1878—1898) регулярно сообщавший Троицкому новости из жизни Константинопольского патриархата (См.: Герд Л.А. И.Е.Троицкий: по страницам архива ученого // Архивы русских византинистов. Т. 3 (в печати); ее же. Русский грек в Константинополе Г.П.Беглери // Сборник статей, посвященных акад. Б.В.Ананьичу. СПб. (в печати).

⁶ Согласно султанскому фирману от 1870 г., по которому признавалась автокефальность Болгарской церкви, резиденция ее духовного главы, экзарха, находилась в Константинополе.

⁷ *Филиппов Владимир Николаевич* — офицер Генерального штаба, занимал пост Российского военного агента в Константинополе после окончания войны 1877—1878 гг. Во время русско-турецкой войны занимал должность начальника штаба в отряде генерала Тергукасова, освобождал Баязет и участвовал в сражении под Деве-Бойной.

⁸ Название указывает на местность с источником в северо-западной части Константинополя. Церковь Богородицы построена на этом месте императрицей Пульхерией (около 450 г.). Она много раз подвергалась разрушениям, в 1434 г. сгорела. Рядом находилась купальня, позднее включенная в новопостроенную церковь. Южнее церковного комплекса располагался императорский дворец (См.: Papadopoulos J.V. Les palais et les églises des Blachernes. Thessalonike, 1928; Janin R. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Les églises et les monastères. Paris, 1969).

⁹ *Кочубинский Александр Александрович* (1845—1907) — филолог-славист. Выпускник Московского университета, с 1871 г. доцент по славянской филологии, затем профессор по кафедре славяноведения в Новороссийском университете. В 1873 г. защитил магистерскую диссертацию «Братья Подобой и чешские католики в XVII в.», в 1877 г. — докторскую «К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий». Кроме того, написал работы: «Сношения России при Петре I с южными славянами и румынами», «Очерк истории и политики славян», «Наши две политики в славянском вопросе» и др. О нем см.: Ляпунов Б.М. А.А.Кочубинский и его труды по славянской филологии. Критико-биографический очерк. Одесса, 1909; Линниченко И.А. Александр Александрович Кочубинский. 1845—1907. Одесса, 1916; Попруженко М.Г. Историко-литературные труды проф. А.А.Кочубинского. Одесса, 1909; Юрченкова Л.В. А.А.Кочубинский как историк зарубежного славянства. Автореферат. М., 1983.

¹⁰ *Авессалом* (в Ветхом Завете) — третий сын Давида, убивший своего брата за оскорбление сестры и пытавшийся завладеть престолом отца. Он отличался красивой внешностью и длинными, густыми волосами, которые сыграли роковую роль в его жизни. Спасаясь, во время поднятого им против Давида восстания, от войск отца, Авессалом запутался волосами в ветвях дуба и был убит.

¹¹ *Державин Гаврила Романович* (1743—1816) — поэт, представитель русского классицизма.

¹² *Суворов Александр Васильевич* (1729 или 1730—1800) — полководец, генералиссимус (1799).

¹³ Протат — столица Афонской монашеской республики; каждый святогорский монастырь имеет там своего представителя. Главный храм Протата славится своими фресками, приписываемыми знаменитому византийскому живописцу Панселину (начало XIV в.) (См.: Embiricos A. Manuel Panselinos // *Le millenaire du Mont Athos*. 963—1963. Venezia-Chevetogne, 1964. P. 263—266).

¹⁴ Монастырь Хора (Кахриэ-Джами) находится в северо-западной части Константинополя. Основан в VI в. св. Феодором. В IX в. — центр сопротивления иконоборчеству. Восстановлен в XI в. и обновлен в XII в. Исааком Комниным севастократором. Подвергся разрушению во время латинской оккупации Константинополя, восстановлен Феодором Метохитом (1316—1321). От византийского времени сохранились мозаики и фрески (См.: Underwood P.A. *The Karjie Djami*. 4 vols. New York, 1966, Princeton, 1976).

¹⁵ Янычары (тур. «ени чери» — новые чери) — особая часть турецкой армии. Сперва это была регулярная турецкая пехота; в 1330 г. султаном Урханом преобразована в своеобразную армию из воспитанных для войска христианских детей, собираемых в порядке дани; были ликвидированы после восстания в Константинополе Махмудом II во время войны с Грецией в 20-е годы XIX в. Вероятно, здесь идет речь об Оттоманском музее.

¹⁶ Имеется в виду *Горчаков Михаил Александрович* — дипломат, сын знаменитого канцлера А.М.Горчакова. Бракоразводное дело кн. М.А.Горчакова (?) с дочерью молдавского господаря Стурдзы, в котором им было отказано Российской и Румынской церквями. Патриарх Иоаким IV дал согласие на этот развод, что было воспринято как вызов России (См.: Церковный вестник. 1886. № 27. 7 июня. С. 375).

¹⁷ Σύνοδος Ἐνδηπόουσα — постоянный совещательный орган при Константинопольском патриархе, состоящий из 12 митрополитов; существует еще с византийских времен (как технический термин появляется в 448 г., хотя его происхождение восходит к IV в. В 9 и 17 правилах Халкидонского собора (451 г.) впервые признается как установившаяся традиция). В XIX в. без одобрения Синода, особенно пяти первенствующих его членов, патриарх не мог принять ни одного решения.

¹⁸ «Логофет» (ο λογοθέτης) — одна из немногих должностей, по взятии Константинополя турками, перечисленных из штата царского в патриарший. При византийских императорах логофеты заведовали главным образом государственным финансами; при патриархах также им принадлежало и теперь принадлежит главное заведование экономическими делами патриархии. Логофет — светский сановник патриархии; он возводится в свою должность патриархом через возложение рук (χειροθεσία — в отличие от χειροτονία) и чтения молитвы по особому чину. Он занимает первое место в первой пентаде духовных и светских сановников патриарха, носит титул архонта (князя), и так как избирается обыкновенно из самых знатных и богатых фамилий, то и пользуется огромным влиянием на общий ход дел патриархии» (Троицкий И.Е. Филарет Дроздов, митр. Московский и Коломенский. Собрание мнений и отзывов по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 97, прим. 2).

¹⁹ *Neolόγος* — *Neolόγος* — греческая газета, издаваемая в Константинополе греческой националистической партией и поддерживаемая греческим правительством. Придерживалась позиции, враждебной по отношению к России.

²⁰ Дерконский митрополит *Каллиник* в начале 80-х годов был митрополитом Фессалоникийским и энергично боролся с врагами эллинизма в лице болгар, принадлежавших к Экзаршей церкви. За сопротивление австрийской пропаганде состоял на плохом счету в австрийском консульстве. Российский консул в Салониках Якобсон поддерживал с ним отношения, считая его менее фанатично настроенным, чем остальные представители греческого высшего клира (См.: Кирил, патр. Български. Българската екзархия в Одринско и Македония след освободителната война 1877—1878. Т. 1. 1878—1885. Кн. 2. София, 1970. С. 13, 136—137). В середине 80-х гг. стал одним из влиятельнейших членов патриаршего Синода; содействовал избранию патриарха Дионисия V. Однако вскоре был заподозрен в прорусской политике и удостоен патриархом Дионисием прозвища «лжерусскомыслящего». В 1888 г. удален из членов Синода и отправлен в свою епархию. Состоял в дружеских отношениях с настоятелем посольской церкви архим. Арсением (См.: Переписка И.Е.Троицкого с архим. Арсением. ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 168. Л. 12, 16).

²¹ *Макарий* (в миру — *Булгаков Михаил Петрович*) (1816—1882) — знаменитый русский богослов и историк Церкви. Окончил Курскую семинарию и Киевскую духовную академию. По окончании преподавал в Киевской академии на кафедре русской церковной и гражданской истории. С 1842 г. преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре богословских наук. В 1843 г. опубликовано его магистерское сочинение «История Киевской духовной академии». С 1850 г. — ректор Санкт-Петербургской духовной академии. Начиная с 1846 г. выходили его тома «История Русской Церкви», в 1854 г. труд «История русского раскола старообрядчества». Был также редактором «Христианского чтения». В 1854 г. избран ординарным академиком Императорской Академии наук. С 1879 г. — митрополит Московский (См.: Титов Ф. Макарий Булгаков, митрополит московский. Киев, 1895).

²² Смешанный совет — совещательный орган при Константинопольском патриархе. Первоначально возник под названием церковно-народного собрания после издания хатти-хумаюна 1856 г., формально уравнивавшего права христиан и мусульман в Турции. В 1860 г. был выбран постоянный Смешанный совет, состоящий из 4-х архиереев-членов Синода и 8-ми мирян. Против засилья этих светских членов Совета активно боролся Иоаким III. Пользуясь большим влиянием в патриархате, они являлись главными выразителями крайних националистических взглядов и проводниками влияния греческого правительства.

²³ В Византии посланник или представитель епископа или игумена в переговорах с властями. Институт известен с V в., но впервые систематически применялся со времени Юстиниана I. Выполнял также роль представления провинциальных церквей при императорском дворе. Иоаким III имеет в виду чисто церковные функции апокрисиариев (См.: Emereau A. Apokrisiaires et apokrisariat; Les apokrisiaires en Orient // Echos d'Orient. 1914. Vol. 17. P. 189—197; 542—548).

²⁴ *Ону Михаил Константинович* (1835—1901) — русский дипломат. Службу начал в качестве мальчика для поручений при Канцелярии русского главкомандующего во время венгерской экспедиции 1849 г. Окончил гимназию в России, затем Лазаревский восточный институт. Служил первым драгоманом (переводчиком), затем советником в Российском посольстве в Константинополе и, наконец, посланником в Афинах.

²⁵ Четвертый вселенский собор, собравшийся в 451 г. в Халкидоне, впервые провозгласил первенство Константинопольского патриарха среди других (фор-

мула «первый среди равных»). Это явилось основой всей последующей церковной и государственной политики Византии и распространения ее политического и культурного господства в так называемой «православной ойкумене»; утверждение первенства Константинопольского (Вселенского) престола неоднократно подтверждалось византийскими императорами. Эти новеллы, как и правила вселенских соборов, вошли в официальный кодекс византийского канонического права (См.: Ράλλη Γ., Πότλη Μ. Σύνταγμα των θείων και ιερών κανόνων των τε αγίων και πανευφήμεων Αποστόλων, και των οικουμενικών και τοπικών συνόδων και των κατά μέρος αγίων Πατέρων. Τ. 1—6. Αθήναι, 1852—1859, 1966).

²⁶ *Исидор* (в миру *Никольский Иаков Сергеевич*) (1799—1892) — уроженец Тульской губернии, воспитанник и бакалавр Санкт-Петербургской духовной академии, ректор Орловской семинарии. С 1860 г. митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Владелец ценной коллекции рукописей и документов, принесенной им в дар библиотеке Санкт-Петербургской ДА (См.: Сердечный привет митрополиту Исидору от Санкт-Петербургской Духовной академии. СПб., 1885; Христианское чтение. 1892. № 11—12).

²⁷ *Иосиф* (в схиме *Иларион*) (1831—1891) — архимандрит, ризничий московской патриаршей ризницы и настоятель Высокопетровского монастыря в Москве. Автор «Путеводителя к святыне и к священным достопамятностям Москвы и ее окрестностей» (М., 1871).

²⁸ *Матфей* (в миру *Ольшанский Михаил Павлович*) (скончался 1912 г.) — уроженец Харьковской губернии, поступил в послушники Оптиной пустыни. В 1850-е гг. отправился на Афон; подвизался под руководством о. Азария. Учился в Карейской монашеской школе, где изучил древне- и новогреческий язык. Во время русско-греческой смуты выехал с Афона в Константинополь и был певчим при посольской церкви. После кончины о. Азария занял место секретаря монастыря и библиотекаря. При нем библиотека достигла 25000 книг и 1500 рукописей; для нее было выстроено отдельное здание (См.: Инок Матфей, библиотекарь Пантелеймоновского монастыря на Афоне († 14.9.1912) // Церковный вестник. 1912. № 4. С. 133—134; Дмитриевский А.А. Русский самородок на Св. Афонской горе. Незабвенной памяти схимонаха Матфея, библиотекаря Русского Пантелеймоновского монастыря. СПб., 1912).

²⁹ Речь идет о двух основных формах организации монастырской жизни в восточно-православной церкви. Изначально византийские монастыри были общительными, что предусматривало абсолютную власть игумена, общую трапезу и практическое отсутствие собственности у монахов. Термин *ιδιουρθμία* впервые встречается в текстах V в., однако в целом своежительная форма монашеской жизни в допалеологовский период оценивается отрицательно. В XIV в. она появляется на Афоне. Вместо абсолютной власти игумена, избранного пожизненно, делами монастыря управляет собрание предстоятелей (*Σύναξις των προϊσταμένων*) и 2—3 мирянина-эпитропа (попечителя), которые их контролируют. При своежительном устройстве предполагается наличие у монахов частной собственности и разрешается индивидуальная трапеза в своей келье. В России практически во всех монастырях господствует общежитие, в то время как на православном Востоке — своежительное устройство, о чем немало печалился, к примеру, патриарх Иоаким (См.: Meester P. De. De monachico statu iuxta disciplinam byzantinam. Roma, 1942. P. 5, 27—30, 78—81, 291—298; Meyer Ph. Die Hauptkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894. S. 57—64).

³⁰ *Архимандрит Макарий* (в миру *Сушкин Михаил Иванович*) (1821—1889) — первый в XIX в. русский игумен Пантелеймоновского монастыря. Происходил из богатой купеческой семьи, детство провел в Петербурге, молодость в разъездах по торговым делам. В 1851 г. посетил Афон и был пострижен в схиму. Под-

визался под духовным руководством о. Иеронима, который подготовил его для управления обителью. В 1870 г. избран преемником игумена Герасима, в 1875 г., после окончания русско-греческого спора, возглавил монастырь. При игумене Макарии Пантелеймоновский монастырь достиг цветущего положения, были восстановлены другие русские центры на Афоне и подворья монастыря вне Св. Горы (См.: Дмитриевский А.А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена русского Пантелеймоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895).

³¹ Иеросхимонах *Иероним* (в миру *Соломенцов Иван Павлович*) (1806—1885) — духовник русского Пантелеймоновского монастыря на Афоне, воспитатель многих выдающихся духовных лиц, в том числе и архим. Макария. Происходил из Курской губернии, из купеческой семьи. Прибыл на Афон в 1836 г., пострижен с именем Иоанникия, в 1841 г. принял схиму с именем Иеронима. С 1840 г. — духовник обители. Благодаря его деятельности, Пантелеймоновский монастырь быстро поправил свои финансовые дела; ему удалось много сделать в деле примирения русских и греческих монахов (См.: Ковалевский А. Иеросхимонах Иероним, духовник русского на Афонской горе Пантелеймонова монастыря. М., 1887).

«ОЧЕНЬ РАД, ЧТО МОГ ЧЕМ-ТО УСЛУЖИТЬ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ»

Письма Г.Н.Вырубова П.Л.Лаврову. 1869—1889 гг.

Из двух корреспондентов настоящей публикации более известен русскому читателю Петр Лаврович Лавров (1829—1900) — философ широкого плана, идеолог революционного народничества, автор интересных работ по истории науки. Выпускник Артиллерийской академии в Петербурге, Лавров преподавал высшую математику сначала в Артиллерийском училище, затем в Академии (1844—1866 гг.). В 1861—1863 гг. много писал для «Энциклопедического словаря» А.А.Краевского, став вскоре редактором издания.

В 1866 г. Лавров был арестован в связи с покушением на Александра II. Он оказался непричастен к «делу Каракозова», но давно вызывал неудовольствие властей своим интересом к западноевропейской философии и сочувствием к студенческим выступлениям. Вольнодумный профессор был сослан в Вологодскую губернию, однако в феврале 1870 г. с помощью Г.А.Лопатина¹ бежал из ссылки. 13 марта 1870 г. Петр Лаврович появился в Париже. В том же году он был избран членом Антропологического общества и активно сотрудничал в его печатном органе «Журнале антропологии». В 1873 г. Лавров возглавил русский нелегальный журнал «Вперед». В связи с его редактированием он с 1873 по апрель 1877 г. жил сначала в Цюрихе, затем в Лондоне; в мае 1877 г. окончательно поселился в Париже.

В Париже Лавров познакомился с Григорием Николаевичем Вырубовым (1843—1913) — философом-позитивистом, минералогом, кристаллографом, химиком. В 1862—1864 гг. Вырубов занимался на медицинском и естественном факультетах Московского университета; в 1864—1865 гг. брал частные уроки медицины в Париже и Берлине; в 1866 г. переехал в Париж на постоянное жительство. В 1860—1880-е гг. совместно с французскими учеными Э.Литтре² и Ш.Робеном³ издавал и редактировал «Журнал позитивной философии», получивший европейское признание. К 1866—1870 гг. относится его знакомство с А.И.Герценом. В 1875—1879 гг. Вырубов совместно с Н.А.Тучковой-Огаревой⁴ осуществил первое издание сочинений А.И.Герцена в Женеве. В 1886 г. он защитил в Сорбонне диссертацию на степень доктора химии и минералогии, еще раньше был избран членом минералогического и химического обществ Франции. В Париже Вырубов имел свою частную лабораторию, из которой вышли десятки работ по физической химии, минералогии, кристаллографии, опубликованных во французских научных журналах. В 1903—1913 гг. он читал курс лекций на кафедре истории науки Коллеж де Франс.

¹ Лопатин Герман Александрович (1845—1918) — революционный народник, друг К.Маркса и П.Л.Лаврова, с 1873 по 1883 г. в эмиграции.

² Литтре Эмиль (1801—1881) — французский философ-позитивист, филолог, историк науки.

³ Робен Шарль (1821—1885) — французский медик, позитивист.

⁴ Тучкова-Огарева Наталья Алексеевна (1829—1913) — жена Н.П.Огарева, позднее гражданская жена А.И.Герцена.

Г.Н.Вырубов мало известен в России, т.к. все его философские и естественнонаучные работы опубликованы на французском языке. В 1910—1913 гг. в ряде номеров «Вестника Европы» были напечатаны воспоминания Вырубова, наибольший интерес представляют заметки о встречах с А.И.Герценом, М.А.Бакуниным, П.Л.Лавровым.

При разности политических пристрастий Лаврова и Вырубова сближали общие интеллектуальные интересы, сочувствие к соотечественникам, попавшим за границей в затруднительное положение, исключительная порядочность и щепетильность в деловых отношениях. Лавров ценил в Вырубове хорошее знание западноевропейской жизни и дорожил знакомством с ним, посылая ему письма и номера журнала «Вперед» из Цюриха и Лондона, о чем свидетельствуют его письма к Г.А.Лопатину 1873—1877 гг.⁵

В архиве П.Л.Лаврова в ГА РФ хранится 46 писем Г.Н.Вырубова, написанных мельчайшим почерком, датированных 1869—1898 гг. Переписка охватывает почти весь эмигрантский период жизни Лаврова и кончается незадолго до его смерти в 1900 г. Вырубов, особенно в молодые годы, вел довольно подвижный образ жизни, (в письмах немало его сообщений о поездках в Цюрих, Черногорию, в Россию, по немецким университетским городам, с театра военных действий русско-турецкой войны (док. №№ 6, 17, 28, 30). Именно на этот период — 1870-е — начало 1880-х гг. приходится наиболее интенсивная переписка между двумя учеными. Но и позже, когда оба корреспондента находились в Париже, Вырубов посылал писанные на восьмушках листа или на визитных карточках записки, в которых сообщал о выполненных «комиссиях», а их было немало — денежные займы, посылка книг, пересылка корреспонденции, различные научные справки, приглашения на семейные и дружеские завтраки и обеды и т.п. Эти короткие послания как нельзя лучше характеризуют Вырубова как человека в высшей степени обязательного, внимательного и предупредительного по отношению к своим знакомым. Более обстоятельные письма связаны с хлопотами Вырубова о русских политических эмигрантах, попавших на заметку французской полиции, о чем Лавров просил его довольно часто (док. №№ 10, 18, 19, 21). Два первых письма (док. №№ 1, 2) посвящены полемике о судьбах социализма в России. Они относятся к раннему периоду знакомства. Позднее Лавров и Вырубов отошли от идейных споров, но научные вопросы ими обсуждались, показателен, например, спор о медицинской этике (док. № 33). Несмотря на политические разногласия, они сохраняли дружеские отношения. Вырубов продолжал посылать «любезному», а позднее «дорогому Петру Лавровичу» свои письма.

Интересным дополнением к письмам Вырубова могут служить опубликованные в 1925 г. письма Лаврова к Вырубому, датированные теми же 1870—1880-ми гг. Источник происхождения писем в публикации Е.Казановича не указан. В воспоминаниях М.М.Ковалевского⁶ упоминается, что письма Лаврова к Вырубому вместе с русской частью архива последнего были переданы ему единственной наследницей Вырубова. Автор публикации Е.Казанович отрицательно отзываясь о Вырубове, как о «холодном эгоисте», богатом барине, проживающем вдали от бед многострадальной родины. Впрочем, и Казанович вынужден был признать некоторое «джентельменство» Вырубова, побуждавшего Лаврова обращаться к нему с многочисленными просьбами⁷.

⁵ См.: Лавров — годы эмиграции. Dordrecht—Boston, 1974. Т. I—II.

⁶ Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — историк, политолог, социолог. В 1889—1905 гг. жил во Франции. См. Ковалевский М. Из переписки русских деятелей за границей: Герцен, Лавров и Тургенев // Вестник Европы. СПб., 1914. № 3.

⁷ См.: Былое. Ленинград, 1925. № 2(30). С. 10—28.

В публикацию включены наиболее интересные, на наш взгляд, документы. Все письма представляют собой рукописные подлинники Г.Н.Вырубова на русском языке. Слова, подчеркнутые в оригинале, выделены курсивом. Некоторые персоналии установить не удалось. Орфография и пунктуация современные. Автор благодарит сотрудников ГА РФ Е.Н.Орлову и Н.И.Абдуллову за помощь в работе.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук Г.И.ЛЮБИНА.

№ 1

Париж

21 января / 2 февраля 1869 г.

Милостивый государь.

Извините меня, если не сейчас отвечаю на ваше письмо, но я столь занят, что, несмотря на природную аккуратность и несмотря на все старания, не всегда могу располагать временем.

Вопросы, которые вы мне задаете, до такой степени многосложны и многочисленны, что нет никакой возможности ответить на них, даже в общих чертах, иначе как целой книгой или целым рядом статей, поэтому и ограничусь только некоторыми указаниями, могущими познакомить вас со взглядом моим на экономические явления. Прежде всего, позвольте мне резко разграничить два понятия, которые смешаны в вашем письме и постоянно смешиваются в рассуждениях социалистов. Экономическая наука и экономические тенденции рабочего класса — две вещи совершенно разные, и до тех пор, пока не поймут этой разницы, социалисты не выйдут из области общих мест и громких фраз. Я очень хорошо понимаю, что современное положение экономических отношений крайне неудовлетворительно, что вся тяжесть общественных обязанностей лежит на одном классе, и от души радуюсь всяким попыткам рабочих выйти из этого положения, но все это не должно иметь влияния на результаты науки. Наука ищет законы, вовсе не заботясь о том, какому классу они будут полезны и что из них может выйти. Истина и польза — не синонимы, это два понятия, связанные между собой схожей функцией, и мне стоит привести вам пример паровых машин, столь повредивших вначале рабочему классу. Такое смешение экономической науки, очевидно заключающей в себе точно определенные законы, и улучшения быта работающего сословия — смешение, к несчастью, слишком обыкновенное, уничижает всю силу вашей аргументации. Вы восхваляете, напр[имер], книгу Марх'а, говоря, что он первый поставил политическую экономию на научную почву, а между тем я нахожу в вашем письме след[ующую] фразу: «научный представитель экономических воззрений рабочего сословия С.Марх». Посмотрите, какое тут противоречие: что это такое — научные воззрения какого-нибудь сословия? Разве есть в науке «сословные антагонизмы»? Разве научная истина не одинаково обязательна для всех? Разве ее возможно не признать? Вы совершенно правы: Марх не мне, пожалуйста, что это за «экономические воззрения рабочих»? Все, что я до сих пор слышал из уст рабочих, крайне слабо, крайне ненаучно. Работники не знают политической экономии. Это доказывают они здесь

каждый день на réunions publiques^a, очень распространившихся последнее время в Париже, да знать они и не могут, потому что им нет времени заниматься кабинетной работой, без которой немислимо никакое научное знание. Вы мне цитируете речи разных ораторов на Брюссельском конгрессе¹. Большинство их я знаю лично, но они такие же работники, как и мы с вами.

Издалека все эти конгрессы кажутся очень важными явлениями, но вблизи нельзя не заметить оборотной стороны медали, настоящих работников на них почти нет. Они слишком бедны, чтобы туда ездить, ездят так назыв[аемые] делегаты, но эти делегаты столь же представляют мнение массы, сколько французские депутаты представляют общественное мнение. Вот пример: на Бернском конгрессе² был работник Richow, посланный лионскими ассоциациями, он сказал очень либеральную социалистическую речь, работники от него печатно отказались. Что есть перед работниками от него печатно отказались. Что есть перед работниками всех западных стран *небольшая горсть социалистов*^b; в этом нет сомнения, но они не составляют большинства, да к тому же нет между ними десяти человек, согласных на самых основных пунктах. Все воззрения их принадлежат буржуазии. Я, следовательно, повторяю, не вижу вовсе экономических воззрений у настоящих рабочих. Вы укажете мне на ассоциации, но, во-первых, ассоциации не решают *всех* экономических вопросов, а во-вторых, до сих пор нет ни одного примера успешного хода производительной ассоциации, фактически доказана только польза ассоциации потребителей и стачек, но в них никто и не сомневается. На сами ассоциации вы, мне кажется, смотрите в увеличительное стекло. Лассалевские общества³ составляют в Германии самое ничтожное меньшинство и заметны разве только потому, что особенно громко кричат. Замечательно то, что в каждом городе лассалевский кружок состоит исключительно из рабочих, не принадлежащих к этому городу — этот факт сообщил мне на днях Риколь (стоявший во главе Дрезденской революции 1849 г.)⁴.

Рабочие ясно выразили только одно: желание выйти из современного их состояния, но эти весьма законные и справедливые желания не есть еще научный вывод. Я понимаю, что весьма желательно высвободить целое сословие из-под гнета капитала, но, согласитесь, что это вовсе не доказательство того, что без капитала можно обойтись. Я замечу здесь тоже мимоходом, что мне всегда казалась^b странной эта исключительная любовь социалистов к рабочему пролетариату, по какому праву хотите вы действовать, не спросив мнения громадного класса сельских обывателей? Они враждебны тому социализму, о котором вы говорите и о котором говорит Магх, это мы знаем из истории 1848 г. и из ежедневного опыта. Но чего они хотят? Это для нас до сих пор не открыто. Вы скажете, что всякий мелкий

---

^a Публичные собрания (фр.).

^b Подчеркнуто карандашом, по всей вероятности, П.Л.Лавровым.

^b Над этим словом рукою П.Л.Лаврова (?) написано: «напрасно казалось».

собственник тоже буржуа, но что же это за деспотизм? Вычеркивать из своей программы целые десятки миллионов людей потому только, что они не желают теорий, выработанных несколькими десятками тысяч? Это же, конечно, ненаучно. Для того, чтобы прийти к общим законам, надо собрать мнение всех, исследовать интересы всех сословий, исследовать их беспристрастно, не задаваясь никакими теориями.

Теперь собственно о заметке де Роберти⁵, которую я подписываю обеими руками. Весь парадокс в ней, кажется, особенно выражен — *répartition equitable des richesses*⁶. Я не знаю, почему вам, как последователю *научной* политич[еской] экон[омии], это выражение не нравится. Оно ничто иное как констатирование несомненного факта. Вы не можете отрицать, что по мере удаления нашего *от феодализма*, огромные накопления богатства делаются все более и более *трудными*, материальные средства, капиталы распределяются равномерным обращением *все большее и большее⁶ число раз в единицу* времени. Но имеем ли мы право *заключить отсюда, что с развитием промышленности это распределение* делается еще более правильным. Слово «equitable» взято тут вовсе не в метафизическом смысле справедливости, а в весьма реальном смысле равновесия. Спор между нами сводится, следовательно, к следующему: вы думаете, что для улучшения быта рабочего необходимо уничтожение частного капитала, я же думаю, что экономический прогресс *для всех классов*, будет заключаться в более правильном распределении этого капитала. Вы утверждаете теорию, которая имеет за себя более или менее гуманитарные соображения, я не иду за пределы наблюдаемого факта. Между нами решить может только опыт будущих времен. Очень рад буду, если хотите мне возражать⁷.

Совершенно преданный вам

Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 1—3. Автограф.

№ 2

Париж

26/14 февраля 1869 г.

Милостивый государь.

Наша полемика на той почве, на которой поставлены вопросы, будет вечно вращаться в порочном кругу. Исходные точки наши совершенно различны: вы стоите на почве, которую французы так метко назвали (*le socialisme révolutionnaire*⁷, я стою на почве исторической необходимости. Я совершенно одинаково беспристрастно

⁵ Справедливое распределение богатства (фр.).

⁶ После этого слова, вероятно, рукою П.Л.Лаврова поставлена цифра 2.

⁷ В конце письма имеется приписка карандашом рукою П.Л.Лаврова:

«1 }
2 } «Какое противоречие».

⁷ Революционный социализм (фр.).

смотрю на буржуазию, на пролетариат, на землевладельцев; я лично очень сожалею бедствиям того или другого сословия, но в моих симпатиях я не считаю себя вправе ставить какое-нибудь из них выше другого. Для меня отдельные классы — то же, что органы животного организма, подчиненные, без сомнения, специальным законам, но подчиненные тоже и тем общим законам, совокупность которых мы называем жизнью. Вы делаете то, что делают некоторые доктора, изучаете исключительно болезнь какого-нибудь отдельного аппарата и приписываете этому аппарату все болезни человеческого организма. Собственность с неизбежными ее злоупотреблениями в ваших глазах не должна существовать потому, что она вредна рабочему классу, весь общественный строй должен переделаться по известной программе, потому что эта программа удовлетворяет рабочий класс. Я не признаю этой социальной терапии по той простой причине, что считаю абсолютно невозможным ее практическое приложение. Все это ведь очень хорошо на бумаге, на практике вы этого никогда не сделаете: вы не уничтожите буржуазию никаким International даже тогда, когда в ней будет ни какие-нибудь ничтожные 500000, а когда в ней будет в десять раз больше членов, потому что и эта цифра будет незаметна в сравнении с десятками и миллионов собственников, вы не уничтожите право наследства, потому что никто не послушается ваших декретов.

Ваши возражения на мои доводы несколько не поколебали мое мнение, они воспроизводят в несколько измененной форме, те же самые мысли, которые вы развили в своем первом письме. Единственное возражение, которое на первый взгляд кажется неопровержимым и которое вы сами назвали «мелочью», относится к двоекратному повторению слова «воззрение» в двух различных смыслах, но оно основано на недоразумении. Я сказал, что Магх представитель экономических воззрений раб[очего] сосл[овия] и сказал дальше, что у рабочих нет научных воззрений и политич[еской] экономии. Но тут нет никакого противоречия. Я никогда не полагал, чтобы у работников не было вообще никаких воззрений на их экономич[еское] положение, для этого надо было бы полагать, что все работники абсолютные идиоты, это очень далеко от моей мысли, я говорю только и повторяю, что у них нет того, что мы можем назвать *научным воззрением*, воззрением, основанном на положительном знании социальных фактов. Вот этот-то пробел пополнил Магх, он придумал этим ненаучным воззрениям научную *форму*, представив в пользу их несколько фактических доказательств, что, конечно, не значит, что он сделал их научными. Они, несмотря на оболочку, остаются крайне односторонними. С моей стороны замечу, что две вещи нашел особенно странными в вашем письме. Первое, это ваше объяснение фразы «представитель эконом[ических] воззрений *рабочего класса*», который вы принимаете за *все общество*. Признаюсь, не понимаю, как это вяжется с тем, что я нахожу на следующей странице, где вы говорите, что стремления всего общества далеко неизвестны, т.к. мы совершенно игнорируем мысли огромного класса сельских обывателей. Вы сами, следовательно, соглашаетесь с тем, что должны волей-неволей оставлять в стороне целые десятки миллионов, не зная их интересов, а между тем утверждаете, что воззрения рабочих *должны*

представлять интересы всего общественного организма. Это уже как-то совсем непонятно. Второе, это та бесцеремонность, с которой вы обращаетесь с сельскими обывателями. Мы их не знаем, следовательно^а, нечего о них заботиться, будем перестраивать общество согласно интересам рабочего класса. Это весьма похоже на механика, который, не зная законов давления пара, будет переставлять колеса и переделывать винты, чтобы поправить испорченный локомотив. Чтобы поправить его, надо все знать, а не утверждать докторально, что в той или другой, нам известной части, причина порчи.

О переводе Конта⁶ я ничего не знаю, я писал давно уже (месяца полтора назад) г-ну Полякову⁷, но ответа не получил. Я представил ему разные соображения, но не знаю, на чем он остановился. Поправлять перевод в том виде, в каком он есть, я решительно не в состоянии, у меня на это нет времени, перевод надо сделать снова и дать его не одному, а нескольким. Поправить то, что сделано, никакой серьезно знающий положит[ельную] философию не возьмется. Попросите г-на Полякова известить меня о его намерениях, если он захочет делать новый перевод, то я ему могу указать нескольких лиц, способных на это дело.

Совершенно преданный вам

Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 4—5(об.). Автограф.

№ 3

Париж

29 марта 1873 г.

Любезный Петр Лаврович.

Что это с вами сделалось? Обещали писать, а до сих пор не порадовали ни словечком. Спрашивал у всех о вас, но даже сам Лучицкий⁸ жалуется на ваше молчание. Сказал мне кто-то, что вы будто бы вовсе Цюрих покинули вследствие каких-то там происходящих арестов. Это мне кажется уж чересчур несообразным. Продолжаю собираться к вам туда, во вторую Россию, в конце будущего месяца. Не знаю, как располагается на этот счет Иван Сергеевич⁹, был у него два раза, но не застал. Впрочем, с ним или без него, а визит вам сделаю. Минералога для «Знания»¹⁰ я вам подыскал, давным-давно ответ от него получил, но не знаю, какие ваши намерения, и хотите ли вы дать этому делу надлежащий ход.

Прилагаю при сем обещанную карточку, хотя она и нехороша в фотографическом отношении, но, кажется, похожа. В обмен прошу прислать мне немедленно вашу карточку — вы еще в Париже мне ее обещали.

О нашем житье-бытье ничего не говорю, ибо решительно нечего говорить: все идет по-старому, т.е. скверно. Кстати, знаете ли вы некоторого Нора (он же Roguza), польского журналиста в Цюрихе? Он у

---

^а В верхней части стр. 5(об.) рукою П.Л.Лаврова приписано: «Ничего подобного не говорилось. Он не высказал...». Далее — неразборчиво.

меня был и сообщил сделанное им открытие какого-то клерикального тайного общества, которое мне кажется столь же правдоподобным, как волшебный замок багдадского калифа Харуна-аль-Рашида.

Лучицкий все хворает, а ваш покорный слуга состоит в вожделенном здравии. Крепко жму руку.

Ваш Г.Н. Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 30—31об. Автограф.

№ 4

Париж

6 апреля 1873 г.

Любезный Петр Лаврович.

Письмо ваше получил и за вложенную в него карточку, хотя и не совсем похожую, зело благодарен. Программу¹¹ еще не читал, надо, впрочем, признаться, по своей внешней форме она крайне неприманчива: написано неразборчиво и уж на чересчур тонкой бумаге. Несмотря на это и несмотря на то, что познакомился уже с ней в ее первом виде, прочту ее еще раз и помещу о ней несколько строк в будущем нашем номере. Но если не говорить, где именно ваш журнал будет выходить, то такое объявление не имеет никакого значения, ибо объявляют с целью дать публике возможность приобрести там-то такую-то вещь.

Наперед желаю полного успеха вашему изданию, но, как и прежде говорил вам, мало надеюсь на этот успех. Вы, мне кажется, повторяете ту ошибку, которая лежит в основании всей деятельности Бакунина¹² — вы смотрите на Россию с точки зрения западной теории. Вам пишут из России, что все там готово для социалистической пропаганды, но ведь и Бакунину писали люди приезжие, что в Пермской губернии *la révolution était à l'ordre du jour*^a, что же из этого вышло? Я полагаю, что тут дело не в иллюзии нескольких десятков людей, которые мыслят как мы и как мы желают поскорей приложить к практике свои мысли, а в оценке настоящего России на основании ее прошедшего. Как бы там ни шли они исполинскими шагами «по пути прогресса», нельзя же предположить, что они в несколько лет приготовили элементы для государственного переворота. Но кроме этого теоретического заключения, у меня есть и положительные факты: за последние десять лет за границей было сделано несколько попыток основать крайне радикальный русский орган и вам известно судьба этих попыток, которые падали среди всеобщего молчания. Вы мне скажете, что все эти попытки слабы, что не было в них никакого таланта, но разве нет в России скверно отредактированных газет и, несмотря на это, они раскупаются. Но что говорить о будущем: *alea jacta est*^b, увидим скоро, кто из нас прав. Жалко мне только, что потратите на это деньги и

^a Революция на подходе (фр.).

^b Жребий брошен (лат.).

убьете на бесполезную работу и время, и силы, которые могли бы в тысячу раз лучше употребить. Перетолкуем обо всем этом поподробнее при свидании в Цюрихе, куда продолжаю собираться в конце этого месяца.

Ничего вы мне не отвечаете относительно статьи для «Знания». Нужна она? Jourdy¹³, которому я писал о ней, должен скоро за нее приняться, и напишите мне, какой ему об этом дать решительный ответ и кому должен он послать статью—вам или прямо в Петербург?

Из последних новостей могу сообщить вам, что Корш¹⁴ только что приехал сюда в Париж и едет на днях в Швейцарию, быть может, и увидите вы с ним там. Вот уже дня три как хвораю, захватил насморк и кашель, да вдобавок с лихорадкой, но думаю, однако, что через несколько дней буду совсем в порядке.

Жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 32—33об. Автограф.

№ 5

Париж

13 апреля 1873 г.

Любезный Петр Лаврович.

Я был так занят разъездами вне Парижа, что не успел вам написать или зайти к вам. У меня теперь есть несколько денег, заходите либо завтра вечером, либо утром. Всего, впрочем, вернее устроить дело так: напишите мне слово с указанием, сколько вам необходимо нужно, я оставлю на ваше имя дома у себя пакет так, чтобы мое отсутствие не могло помешать вам получить деньги.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 34—34об. Автограф.

№ 6

Париж

11 июня 1873 г.

Любезный Петр Лаврович.

Вы конечно, крайне изумитесь тому, что я вовсе не возмущился статьей «Правит[ельственного] вест[ника]»¹⁵, которую прочел в «Санкт-Петербургских вед[омостях]»¹⁶. Статью эту я вырезал и сохраняю как чрезвычайно интересный документ. Интересна она во многих отношениях: во-первых, тон ее крайне умеренный и вопросы поставлены разумно, во-вторых, коэрцитивные^a меры, с одной стороны, предложены только в будущем, с другой, — далеко не жестоки.

В самом деле, Цюрих, по всем сведениям, сообщенным мне студентками же, приезжающими сюда, вовсе не центр науки и серьезных занятий, а сборный пункт того, что «Прав[ительственный]

^a От франц. coercitif — принудительный.

вест[ник]» остроумно называет «бесплодной политической агитацией». Если бы женщины хотели действительно учиться, работать, им нет никакой настоящей надобности ехать так далеко: в Петербурге устроены для них медицинские курсы, клиники, лаборатории, что же им еще надо? Им надо непременно схватить все разом, им мало быть учеными акушерками, им желательно сейчас же сделаться докторами медицины — и кончается вся эта надобность ничегонеделанием, или, что еще хуже, пустым фразерством на тему революционной троицы свободы, равенства и братства.

Те, которые действительно хотят добиться до чего-нибудь путного, ничего не потеряют оставшись в России и слушая там медицину — им останется еще довольно времени, окончив акушерские курсы, держать где-нибудь докторский экзамен. А студенты зачем едут в Цюрих? Многие из них не знают даже по-немецки, им нужна тоже какая-нибудь необыкновенная, необытная наука? Кто уверит меня, что в русских университетах нельзя заниматься? Я сам был в университете и очень хорошо знаю, что и там, как везде, можно работать, можно сделаться дельным человеком. Но дело в том, что не о занятиях думает русская молодежь, не для науки едет она в Швейцарию, а хочется поиграть в политику, в революцию. Игра эта смешна и опасна. Смешна потому, что буря в стакане воды всегда смешна, опасна, потому что заставляет терять драгоценное время и губит бесполезно молодые силы. Я слишком люблю молодое поколение, слишком интересуюсь его судьбой, чтобы не сожалеть глубоко о том, что происходит в Цюрихе, чтобы не радоваться искренно всему тому, что прекратит этот беспорядочный порядок вещей и побудит молодежь приняться за серьезное дело учения. Мне, следовательно, как видите, приходится сочувствовать циркуляру правительства, в котором кроме двух—трех фраз о каких-то вероятных вымышленных оргиях и о непозволенных науках очень метко определено положение.

О здешнем факультете¹⁷ могу сообщить следующее: свидетельство о *слушании* лекций не имеет решительно никакого значения. Надо выдержать экзамен на *bachelier es lettres et es sciences restreints*^a. Экзамен этот держится вовсе не в *Ecole de médecine*^b, которой до него нет никакого дела, а в Сорбонне. Без бакалаврского диплома медицинский факультет не принимает никаких прошений на поступление в число слушателей. В других факультетах (кроме юридического, в котором процедура та же, что и на медицинском) вольным слушателям можно быть сколько угодно, но держать выходные экзамены нельзя, не будучи бакалавром.

Тургенева вы, вероятно, уже видели или скоро увидите, т.к. он уехал отсюда с целью заехать из Баден-Бадена в Цюрих. Он едет в

---

^a Бакалавр изящной словесности и сокращенного курса естественных наук (фр.). Диплом бакалавра свидетельствовал об усвоении учебной программы средней школы. Экзамены на звание бакалавра принимались университетскими профессорами.

^b Медицинской школе (фр.).

Карлсбад и в конце июля будет обратно сюда. Что прикажете делать с вашими книгами? Если они вам нужны теперь, я их вышлю по почте, в противном случае сам их привезу, вероятно, в июле.

Пишите, не ленитесь. Крепко жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов^а

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 35—36об. Автограф.

№ 7

Париж

24 июня 1873 г.

Любезный Петр Лаврович,

Получил воззвание к цюрихским студенткам и прочел его с великим прискорбием. Оно, мне кажется, совершенно не соответствует действительности и ставит вопросы на какую-то фантастическую почву. Но об этом противоречии подробно при свидании, ибо я собираюсь к вам на будущей неделе. Выеду я, вероятно, отсюда в среду или в четверг. Напишите мне поскорее, будете ли вы в это время в Цюрихе и если вы собираетесь в Вену, я, разумеется, отменю свою поездку до вашего возвращения.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 37—37об. Автограф.

№ 8

Любезный Петр Лаврович.

Нужных вам книг Duchein^а¹⁹ у меня нет. Я справился о том, можно ли их где-нибудь достать, но оказывается, что их в продаже давно нет. Мне, однако, обещал один приятель относительно их. Если он исполнит свое обещание, я пришлю вам их до своего отъезда.

Уезжаю из Парижа в субботу или в воскресенье. Еду в Черногорию, где пробуду вероятно, до конца октября. Очень буду рад вас видеть в Париже по вашем приезде. Надеюсь, что останетесь у нас здесь несколько времени. Об опустении Цюриха слышал, и я признаюсь, это меня не удивляет и не радует. Крепко жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 38—38об.

№ 9

Любезный Петр Лаврович.

От Лугунина²⁰ я еще не получал, но сейчас узнал через Dubrizay²¹, что он уже уехал из Петербурга. Вероятно, он все устроил благополучно,

---

^а В конце письма имеется приписка другой рукой: «Угол Английского проспекта и Офицерской улицы, дом Гейденрейха, квартира собственная. Криль»¹⁸.

ибо если бы встретились какие трудности, он бы мне наверное написал. Хотите, чтобы я сам написал Гольдсмит²² о деньгах, которые он вам обещал выслать немедленно? Напишите об этом слово, я в Париже буду до 10 июня.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 43—43об.

№ 10

Париж

28 марта 1874 г.

Любезный Петр Лаврович.

Оба письма ваши получил. Падолинского²³ видел. Разумеется, сейчас же отправился я узнавать, в чем дело и употребил все усилия, чтобы облегчить участь ваших приятелей. После долгих поисков и бесконечных peregrinations⁶ по коридорам префектуры я получил обо всем самые положительные и точные сведения. Из сведений этих вытекает, 1) что русское правительство тут решительно не причем, 2) что арест не имеет ни малейшего политического характера, 3) что задержание приятелей ваших в Дьепе²⁴ совершено по их собственной вине. Они вели себя как дети, как школьники. Я видел стенографически записанный их interrogatoire⁸ — это ниже всякой критики с точки зрения политических деятелей и конспираторов.

Как бы то ни было, спшу вас успокоить и сказать, что ничего опасного из этого ни для кого не выйдет. Я дал удостоверение в их личности, и мне положительно обещали выпустить их завтра, если не найдется никаких фактов de droit commune⁷. По всей вероятности, послезавтра увидите вы ваших приятелей в Лондоне. Посоветуйте им в другой раз быть осторожнее и не держать себя так наивно в отношении полиции, которая, как всем известно, весьма подозрительна. Очень рад, что мог чем-то услужить соотечественникам. Крепко жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 39—40об. Автограф.

№ 11

Париж

1 мая 1874 г.

Любезный Петр Лаврович.

Если я так долго не отвечал на ваше письмо, так это вовсе не зависит от моей неаккуратности. Я в тот же день исполнил вашу

²² В левом углу письма, также как и в док. № 15, оттиснут парижский адрес Вырубова: «G. Wyruboff 76. Rue de Seine».

⁶ От французского peregrination — странствование.

⁸ Протокол допроса (фр.).

⁷ Общее право (фр.).

комиссию, был у Гольдсмита, говорил с ним и давал читать ваше письмо. Сегодня только получил я ответ, при сем препровождаю, из которого вы лучше всего увидите и мнение, и намерение редакции «Знание». Полагаю, что весьма нетрудно будет найти какого-нибудь посредника, живущего в Петербурге. Я поговорю об этом с Лугининым, который только что приехал сюда и едет через неделю обратно назад в Россию. У него есть, вероятно, важные приятели, я же в Петербурге, кроме Корша и де Роберти, никого не знаю. Я, разумеется, предложил сейчас же Гольдсмиту свое посредничество, но он нашел удобнее иметь дело с человеком, живущим в Петербурге. Быть может, он в этом отношении и прав. Во всяком случае, я как и прежде, к вашим услугам и очень рад, если могу, чем помочь. Крепко жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 41—41об. Автограф.

№ 12

Париж

7 мая 1874 г.

Любезный Петр Лаврович.

Лугинин уехал вчара в Петербург с Лопатиным, не успел его видеть, я с ним переговорил и устроил дело так: тотчас по приезде в Петербург подыщет он надежного человека (вероятно, Усова²⁵) и, давши ему все нужные инструкции, объявит о своем выборе в редакцию «Знание». Таким образом не будет никакой проволочки и сношения начнутся правильным образом сейчас же. Лугунин, впрочем, обещал уведомить меня немедленно, подробно о всем сделанном.

Прилагаю при сем письмо, которое Лугунин привез для вас из России. Хотя оно и адресовано не на ваше имя — но это было сделано из предосторожности. Вместо Кропоткина²⁶ следует читать: Лаврову. Жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 42. Автограф.

№ 13

Париж

22 сентября 1884 г.

Любезный Петр Лаврович.

Все эти дни я до того был занят, что не имел времени ответить вам. Пользуюсь первой свободной минутой и пишу вам наскоро три слова. Я в настоящую минуту никак не могу ссудить вам нужную вам сумму. Все мои лишние [деньги], а в нынешнем году даже и некоторую часть нужных, дал я на устройство бесплатных школ в Париже и в складчину для уплаты пеней неимущих провинциальных журналов, яростно преследуемых в настоящее время, как вам известно, военными

властями. Я очень и очень сожалею об этом — мне было бы приятно быть вам полезным, но вы знаете — я гораздо более француз, чем русский, и считаю своим долгом посвящать свои умственные и материальные средства, прежде всего, своему «второму» отечеству.

Пожалуйста, не беспокойтесь о вашем долге мне — я об нем, признаться сказать, совершенно забыл. Хотя я и не сочувствую вашему предприятию, я очень рад слышать, что оно идет успешно — разумеется, лично для вас — потому что рад видеть ваши усидчивые и, по-моему, слишком бескорыстные труды, увенчанными хоть нравственным успехом.

Лугинин теперь здесь. Он дал положительное поручение Усову, и Усов положительно был в редакции «Знания», но что сделала редакция, я не знаю. Свое путешествие в Испанию опишу в «Санкт-Петербургских Вед[омостях]». Может быть, напишу тоже что-нибудь в следующий № Revue²⁷. Жму вашу руку.

Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 46—47об. Автограф.

№ 14

Париж

14 мая 1875 г.

Любезный Петр Лаврович.

Спешу ответить на ваши вопросы. Мы действительно издаем *Полное собрание сочинений Герцена*. Первый том, который выйдет, вероятно, через месяц, будет содержать предисловие, *дневник* 1843, 44 и 45 годов, никогда еще не появлявшийся в печати, и ряд статей, напечатанных в 1844 году под заглавием «Дилетантизм в науке». Следующие тома будут выходить по мере средств, но, полагаю, следуя довольно быстро один за другим. Всех томов предполагается выпустить около 18-ти. Склад издания у Georg'a в Женеве.

Dubrizau вам не отвечал, вероятно, потому, что в последнее время был очень занят родами жены Лугинина, у которой родилась дочь. Как поживаете вы? Давно что-то от вас и о вас нет никаких известий. Вышел № 8 «Вперед»? Я его не получил. Жму вам руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 49—50.

№ 15

Париж

5 ноября 1875 г.

Любезный Петр Лаврович.

Вы, вероятно, слышали уже, что я женился — следовательно, нечего объявлять вам сию новость. Я только что вернулся из России и в настоящее время до того завален мелкими хлопотами вследствие

перемены квартиры и нового устройства, что решительно не имею времени ни видеть друзей, ни толком писать им. Пишу вам, следовательно, три слова, чтобы сообщить по поручению Бутурлина²⁸, которого видел в Москве и которого не пускают за границу, что дела на родине идут крайне плохо: аресты производятся en grand^a и что специально группа цюрихских студентов, о которой вы знаете, вся рассеяна. Передаю вам это поручение со слов Бутурлина и передаю текстуально.

Что поделяваете вы и ваши? Возвратившись сюда, я нашел много книг, журналов, брошюр, но между ними не было ни одного № «Вперед». Разве он прекратил свое существование? Или вы не хотите больше мне его высылать? У меня 14 номеров, или скорее 13, так как у меня нет 1-ого номера. Вышлите мне, пожалуйста, что вышло после № 14, а также 1-ый №, если у вас его еще осталось. Предисловие мое к первому тому Герцена вы, вероятно, прочли и, разумеется, будете за него меня ужасно ругать. Но разница в оценке политических и общественных фактов слишком естественна при господствующей философской анархии, чтобы содержать яблоко раздора между людьми. Между нами общее то, что мы хотим прогресса не в пользу когонибудь, а в пользу всех — это уже верная основа. Крепко жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 51—52. Автограф.

№ 16

Париж

12 июня 1877 г.⁶

Любезный Петр Лаврович.

Я уезжаю послезавтра *в четверг*, а не завтра. Пишу вам, чтобы вы не беспокоились попусту. Очень и очень рад буду видеть вас в последние минуты, если это только не составит для вас затруднения.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 53. Автограф.

№ 17

Игдырь²⁹

4/16 октября 1877 г.

Любезный Петр Лаврович.

Спасибо вам за поклон из Европы. Всякий поклон из Европы нам дорог, нам несчастным жителям Игдыря. Вы не можете себе представить, до чего гадок, омерзителен этот Игдырь — прожить в нем

^a Масштабно, в массе (фр.).

⁶ В левом углу письма и в последующих документах, исключая № 17, оттиснут адрес: «G.Wyrouboff 9. Rue de Lille».

3 месяца, как я прожил, это подвиг, за который не может быть достаточной награды. О военных делах вам не говорю, во-первых, потому, что они вас не интересуют, а во-вторых, потому, что они сами по себе весьма неинтересны. Это ряд промахов, неумелостей, грубых ошибок. Скажу вам лучше, что здоровье мое крайне плохо: долго боролся я против убийственного здешнего климата, наконец, и меня сломило. Лихорадка, кровавый понос — я испробовал все эти прелести и должен сказать, что еще удивляюсь, как я не погиб. Никакой нет возможности окружить себя хотя какими-нибудь гигиеническими условиями, а без них, что лекарства? Письмо ваше я не передал, не имея времени, потому что очень торопился. Передам непременно на возвратном пути. Думаю уехать отсюда 15-го, следовательно, через 11 дней, но в Париже буду не раньше конца ноября нового стиля, так как заезжаю в Москву. Крепко жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 54—55. Автограф.

№ 18

Париж

27 марта 1878 г.

Любезный Петр Лаврович.

Я был сегодня у Ferey³⁰ и долго говорил с ним об этом несчастном деле. Из этого разговора вывел я довольно скверное заключение: 1) сам Ferey ужасная скотина и без сомнения один из самых лютых судей этой категории, 2) освобождение sous caution^a абсолютно невозможно — это преимущество иностранцев, 3) перевести г-жу Кулешову³¹ в другую тюрьму нельзя по той причине, что другой тюрьмы нет, 4) дело это, как мне кажется, хотят по возможности раздуть и едва ли скоро оно попадет в суд. Единственное благоприятное сведение среди всех этих неблагоприятных обстоятельств то, что г-жа Кулешова не в секрете, что ей можно передавать вещи (за исключением книг) и дня через два можно будет даже видеть ее. Относительно книг надо иметь особое разрешение от префекта полиции. Я приму сегодня же надлежащие меры, чтобы получить это разрешение, если оно возможно. Вот все, что я мог узнать. Книга, которую передал мне Кропоткин, у меня.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 56—56об. Автограф.

№ 19

Париж

24 апреля 1878 г.

Любезный Петр Лаврович.

Сейчас получил я письмо от Ferey, которого просил сходить к Waddington³², по поводу выдачи г-жи Кулешовой. Оказывается, что все это,

^a Под залог (фр.).

вероятно, шутка следователя — ибо никакой экстрадиции^а Россия не просила и никакой экстрадиции по этому делу не будет. Надеюсь, что письмо это дойдет до вас. Крепко жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 57. Автограф.

№ 20

Париж

20 июня 1878 г.

Любезный Петр Лаврович.

Вчера убедил я Ковалевского^б, что обедать у меня гораздо удобнее, чем в каком-нибудь более или менее благоустроенном кабачке, а потому спешу уведомить вас, что трапеза, долженствовавшая свершиться во вторник и на которой вы не отказались присутствовать, будет происходить у меня в тот же день и час. Итак, до встречи. Крепко жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 58. Автограф.

№ 21

Париж

19 октября 1878 г.

Любезный Петр Лаврович.

К несчастью, я во Франции, кроме молодого Герцена или людей ему хорошо знакомых (как напр[имер] Ш[...]^в и др.), никого не знаю. Я написал Александру Александровичу³³, прося его сделать, что можно, хотя полагаю письма Натальи Александровны³⁴ совершенно достаточно, но все же лишнее письмо не помешает. Какая это неприятная специальность у г-жи Кулешовой сидеть в разных международных тюрьмах! Вы бы ей написали прекратить эти конспирационные попытки, а то, пожалуй где-нибудь и застрянет наконец в [...]⁶, несмотря на все желание ее оттуда вытащить.

Нашел, наконец, себе квартиру, в которую перееду к январю.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 59. Автограф.

---

^а От французского extradition — выдача преступника иностранному государству.

^б Далее неразборчиво.

№ 22

б/м

3 июля 1879 г.^а

Любезный Петр Лаврович.

У меня у самого нет настоящего адреса А.А.Герцена, но если вы ему напишите так: А. Herzen professeur à l'Institut des sciences supérieures à Florence^б, письмо ему, наверное, дойдет, так как я уже [...] в два письма ему по этому адресу.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 60. Автограф.

№ 23

Париж

24 июля 1879 г.^с

Любезный Петр Лаврович.

Завтра мы не обедаем дома. По особому исключению приняли мы приглашение у одного приятеля. Не свободны ли вы в субботу или в воскресенье? Приходите, когда хотите, чем скорее, тем лучше — вы знаете, мы вам всегда рады. Поедем мы, вероятно, 31 июля, и самое позднее 1 августа.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 61. Автограф.

№ 24

Париж

31 июля 1879 г.

Любезный Петр Лаврович.

Напрасно вы так беспокоитесь. Какие тут счета! Тут нет одолжения с моей стороны, ни неаккуратности с вашей — это весьма обыкновенное житейское дело и я сетую только на то, что вы приняли это к сердцу. Я устроился иначе — качу в настоящее время по направлению любезного отечества. Напишу вам оттуда, чтобы возвестить свои впечатления. Прилагаю при сем ключ от квартиры, в которую вы можете входить, когда угодно. Пакет на моем бюро.

Брошюру вашу [...] до вашего приезда это будет безопаснее и вернее.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 63. Автограф.

^а Почтовая открытка без обратного адреса. На штемпеле — 21 июля 1879. R. Vopararte.

^б А. Герцену, профессору Института высших знаний во Флоренции (фр.).

^в Далее одно слово неразборчиво.

^г В левом углу письма и в последующих документах до № 32 оттиснут адрес: «G. Wugouboff 127. Boulevard St.—Germain».

^д Далее неразборчиво.

№ 25

*Париж**26 августа 1880 г.*

Многоуважаемый г-н Ш...

Для того, чтобы переслать письмо ваше Бутурлину, я должен был его вскрыть и переложить в другой конверт с адресом, написанным моей рукой. Без этой предусмотрительности посылка была бы слишком наивной. К моему большому удивлению нашел я в своем конверте два письма, которые по почерку узнал я сейчас же — они писаны, очевидно, Петром Лавровичем. Все три письма, которые я, разумеется, не читал, в этом вы можете быть уверены уже по той причине, что содержание их, вероятно, весьма интересное, мне совершенно не интересно, посылаю я вам назад.

Письма эти я пересылать не желаю потому, что не желаю компрометировать ни себя, ни своих корреспондентов из-за всяких пустяков. Позвольте мне сказать вам при этом случае, что поступок ваш крайне не деликатен.

Я вас спрашиваю о том, нет ли в вашем письме чего политического, вы мне отвечаете, что кроме ваших личных дел ничего нет. Оба письма Петра Лавровича, писанные его рукой, доказывают, что ваши уверения были неправильны. Быть может, в России подобные факты считаются естественными, даже похвальными. Но я не живу в России и занят слишком серьезным делом, чтобы поддаваться подобным ребячествам. Я всегда с удовольствием помогал и помогаю всем нуждающимся, без различия [...] ^a, но из этого вовсе не следует, что на меня следует смотреть как на пятилетнего мальчика, готового передавать всякие «секреты» «взрослых людей». Очень сожалею, что в этом крайне капитальном нравственном вопросе наши мнения настолько расходятся.

Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 66—68. Автограф.

№ 26

*Париж**11 июня 1881 г.*

Дорогой Петр Лаврович.

Письмо прочел и отсылаю вам назад. Признаюсь вам, оно оставило во мне довольно неблагоприятное впечатление. Какой это научный человек, который бросается из одного угла в другой, из одной деятельности в другую? Если хирургия ему надоела, отчего же не надоест ему всякая другая наука.

---

^a Далее неразборчиво.

В Париже, вы сами знаете, как трудно найти работу иностранцу, ничем себя еще не заявившему, пристраиваться к лабораториям можно только с целью учения, но за это денег не платят. Я полагаю, что вы разумно поступите, советуя этому разочарованному господину не приезжать в Париж. Лаборатории есть и в Женеве, тамошний профессор анатомии мой хороший приятель, я могу дать к нему рекомендательное письмо, если вы желаете.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 68—68об. Автограф.

№ 27

Париж

16 января 1882 г.

Дорогой Петр Лаврович.

Все собранные сведения согласны в том, что дошедшие до вас слухи совершенно неверны. Никаких покушений на вас со стороны посольства не было, вероятно, по той причине, что ему хорошо известно, что министерство *отклонит их во всяком случае*³⁵. Вы здесь официально считаетесь, как успокаивающий элемент среди юного нигилизма, как наставник на путь благоразумия. Это *наверное*. Здоровье жены все плохо, однако получше.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 69—69об. Автограф.

№ 28

Париж

30 марта 1882 г.

Дорогой Петр Лаврович.

Отвечаю вам сейчас же и прежде всего о Ковалевском. Письмо его получил я недели две назад и отвечал ему тотчас в Толедо. Где он теперь находится, сказать не могу. Адреса, которые он мне дал в разные города Андалузии, касались периода 19—26 марта, далее писал он мне, что собирается в Париж. Вероятно, письмо мое не дошло до него, потому что он, со свойственным ему легкомыслием, изменил маршрут. *Coggièz*³⁶, который с ним в переписке, тоже не знает, где он теперь и тоже ждет его скоро в Париже.

Я полагаю, что в настоящую минуту просить о вашем, хотя бы и временном, возвращении еще неудобно, но попробовать, конечно, можно, и я попробую, но едва ли из этого что выйдет. Надо еще подождать, след еще не простыл. А без разрешения нечего и думать возвращаться — это прямо закрыть себе сразу все пути к дальнейшим попыткам, может быть, даже просто попасть в тюрьму. С теперешним министерством, едва стоящем на ногах, нельзя ни на что рассчитывать, как вообще со слабыми людьми. Я весьма понимаю, какая невыносимая

скука должна быть для вас в проклятом Лондоне, но нечего делать, потерпите немного, потом будет легче устроить дело на более прочных основаниях.

Жена все сильно хворает, к прежней ее болезни присоединилось еще белковидное воспаление печени, т.е. весьма опасное осложняющее обстоятельство. Везу ее месяца через полтора в Крейцнах³⁷, сам еду недели на 3 в Москву. Жена дружески кланяется вам и благодарит за привет, я же крепко жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 70—71об. Автограф.

№ 29

Париж

7 апреля 1882 г.

Дорогой Петр Лаврович.

Сейчас только возвратился от Gobelet³⁸, с которым объяснился о вашем деле. Ответ его на мой вопрос был [...] ^a неожиданный, самый изумительный. Так как он имеет совершенно конфиденциальный характер, Gobelet не хотел его передать даже своему собственному секретарю через которого я вел переговоры, и пожелал меня лично видеть, то пусть все это будет между нами. Вот почти текстуально, что мне сказал гражданин министр: «Возвращение г-на Лаврова в настоящую минуту быть может несколько преждевременно, но скажите ему, что когда он сочтет возможным возвратиться, чтобы он об этом не сообщал правительству. Это во всех отношениях удобнее. Последнее повторил он мне еще раз на прощание, с вполне знаменательной улыбкой.

Переводя все это на общечеловеческий язык, оказывается следующее: подождите еще недельки 4, вы можете спокойным манером укладывать чемоданы и брать свой billet direct^b в Париж. Тем временем побываю я у Cazalle³⁹ и префекта полиции, чтобы предотвратить недоразумения со стороны мелких чиновников. Разумеется, надо вам будет по крайности на первое время жить смирно, там мало-помалу все забудется.

От души радуюсь такому благоприятному исходу моей попытки, радуюсь как искренно вас любящий человек. Зато как печалуюсь, как французский гражданин!⁴⁰ Хорошо министерство! Хороши политики! Хороши люди! Ни один из них не знает, что делать и не имеет храбрости отстаивать свое мнение. Но черт с ними со всеми! Лишь бы вам возвратиться и спокойно жить в улице Святого Якова. Крепко жму руку. Ковалевский только что приехал и остановился Rue Richelieu. Hôtel d'Orleans.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 62—73. Автограф.

^a Слово неразборчиво.

^b Прямой билет (фр.).

№ 30

Париж

1 мая 1882 г.

Дорогой Петр Лаврович.

Почти что собрался писать вам и ответить на первое ваше письмо. Несмотря на то, что в высшей администрации *surété générale*^a произошли весьма неприятные перемены, а именно на пост *Cazalle* назначен некий *Schneib*, мой личный враг — кажется, единственный, встреченный мною на моем жизненном поприще, вы можете возвращаться совершенно безопасно. Будут за вами, разумеется, следить, но тревожить вас не будут. Укладывайте же скорее свой чемодан и являйтесь как ни в чем не бывало в свой 328 номер богоугодной улицы Св. Якова с условием в день приезда обедать на Сен-Жерменском бульваре, где откупорится по сему случаю бутылка *Chambertin mousscat*^b.

Тургенев болен и болен опасно, я его часто навещаю. У него действительно *angine de poitrine*^b, которая приняла чрезвычайно злостный характер, очень и очень опасный.

О Бутурлине никаких подробностей не знаю, только то, что вследствие чего-то вроде *loi des suspects*^c арестован и преспокойным образом сослан в Тобольск и места, кажется, «не столь отдаленные». Не считая нужным исследовать метеорологию и геологию сих мест, счел более практичным оставаться в странах более образованных или, по крайней мере, не столь диких. Из Парижа выезжаю я, вероятно, не раньше половины июля — везу жену опять в Крейцнах, сам, быть может, предприму маленькое путешествие по германским университетским городам.

О Пастере⁴¹, Ренане⁴² и прочих человеческих слабостях поговорим при свидании.

При сем прилагаю письмо Веселовского⁴³. Дело, кажется, идет о вашей рукописи, по крайней мере, никаких других предположений не могу сделать. Что следует ему ответить?

Жена вам дружески кланяется, а я вам крепко жму руку. До скорого свидания.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 74—75. Автограф.

№ 31

Париж

7 декабря 1884 г.

Дорогой Петр Лаврович.

Письмо ваше возвращаю с замечаниями в том виде, в каком оно есть. Оно до того не соответствует самым элементарным правилам

^a Сыскная полиция (фр.).

^b Шамбертен мускат — сорт красного бургундского вина.

^b Грудная жаба (фр.).

^c Закон о неблагонадежных (фр.).

секретной переписки, до того ненужно и ложно компрометирует целый ряд лиц еще и à pendant^a имен, что подписать его я не мог бы даже в том случае, если покончил совсем свои дела с любезным отечеством, а покончил я их наполовину⁴⁴. Если вы дадите себе труд прочесть простым карандашом подчеркнутые места, то вы легко убедитесь, что остается только одно: подписать письмо прямо «Лавров». Вы, разумеется, становитесь на ту точку зрения, что письма откровенные, если они приходят беспрепятственно, то нечего хитрить. Воображаю себе, что письмо вскрыто, что его читают и находят под ним мою подпись. Сообразим мы тоже, что мы имеет дело не с каким-нибудь *bachelier es lettres*^b, а с полицейскими опытными людьми, знающими вас и меня. Что увидят они? Что вы в Москве никого не знаете и не имеете знакомых в Петербурге, что уже 20 лет с некоторыми из них не имеете сношений, что вы приятель Конради⁴⁵, что с Арсеньевым⁴⁶ вели дружбу! Не говоря уже о том, что они узрят не без удивления, что вы спрашиваете и так широко и открыто говорите с учеником Д! Полицейские люди возьмут крайне неблагоприятное мнение о моих конспиративных приемах и, хотя я никогда конспиратором не был, но слишком коротко знаю знаменитостей этого ремесла, чтобы не позаимствоваться от них хотя первыми его основаниями.

Прочитав письмо ваше, я вспомнил фразу *Mad. de Sévigné*⁴⁷: *Je vous demande pardon de cette longue lettre-je n'ai pas eu le temps de la faire plus courte*^c. Вы очевидно поторопились и забыли, что надо принимать в соображение русскую границу. Пересмотрите его и напишите так, чтобы можно было подумать, *même avec beaucoup de bonne volonté*^d, что я его написал.

Фехтовал я в четверг, по моему мнению, плохо, но по общему мнению, весьма удовлетворительно, и был «покрыт рукоплесканиями» публики, в которой не было и десяти человек, в самом деле понимающих дело. Пишу вам наскоро, у меня идет сейчас укладка, перевозят мою библиотеку, а во вторник переезжаем мы совсем. Крепко жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 82—83. Автограф.

№ 32

Париж

30 октября 1889^d г.

Дорогой Петр Лаврович.

Получил ваше приглашение на собрание 30 октября⁴⁸, и не могу не сказать вам, что очень сожалею о вашем решении устроить подобное

^a Вдобавок, впридачу (фр.).

^b Бакалавром изящной словесности (фр.).

^c Я прошу у вас прощения за длинное письмо, у меня не было времени написать его короче (фр.).

^d И даже очень охотно (фр.).

^e В левом углу письма оттиснут адрес: «G.Wyrouboff 141. Rue de Rennes» (фр.).

собрание по крайней мере с приглашением *на французском языке*. Подобного рода чествования здесь не в обычаях и могут навлечь на вас административное преследование. Отчего не собраться в гости *по-русски*. Зачем эта французская *mise en scene*^а, которая не привлечет ни одного француза? Зачем приглашение от вашего имени, а не от безличной группы русских?

По-моему, такое солидарное и анонимное приглашение имело бы больше веса и было бы более безопасно для вас, над которым висит до сих пор дамоклов меч в форме *décret d'expulsion*^б. От души сожалею, что вы в этом случае не посоветовались с теми, которые вас любят и уважают и могли бы вам дать практический совет.

Крепко жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 84—85. Автограф.

№ 33

Париж

24 июня б/г, вечером

Дорогой Петр Лаврович.

Вернувшись домой, я прочитал с большим вниманием тот параграф диссертации Шполянского, о котором вы мне говорили. Признаюсь вам, вопрос этот был для меня небезынтересен, так как я сделал там много для молодого докторанта и мне бы было очень неприятно, если бы я, хотя и совершенно невинно, содействовал дурному делу.

Взвесив все обстоятельства, я прихожу к тому заключению, что в описанном факте нет ничего такого, что бы выходило из правил и обычаев, принятых в медицинских описаниях подобного рода. Нужно ли было подобное описание и приводимый факт объясняет он что-нибудь? Имеет ли этот факт какой-нибудь научный интерес? Это другие вопросы, на которые надо смотреть с иной точки зрения. В данном случае для вас и для меня важно только знать, позволительно или нет формулировать медицинское наблюдение в той форме, в какой оно формулировано? На такой вопрос, отвлекаясь от всяких личных сомнений и посторонних соображений, надобно ответить *да*. Быть может, какие-нибудь друзья и знакомые узнают белокурую или чернуюбурую, но разве не было таких, которые узнавали себя в тех или других романах? А романы уже ни в коем случае ни для кого не могут принести прямой и непосредственной пользы.

Хотите я вам приведу разительный пример? Verneil, которого я позвал на консультацию с тремя другими докторами, описал болезнь жены и форму ее живота в одном из своих сообщений Академии. С точки зрения светского человека это могло мне быть тем более неприятно, что

---

^а Постановка (фр.).

^б Декрет о высылке (фр.).

я хорошо знаю, что в медицинском мире факт будет скоро известен, потому что четыре доктора, даже четыре профессора, остаются все же четырьмя «человеками». И факт действительно сделался до того известным, что доктор Cheron, у которого жена пользовалась электричеством более 2-х месяцев, не хотел с меня ничего взять, потому что в сообщении Verneil'я было сказано, что электричество помогло моей жене, а я Cheron'a совсем не знаю и о Verneil'e ему никогда не говорил. В то время, тому назад 4 года, жена вовсе не была очень больна, и, быть может, я бы мог претендовать на такую «публикацию» о ее болезни, но, признаюсь, мне это и в голову не пришло, и я был очень рад, что этот факт имел свой вес в важном споре о гистеротомии. В научном деле надо, верьте мне, становиться на совсем иную почву — сожалеть салонную щепетильность пригодно только тем, которые остаются в салонах. Сообщаю вам откровенно свое мнение и крепко накрепко жму руку.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 88—88 об. Автограф.

№ 34

Понедельник [б/д]

Любезный Петр Лаврович.

Имеется ли какие-нибудь новые сведения о судьбе ваших писем? Спрашивали ли на почте о том, что с ними случилось? Если нужны какие-нибудь новые справки, нечего говорить, что я совершенно к вашим услугам.

Ваш Г.Н.Вырубов

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 93. Автограф.

Примечания

¹ Брюссельский конгресс — 3-й конгресс I Интернационала (6—13 сентября 1868 г.), поставивший на повестку дня проблемы экономической борьбы пролетариата и международной солидарности трудящихся.

² Бернский конгресс — 2-й общеевропейский конгресс в защиту мира в сентябре 1868 г. (первый состоялся в Женеве в сентябре 1867 г.). В своем выступлении Г.Н.Вырубов высказал скептическое отношение к идее всеобщего мира, чем вызвал неудовольствие большинства участников конгресса и консервативной прессы.

³ Лассалевские общества названы так по имени организатора немецкого рабочего движения Ф.Лассалья (1825—1864). Представляли собой производственные ассоциации, создавшейся при помощи государства.

⁴ Дрезденская революция 1849 г. — восстание дрезденских рабочих и ремесленников 3—9 мая в защиту имперской конституции. Подавлено прусскими и саксонскими войсками, в восстании участвовал М.А.Бакунин.

⁵ *Де Роберти де Кастро де ла Серда Евгений Валентинович* (1843—1915) — русский философ и социолог, из-за гонений русской цензуры большую часть своих трудов напечатал на французском языке в Париже.

⁶ *Конт Огюст* (1798—1857) — французский философ, один из основоположников позитивизма и социологии.

⁷ *Поляков Николай Петрович* (1843—1905) — петербургский издатель социально-экономической литературы, первый в России издатель перевода «Капитала» К.Маркса (1872). В августе—сентябре 1868 г. велись переговоры о редактировании Г.Н.Вырубовым перевода 6-томной «Позитивной философии» О.Конта.

⁸ *Луцицкий Иван Васильевич* (1845—1918)—историк, автор трудов по истории французских религиозных войн XVI в. и аграрно-экономическим отношениям кануна революции 1789—1794 гг.

⁹ Имеется в виду *Тургенев Иван Сергеевич* (1818—1883), который в 1873 г. вместе с Г.Н.Вырубовым собирался посетить русскую студенческую колонию в Цюрихе, чтобы собрать материал для романа «Новь», но передумал. Вырубов посетил Цюрих один в июне 1873 г. Первоначальным его намерением было употребить все свое влияние, чтобы уговорить молодежь вернуться в Россию «и не терять драгоценное время и свежие силы на бесплодную и прибавлю смешную политическую агитацию» (Научная библиотека МГУ. Ф. 12 (Фонд Г.Н.Вырубова). Карт. 1. Д. 10. № 95. Л. 10). Увиденное в Цюрихе потрясло его до глубины души: «Безобразия, найденные там мною, превышают всякие вероятия. Это какая-то пляска Святого Витта. На этих дикарей и дикарок, конечно, убеждением не подействуешь, их можно перебрать только крутыми мерами, и в этом отношении мера, принятая правительством, окажется весьма благодетельной». (Там же. № 96. Л. 217об.).

¹⁰ «Знание» — естественно-философский журнал позитивного толка, издававшийся в 1870—1877 гг. И.А.Гольдсмитом, а также писателем и географом Д.А.Коропчевским (1842—1903). В нем под псевдонимом П.М-тов сотрудничали П.Л.Лавров и некоторые авторы вырубовского журнала «Позитивная философия».

¹¹ Речь идет о программе издаваемого П.Л.Лавровым журнала «Вперед». Лавров просил опубликовать ее текст в апрельском номере за 1873 г. журнала «Позитивная философия».

¹² *Бакунин Михаил Александрович* (1814—1876) — деятель русского революционного движения, анархист, значительную часть жизни прожил в эмиграции.

¹³ *Журди Э.* — друг Г.Н.Вырубова, генерал, автор ряда статей по геологии и минералогии в «Позитивной философии».

¹⁴ *Корш Валентин Федорович* (1828—1883) — либеральный журналист, в 1856—1862 гг. редактор «Московских ведомостей», в 1869—1874 гг. — «Санкт-Петербургских ведомостей». В 1869 г. Вырубов напечатал в журнале Корша фельетоны «Из парижской жизни» (о французских нигилистах и социалистах).

¹⁵ «Правительственный вестник» — официальная ежедневная дневная газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге с 1869 по 1917 г. В мае 1873 г. в 120 номере «Вестника» было напечатано предписание правительства русским студенткам, обучавшимся в Цюрихе, вернуться на родину. Лишь часть студенток вернулась в Россию, многие перевелись в другие европейские университеты, русская колония в Цюрихе опустела.

¹⁶ «Санкт-Петербургские ведомости» (1728—1917) — ежедневная официальная газета. В пору редакторства В.Ф.Корша публикации «Ведомостей» носили либерально-консервативный характер. По причине недостаточного радикализма Лавров считал невозможной публикацию своих работ в этом издании.

¹⁷ Речь идет о медицинском факультете Парижского университета.

¹⁸ П.Л.Лавров спрашивал у Вырубова, нет ли у него книг Дюшена «Спекуляция перед трибуналом» (*La spéculation devant les tribunaux*) «Промышленная империя» (*L'empire industriel*).

¹⁹ Дюбризе — доктор, знакомый Г.Н.Вырубова, П.Л.Лаврова, В.Ф.Лугинина.

²⁰ *Лугинин Владимир Федорович* (1834—1911) — химик, подолгу жил за границей, в Париже и Швейцарии.

²¹ *Гальдсмит Исидор Альбертович* (1845—1890) — редактор журнала «Знание», эмигрировал в 1884 г.

²² *Криль Александр Александрович* (1843—1908) — деятель русского революционного движения. В 1870-е гг. вместе с П.Ф.Байдаковским ездил в Париж, чтобы предложить Лаврову издание журнала «Вперед».

²³ *Падолинский Сергей Андреевич* (1849—1891) играл видную роль в издании журнала «Вперед», впоследствии—украинский революционный деятель.

²⁴ Дьеп — небольшой город близ Гавра, на берегу пролива Ла Манш. В письме речь идет об аресте сотрудников «Вперед» А.Л.Линева и Д.И.Соловьева на пути в Лондон, куда они перевозили типографский шрифт в связи с переездом журнала. Арестованные назывались вымышленными именами. После вмешательства Г.Н.Вырубова конфликт был вскоре улажен (30 марта — 7 апреля 1874 г.).

²⁵ *Усов Степан Алексеевич* (1825—1890) — физик, преподаватель Артиллерийской академии, Военно-медицинской академии, близкий друг В.Ф.Лугинин.

²⁶ *Кропоткин Петр Алексеевич* (1842—1921) — князь, участник русского революционного движения, теоретик анархизма, географ и геолог.

²⁷ Подразумевается «Журнал позитивной философии» (*Revue de la philosophie positive*).

²⁸ *Бутурлин Александр Сергеевич* (1845—1916) — участник кружка лавристов в Москве, в 1880-е гг. был сослан в Западную Сибирь на 5 лет, некоторое время жил в Лондоне.

²⁹ Игдырь — селение на русско-турецкой границе близ Карса. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Г.Н.Вырубов возглавлял медицинскую службу русского Эриванского отряда. Он покинул отряд 10/22 октября 1877 г. пробыв в армии 4 месяца, так как заболел лихорадкой. За участие в кампании был награжден орденом Св. Владимира.

³⁰ Фере — французский судья по делу А.А.Кулешовой.

³¹ *Кулешова Анна Алексеевна (урожд. Розенштейн)* 1854—1925) — участница русского революционного движения, позднее занималась революционной агитацией в Италии, где известна под фамилией мужа—Турати. Угроза ее выдачи на родину вызвала возмущение русской диаспоры в Париже. За нее хлопотали русский посол в Париже кн. Н.А.Орлов, И.С.Тургенев, П.А.Кропоткин, Г.Н.Вырубов и др. В 1879 г. была выслана из Франции.

³² Ваддингтон — вероятно, следователь по делу А.А.Кулешовой.

³³ *Герцен Александр Александрович* (1839—1906) — сын А.И.Герцена. В 1870-е гг. преподавал во Флоренции, позднее занимал кафедру физиологии в Лозаннском университете.

³⁴ *Герцен Наталья Александровна* (1844—1936) — дочь А.И.Герцена.

³⁵ В этом письме, как и в документах № 28—30, обсуждается вопрос о высылке П.Л.Лаврова в Англию по требованию русского правительства (декабрь 1881 — май 1882 г.). Поводом послужило подписание Лавровым манифеста «Красного Креста Народной воли». Высылка длилась недолго. На защиту Лаврова встали ученые Лондона и Парижа, да и русские власти поняли, что совершили оплошность—в Париже с его многочисленной сетью русских сыщиков было легче следить за подозрительным эмигрантом.

³⁶ Корье — общий знакомый М.М.Ковалевского и Г.Н.Вырубова.

³⁷ Крейцнах — курорт в Германии, известный минеральными источниками.

³⁸ Гобле — депутат французского парламента, министр внутренних дел.

³⁹ Казаль — начальник Службы безопасности (*Surété générale*) Парижа.

⁴⁰ Формально до конца 1888 г. Г.Н.Вырубов оставался русским подданным. В декабре 1888 г. с согласия русского правительства он натурализовался во Франции.

⁴¹ *Пастер Луи* (1822—1895) — французский ученый, основоположник современной микробиологии и иммунологии.

⁴² *Ренат Эрнест* (1823—1892) — французский писатель и философ.

⁴³ *Веселовский Александр Николаевич* (1838—1898) — литературовед, представитель сравнительно—исторического литературоведения.

⁴⁴ Г.Н.Вырубов имеет в виду свое российское гражданство. В случае нелояльности поведения русское правительство могло наложить арест на его недвижимость — имение Вырубовка Саратовской губернии.

⁴⁵ *Конради Евгения Ивановна (урожд. Бочечкарова)* (1838—1898) — деятельница русского женского движения, публицист, переводчица.

⁴⁶ *Арсеньев Константин Константинович* (1837—1919) — публицист, юрист, земский деятель.

⁴⁷ *Маркиза Севинье (урожд. Рабетен-Шанталь)* (1624—1696) — французская писательница.

⁴⁸ В письме обсуждается празднование 70-летия Лаврова в кругу русских эмигрантов в Париже.

«БИЛИ ЧЕЛОМ ГОСУДАРЮ ЦАРЮ»

Из истории башкирского землевладения. Середина XVII в.

Важнейшим аспектом политики царского правительства в XVII—XIX вв. являлся земельный вопрос, поскольку от решения его зависела судьба населения. При присоединении башкир к Русскому государству все земли края были закреплены за ними на основе вотчинного права, которое в XVII—XIX вв. неоднократно подтверждалось (Соборное Уложение 1649 г., царские грамоты башкирам за 1664, 1694 и т.д.). Правительство в XVII — первой трети XVIII вв. не нарушало условий присоединения, защищало земельные права башкирского населения. Как известно, башкиры занимали огромную территорию с богатой природой, позволявшей им заниматься различными видами хозяйственной деятельности: скотоводством, земледелием, охотой, рыболовством, бортничеством. Башкортостан делился на четыре области — «дороги». Казанская дорога занимала западную часть края и протягивалась от города Уфы до среднего течения р. Камы, а в районе устья рек Ик и Белой заходила на правобережье р. Камы.

В XVII — первой трети XVIII вв. правительство запрещало населению Среднего Поволжья и центральных уездов страны самовольно переселяться в Башкортостан. Тем не менее в XVII в. беглые русские и нерусские крестьяне переселялись в Башкортостан. При этом они занимали башкирские земли с согласия вотчинников или селились самовольно. В последнем случае между башкирами-вотчинниками и переселенцами начинались земельные споры; башкиры обращались с челобитными к царским властям, и обычно им шли навстречу.

Публикуемый документ отражает картину борьбы башкир за свои вотчинные угодья. В нем рассматривается земельный спор башкир-вотчинников деревни Салагуш и татар, переселенцев из бассейна р.Вятки. Деревня Салагуш находилась на территории Байлярской волости Казанской дороги, которая располагалась по обеим сторонам р.Камы в устье рек Иж и Ик. В настоящее время эта земля входит в состав Республики Татарстан. Появление грамоты связано с тем, что в начале 30 гг. XVII в. на территории Байлярской волости пытались основаться различные переселенцы из числа чувашей, марийцев, татар. В 1634/1635 г. салагушские башкиры во главе с Тойгильде Чермышевым подали челобитную к уфимскому воеводе Н.Вельяминову по поводу попыток захвата их угодий. После расследования воевода удовлетворил жалобу башкир и выдал им грамоту на владение землей. Однако в 1641 г. шесть дворов вятских татар во главе с Байчурой Баншевым обратились с челобитной к уфимскому воеводе Л.Плещееву с просьбой поселить их на вотчине салагушских башкир на условиях уплаты в казну бобыльского ясака в размере 12 кунниц. Они утверждали, что эти угодья никем не используются. В 1642 г. салагушские башкиры подали встречную челобитную и добились подтверждения своих прав на землю, на которую претендовали переселенцы. Правда, им пришлось взять на себя уплату дополнительного ясака в 12 кунниц.

В 1648 г. конфликт разгорелся с новой силой. Десять дворов вятских татар во главе с Байзигитом Байчуриным, обосновавшиеся в близлежащей деревне Варзи, подали властям челобитную с просьбой разрешить им занять пустующие с их точки зрения угодья. Уфимский воевода, стремясь увеличить сбор ясака, пошел им навстречу. Кроме того, он полагал, что татары селятся на неиспользуемых никем

угодьях. Власти провели поспешное исследование угодий и утвердили их за переселенцами.

В 1650 г. башкиры д.Салагуш Тойгильде Чермышев «с товарищи», недовольные решением воеводы, обратились с челобитной к царю Алексею Михайловичу. Возможно, они даже сумели съездить в Москву. Об этом в документе сказано следующее: «Да башкирцы же Тойгельдейка с товарищи били челом государю на Москве в той же своей земле до сенных покосах и о всяких угодьях на того Базикейка с товарищи в том их насильстве и привез на Уфу государеву грамоту к стольнику и воеводе к Федору Яковлевичу Милославскому». Царская грамота требовала решения спора в соответствии с Соборным Уложением 1649 г. Уфимский воевода организовал расследование дела «большим повальным обыском Уфимским и Казанским уездом окольными людьми, которые живут около салагушских башкирцов». Для этого были направлены к месту спора уфимские приставы С.Уржумцов и И.Рукавишников. Они провели опрос окрестных жителей относительно принадлежности спорных угодий, изучили документы конфликтующих сторон и осуществили необходимые измерения. Всего было опрошено 174 окрестных жителя из числа татар, чувашей и удмуртов. Подавляющее их большинство подтвердило принадлежность этой земли жителям д. Салагуш. При этом площадь спорных угодий составляла три квадратные версты, или примерно 300 десятин. Кроме того, приставы установили, что спорная земля по дозорной книге 1648 г. входит в состав вотчин салагушских башкир. Исходя из этих фактов, воевода Милославский признал владельцами спорных угодий башкир д. Салагуш. Условием их бесспорного владения должна была стать стабильная выплата ясака в казну. Челобитная вятских татар была отклонена. Представитель воеводского аппарата Ф.Дербышелев был направлен в Байлярскую волость для практического исполнения этого распоряжения. Тем самым документ подтверждает имевшееся в исторической литературе мнение о том, что в XVII — первой трети XVIII вв. царское правительство соблюдало условия присоединения башкир, защищало их земельные права.

Публикуемый материал важен также как источник по социально-экономической истории края. Из него видно, что коренные жители-башкиры Байлярской волости Казанской дороги занимались скотоводством, земледелием, бортничеством, охотой. Они платили в казну ясак в размере 114 куниц и 42 батман меда. На территории волости было 14 постоянных башкирских аулов — Салагуш, Усть-Салагуш, Кукиново, Деуково, Толубаево, Варзи, Гулшерма, Бургунды, Тураево, Ахтеево, Терси, Иргыньш, Шинар, Янгильдино. Башкиры Байлярской волости, реализуя вотчинное право на землю, разрешали некоторым переселенцам селиться на своих землях. Их припущенниками становились татары, чуваш и удмурты из Казанского и Вятского уездов. Они занимались земледелием и скотоводством, платили в казну бобыльский ясак. К началу 50 гг. волости было зафиксировано 38 бобылей, которые платили ясак в размере 58 куниц и 5 рублей денег. Они проживали в нескольких башкирских аулах.

Публикуемый документ выявлен в Российском государственном историческом архиве, в фонде 1350 (Межевой департамент Сената), где хранятся материалы Генерального межевания. При проведении этого мероприятия землевладельцы доказывали земельные права при помощи прежних царских грамот и других документов. Поэтому в фондах Генерального межевания оказались сосредоточенными многочисленные материалы по земельным отношениям XVII—XVIII вв. Таким образом, проведение Генерального межевания, кроме прочего, способствовало сохранению важнейших источников по социально-экономической и политической истории края.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук А.И.АКМАНОВ.

Лист Мензелинского уездного казначейства^а

- Л. 71об.   Лета 7159-го года декабря в 12-й день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа России и по указу стольник¹ и воевода² Федор Яковлевич Милославской³ велел Уфимского уезду Казанские дороги ясашные башкирцам⁴ и бобылям⁵ Тойгильдейку Чермышеву с товарищи владети своею вотчиною ясашною старинною землею и санными покосы и всякими угоды по обе стороны Камы реки, за Камою рекою верхняя межа подле Камы реки Красной Яр, а нижняя межа гора Лодейки и по Ику по березовою гриве и по Салагушу речке с вершины и до устья до Ижу. По Уфинскую сторону от острова Каратава до истоку Большова озера и по реке по Ику. От Игынскова и Мензелинскава устья по обе стороны реки Ику и до Усалы истоку и по Мензеле реке с устья вверх по правую сторону до болота Биказсаз и с малыми речками да против того болота за Мензелею меж Калтаман, и меж Ковзияку речки Дубровы да по другую сторону болота Биказсаз по речкам по Игене и по Друше по правую сторону до вершины. И в тех их межах и урочищах в лесах и дубровах бортными ухожьи и зверовыми и по рекам рыбными ловлями и в лугах санными покосы велел владети по прежнему и по прежним памятям⁶, каковы им даны на ту землю во 150-м и 151-м годах, и по сыску по старине⁷, как владели теми вотчинными землями и санными покосы и всякими угоды истари деды и отцы их и после отцов они Тойгильдейка с товарищи. А деревни Варзи ясашным бобылям Баичюрке Баишеву и сыну ево Байзикеюку с товарищи в той земле и санных покосах и во всяких угодах отказать. Потому что в прошлом во 158-м году в мае в 27-й день били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси, а на Уфе в съезжей избе⁸ столнику и воеводе Федору Яковлевичу Милославскому подали //
- Л. 72   челобитную Уфимского уезду деревни Салагуш ясашные башкирцы он Тойгильдейка Чермышева с товарищи на каринских татар⁹ на того Байзикеюка с товарищи. А в челобитной их написано: бил де челом государю он Базикеюка на них и на ту ясашную пашенную землю ложно, что будто у них пашенная земля и санные покосы и всякие угоды пустые лишняя. А у них же пашенная земля и санные покосы и всякие угоды ясашные¹⁰ исконы веку дедов и отцов их по межам: верхняя межа подле Камы реки Красной Яр, а нижняя межа гора Лодейки и по Ику по

^а Заголовок документа. На листе имеется помета: «Копия с копии со оберегальной памяти».

Березовую гриву и по Салагуш речке до Ижу. И в прошлых де годех в тех их межах и урочищах хотели владеть тою их ясашною землею также насильством сторонние люди Казанскова уезда чюваша и черемиса¹¹ и каринские вяцкие татара. И они же Тойгильдейко с товарищи били челом государю, а на Уфе Миките Вельяминову¹² о сыску в той своей пашенной земле и в сыску сказали башкирцы и многие люди разных волостей, что тою землею владели истари искони век деды и отцы их, и по сыску де та их земля отдана им башкирцам, и дана им государева ввозная грамота¹³, по чему им владеть. И в прошлом же 150-м году били челом на них на Уфе, воеводе Льву Плещееву¹⁴, подавали челобитную те же вяцкие каринские татара Базикейка с товарищи шесть человек, чтоб им дали по их земле у семи озерок на шесть ясаков бобьельских и положили де на тою землю ясаку вновь двенадцать куниц. И они де Тойгильдейко с товарищи тот новоприбыльнй ясак¹⁵ перевели на себя на свою деревню и им же тою землею велено владеть по прежнему и по старым межам и урочищам, Базигейку с товарищи отказано. И в прошлом же де во 157-м году били //

Л. 72об.

челом на них тот же каринский татарин Базикейко с товарищи о той же их ясашной земле у Семи озерок и положили на ту их земле оброку два рубли с полутиною и на той де их земле велено им поселитця и грамота де дана без сыску и о той де их земле. С тем Базикейком была очная ставка, а с очной ставки был сыск. И по сыску де им башкирцам Тойгильдейку с товарищи в той земле указу не учинено. Им де от того Базикейка с товарищи чинятца убытки великие. И государь бы пожаловал их Тойгильдейка с товарищи, велел с теми каринскими татары з Байзигеткой о той их ясашной земле по своей государеве грамоте и по прежним обыском¹⁶ и по владеным грамотам¹⁷ и по своему государеву указу и по Соборному уложению учинить. А памятах Ево государев указ Тойгильдейко с товарищи, каковы им даны во 150-м и во 151-м годех по их челобитью против прежней памяти воеводы Микиты Вельяминова да подъячева¹⁸ Пахома Лучникова 143-м году написано: воевода Михайла Бутурлин¹⁹ велел тою пашнею и санными покосы по межам верхняя подле Камы реки Красной Яр, а нижняя межа гора Лодейки и по Ижу реке по Березовую гриву и по Салагуш речке до Ижу владети и по прежнему. И в книгах описи²⁰ и дозору²¹ уфинца Семена Карева прошлого 158 году написано: Тышкиланской волости Байлярских деревень да деревни Кукиновы да деревни Деуковы да деревни Толубасевы да двух деревень Салаушских башкирцов и с теми, которые живут на Реине и по Мартуше речке государева ясаку пятьдесят восемь человек, платят на Уфе по осмидесят по две куницы да по

двадцати по одному батману²² меду на год, да в Казань по тридцать по две куницы да по двадцати по одному батману на год //

Л. 73

и по тем межам вотчинами своими бортным ухожьем²³ и пашенною землею и всякими угоды владеют. А в тех салагушских деревнях тридцать восемь человек бобылей государева ясаку платят они по пятидесять по осьми куниц да по пяти рублей по десяти алтын денег на год. И все с тех земель башкирцы и бобыли платят государства ясаку на Уфу и в Казань по сту по семидесять по две куницы да по двадцати по одному батману меду да по пяти рублей по десяти алтын денег на год. А на кого государю они салагушские башкирцы Тойгельдейко с товарищи били челом и в отпуску прошлого в 157 году написано мая в 11 день по челобитью Уфимского уезду деревни Варзи ясашных бобылей и гулящих каринских татар Байчюрки Баишева с товарищи десять человек стольник и воевода князь Дмитрий Долгоруков²⁴ велел им поселитца в Уфимском уезде на новом месте на диком поле²⁵, а не на чужей земле, чтоб впредь ссоры и челобитья ни от кого не было, над Ижею рекою у Семи озеркова истоку на дубровном месте. А по книгам уфимца Семена Карева 158-го году те каринские татары написаны в разных деревнях. Деревни Варзи Байчюрка Баишев деревни Устья Салагушу платят по две куницы с человека, деревни Гулшермы, что на Ижу, Едигерко Байгорзин да Базитко Агыев наперед сего платили они денежный ясак, а ныне он по ево Семенова сыску написан в кунной ясак. Ясаку на них положено по две куницы на человека, да тоей же деревни Ангишко Янсарин да Янбориска Тулубаев да Сабанайко Тайсарин да Янигилько Байгозин, Янкушка Баишев да Янбориска Янгозин во 157-м году положено на них вновь по полтине на человека. А ныне по ево Семенова сыску прибавлено по гривне²⁶ на //

Л. 73об.

человека и всего они Бачюрка с товарищи платят кунного ясаку восемь куниц да три рубли двадцать алтын²⁷ денег. Да башкирцы же Тойгельдейка с товарищи били челом государю на Москве в той же своей земле до сенных покосах и о всяких угодах на того Базикейка с товарищи в том их насильстве и привез на Уфу государеву грамоту к стольнику и воеводе к Федору Яковлевичу Милославскому. А по той государевой грамоте велено и то дело вершить по государеву указу и по Соборному уложению до чезо доведетца [...]^a

^a Далее в грамоте идет выдержка из Соборного Уложения 1649 г., как надо проводить опрос населения окрестных сел для выяснения, кому принадлежит спорная земля.

- Л. 74 И стольник и воевода Федор Яковлевич Милославской, слушав сего дела, велел сыскать большим повальным обыском Уфимским и Казанским уездом окольными людьми, которые живут около салагушских башкирцов пряма вправду по их вере по шерти²⁸. Та земля и сенные покосы подле Камы реки верхняя межа Красной Яр, а нижняя межа гора Ладейки и по Ижу по березовую гриву и по Салагуш речкой до Ижу салагушских ли башкирцов Тойгильдейка с товарищи ясашная старинная земля и сенные покосы или та земля и сенные покосы неясашные и необрочные и не владеет ими никто, а лежит впусе. И будет прямо их ясашная земля Тойгильдейка с товарищи и тою землею Тойгильдейко с товарищи //
- Л. 74об. владели или она лежала впусе или они тою землею на оброк отдавали и можно жить на той земле Байзигитку с товарищи и не будет ли от них Тойгильдейка с товарищи какова утеснения. А сыскав тою землею велел сметити про тою землею и про сенные покосы посланы сыскивать уфинские приставы²⁹ Стенка Уржумцов да Иванка Рукавишников. И они про тое землею и про сенные покосы сыскивали и сыск привезли на Уфу, а в обыску Уфинского и Казанского уезду татар и чюваш и вотяков³⁰ сто семьдесят четыре человека со товарищи и сколько товарищей того в обыску не написано, сказали по своей вере по шерте: та земля и сенные покосы подле Камы реки верхняя межа гора Лодейка и Ижу по березовую гриву по Салагуш речке да по Ижу истари дедов и отцов салагушских башкирцов Тойгильдейка с товарищи старинная ясашная земля и сенные покосы, а впусе де та земля не леживала и в найм та земля салагушские башкирцы и сенные покосы никому не давали, жить де на той земле каринским татарам Байзигитку с товарищи не мочно и салагушским башкирцам будет от них утеснение. Да они ж де салагушские башкирцы прибавили государева ясаку на ту ж свою ясашную землею вновь двенадцать кунит. Да и с тех же обысков двадцат два человека в речах своих порознились, что та их ясашная земля лежит впусе не пахана, для скотиннова выходу угодыя всякие в тех урочищах салагушских башкирцов и только бы де салагушским башкирцам было не тесно и они де буде он той своей ясашной земле государю не били челом //
- Л. 75 Да осмнадцат человек татар сказали: сенных де покосов и пашенной земли в наймы кому давали или нет, того они не ведают. Да в тех же обысков тридцат два человека чюваша и вотяков в речах своих пополнили, а сказали, дают де Салагуш своих поев³¹, которые бесконные свой племенем так, а не из найму. Да деветнадцать человек вотяков сверх

тех сказали: те де сенные покосы по их стороне вместе с варзинцами, а на той земле каринские татара Байзигетку с товарищи утеснение будут ли или нет, того де они не ведают. В обыску же казанских чюваши и вотяков тритцат один человек сказали, что они про тою землю про сенные покосы не знают, косят де на тех лугах сена и сторонние люди и из найму или нет того, де они не ведают. Да в обыску ж тех людей дватцать шесть человек вотяков в речах своих сверх чюваши прибавили: лежит де та земля непахана, а сено косят салагушские башкирцы и слухом де они слышали, что та земля и сенные покосы ясашная истари салагушских башкирцов. В обыску пять человек чювашей сказали: та де земля и сенные покосы тех межах истари салагушских башкирцов Тойгильдейка с товарищи старинная их земля, а сенные покосы у которых без конных возмут в честь, а не из найму у племени своего. Да слышали де они от людей, что те салагушские башкирцы положили вновь на ту землю, что у семи озерок, государева ясаку двенатцат куниц, а про тое де землю не знают, пахана ли или не пахана, а ходит де скотина салагушских башкирцов. А на той земле каринским //

Л. 75об.

татарам поселитца можно ли или нет и салагушским башкирцам тесно от них будет ли нет, того де они не ведают. Да в обыске один человек вотяк сказал: та де земля и сенные покосы ясашная или неясашныя и владеют салагушские башкирцы и сторонним людем сенные покосы из найму дают, а лежит де та земля впусте, не пахана, а жить де на той земле каринским татаром мошно ли и салагушским башкирцам будет ли от них тесно или нет, тово он не ведает. А по досмотру той земли и сенных покосов в тех межах промежду лесов в дуброве земли и сенных покосов вдоль на три версты, а поперек на версту. А на сколко десятин тое земли меж лесу и сенных покосов, насколько копен будет тово де сметат немочно, потому что то место лесное дубровное, а не дикое поле и в том дубровном лесу салагушских башкирцов борти деланые, а иные со пчелами: потому им салагушским башкирцам Тойгильдейку с товарищи тою их старинною ясашною вотчиною и землею и сенными покосы и всякими угоды владеть по ввозному и оберегальной по прежним памятям³² по старине, что и в прежних памятях 150 и 151 году написано тою салагушскою землею во 143 и 151-м году велено владети по сыску ж попрержнему. Да и после того во 157 и во 158-м году сыскивано повальным обыском про ту землю дважды. А по тем по всем обыскам земля и сенные покосы и всякие угоды салагушских башкирцов Тойгильдейка с товарищи ясашную владеют они по

старине, как истари владели отцы и деды их. А каринские татара бобыли били челом о той земле во 157 году вновь и назвали //

Л. 76 тою землю порозжею²⁹ лишнею. И в лишке у них земли обыскные люди не сказали, а по книгам уфимца Семена Карева и по осмотру Стефана Уржумцова с товарищи и межи той земле с прежними их салагушскими сошлись. А по государеву Уложению о спорных землях велено указ чинить, сыскивая писцовы³⁰ и дозорно и отдельными³¹ книгами и всякими крепостями и старожильцы³² и околными всякими людьми по старым межам и граням. По тому им салагушским башкирцом и бобылям тое земле владеть велеть, а каринским бобылям Бачюрке и сыну ево Базикейку с товарищи в той земле велено отказать. А ясак, что наложили бобыли тот Байчерка с товарищи на салагушскую землю, велено платить им же бобылям старых своих юртов³³, потому что они живут в тех деревнях своими дворами, пашню пашут и всякими угоды владеют и промыслы всякими промышляют. И велено им Бачюрке с товарищи жить в старых деревнях в своих дворах, где кто ныне живет. А которой ясак бобыли Бачюрка с товарищи платили, и столник и воевода Федор Яковлевич Милославской указал о том ясашному сборщику тех бобылей каринских татар дворов досмотреть. Да будет которые живут в старых своих деревнях своими дворами и пашню пашут и тем платить кунной ясак, а которые бобыли будет живут в чюжих дворех они по найму и пашню не пашут и тем платить старой денежной ясак без намету. А наметной ясак, которой на салагушскую землю сверх их старова ясаку был наложен, с тех бобылей сложить и наложить на салагушскую землю на ясашныя башкирцов и бобылей на Тойгильдейка Чермышева с товарищи, чтоб тот ясак из окладу не убыл и впредь у них на тех местах на пашенной земле и на сенных покосах селитца никому не велел. И ту землю велел им Тойгильдейку с товарищи отказать³⁴ по прежнему. Ясатчиком³⁵, кто будет послан для ясашной высылки³⁶ по Казанской дороге //

Л. 76об. и межи и грани учинить и написать велел в книги, имянно те книги привести на Уфу. И для того посылан в Уфинской уезд уфимской служивый новокрещен³⁷ Федор Дербышелев, велено ему тою землю отвесть по старым межам и граням. И в отказных ево книгах написано и по государеву указу отказано башкирцам и бобылям Тойгильдейку Чермышева с товарищи, а каринцам Байчюрке Баишеву с товарищи селитца не велено. А межи той отказной земле от деревни Салагуш вниз по речке

Салагуше до Ижу реки, до Ижу на усть Салагуш речки на мысу дуб, на нем грань. Да с того дуба вниз по Ижу до Семи Озерок и у Ижу на одном корени две також не одно то поле грань. Да с тое грани через Березовую гриву на гору Лодейку на верхнем мысу горы Лодейки на дубу грань да с тое грани вверх подле Камы до Краснову Яру. У Красного Яру на дубу грань да с тое грани на деревню Салагуш и в тех гранях и урочищах пашенная земля и сенные покосы и бортной ухожей и рыбные ловли по озерам да по другую сторону Камы реки против Красного Яру луг, от верхней изголови Красного Яру на олховое болота, да с того болота на кривое озеро, да с тово озера к Каме реке на сарых аряму. На отказе были сторонние люди деревни Бургунды староста Бачимко Ямангулов, деревни Тураевой Акманко Кокпердин, Тезичко Ногаев, деревни Ахтеевой Янбыдичка Ишкенин, деревни Терси Досанко Арасланов, Мямткулла Алтыргушев, деревни Иргынеш Токпаико Козяков, Кебенечко Янтобаев, деревни Шинар Тобахтенко Тойгильдин, деревни Янгильдиной Досмаметко Девлекеев, деревни Варзи чювашенин Ишбулатко Улекеев да каринцы Танатарка Кибикеев, Айдарко Изаматов, Ишмаметка Котлееров, Дадрячко Уразлин, Толубайко Кудашев, Дуючка Бултушев. А про коринцев про Багишку Баегорина с товарищи третие сказали: Сабанайко де Тисарин живет в деревне Гулшерме з двором, пашню пашет и на ту де землю //

Л. 77

государева ввозная грамота у него есть. Янбориска Акозин, Янзигитка Байгозин, Едигерка Байгозин, Ахматейко Агимов, Багитко Ахымов живут в деревне Гулшерме своими дворами и пашню пашут. Акзигитко Якорин живет в деревне Варзях своим двором, пашню пашет з братом з Басерком вместе. Янбориско Тобаев, Янка Баишев живут в деревне Варзях же своими дворами и пашню пашут. Бигильдеку Бигилдеев живет в деревне на устье Салагуш речки своим двором и пашню пашет. Банейко Байчюрин живет в деревне Варзях своим двором и пашню пашет с отцом вместе. И по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Росии указу стольник и воевода Федор Яковлевич Милославской велел им ясашным башкирцом и бобылям деревни Салагуш Тойгильдейку Чермышеву с товарищи по сыску и по отказным книгам³⁸ и по старине по сей грамоте и по прежним памятям пашенною землею и сенными покосы и всякими угоды по тем межам и граням, что писано в сей грамоте выше сего, владеть по прежнему и государев ясак и медвеной оброк платить им на Уфу и в Казань в государеву казну по все годы сполна. А каринцом Бачюрке с товарищи иным

никаким людям до той земли впредь дела нет, а жить им и владеть своими землями и угоды, где кто ныне живет и государев кунной ясак и денежной оброк и на межную на них прибавлен к старому ясаку платить на Уфе по окладу сполна впредь. Им каринцом Бачюрке с товарищи з иным никому на той их Тойгильдейкове с товарищи старинная вотчина ясашной земле в тех их межах урочищах селитца не велел. К сей грамоте государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа России Уфимскаго города печать приложил стольник Федор Яковлевич Милославской.

РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 563. Ч. 2«в». Л. 71об.—77.

Примечания

¹ Стольник — чин русской служилой бюрократии XVII в.

² Воевода — начальник военного и гражданского управления русским городом и уездом.

³ *Милославский Федор Яковлевич* — воевода Уфимского уезда в 1649—1652 гг.

⁴ Ясачные башкирцы — башкиры, которые платили ясак за землю в пользу государства.

⁵ Бобыли — нерусское население, которое селилось на башкирских землях по устной договоренности или самовольно.

⁶ Прежние памяти — старинные документы на право владения землей.

⁷ Сыск по старине — проверка властями принадлежности земли на основе опроса жителей окрестных деревень.

⁸ Съезжая изба — канцелярия воеводы.

⁹ Каринские татары — татары-переселенцы из Вятского уезда. «Каринские» — вероятно, обозначение определенной местности в Вятском уезде.

¹⁰ Угодья ясачные — земельные участки, обложенные налогом (ясаком) в пользу казны.

¹¹ Черемисы — марийцы.

¹² *Вельяминов Микита* — уфимский воевода в 1634—1636 гг.

¹³ Ввозная грамота — распорядительный документ царских властей, в котором регламентировались повинности населения уезда (волости); предоставлялась в случае утраты прежних документов на владение земли или смены владельцев земли.

¹⁴ *Плещев Лев* — уфимский воевода в 1640—1642, 1646—1649 гг.

¹⁵ Новоприбыльной ясак — недавно введенный налог (ясак).

¹⁶ Прежние обыски — по предыдущим проверкам принадлежности земли путем опроса населения.

¹⁷ Владены грамоты — документы на право владения землей.

¹⁸ Подьячий — должностное лицо царской администрации.

¹⁹ *Бутурлин Михайла* — уфимский воевода в 1643—1645 гг.

²⁰ Описные книги — официальные материалы для определения, сколько и какой земли было за конкретными жителями уезда. Описные книги составлялись на основе сведений писцовой книги уезда, но располагались в порядке личного владения.

- ²¹ Дозорные книги — это поправки и дополнения к писцовым книгам, производившиеся после составления писцовых книг.
- ²² Батман — мера веса, равная 12 кг.
- ²³ Бортные угодья — лесные участки, где водились дикие пчелы.
- ²⁴ *Долгоруков Дмитрий* — уфимский воевода в 1649 г.
- ²⁵ Дикое поле — земельные угодья, не используемые или редко используемые населением.
- ²⁶ Гривна — денежная сумма или монета, равная 10 копейкам.
- ²⁷ Алтын — монета, равная 3 копейкам.
- ²⁸ Шерть — присяга.
- ²⁹ Пристав — должностное лицо воеводской администрации, осуществляющее надзор.
- ³⁰ Вотяки — удмурты.
- ³¹ Пай — земельный участок.
- ³² Оберегальная память — документ на право владения землей.
- ²⁹ Порозжая земля — никем не используемая земля.
- ³⁰ Писцовые книги — подробное описание земельных владений уезда, волости, отдельных селений, вотчин, поместий и наделов.
- ³¹ Отдельные книги — отчеты местной администрации относительно предоставления кому-либо в поместье или вотчину части какого-то конкретного земельного участка.
- ³² Старожилыцы — население, издавна проживавшее на конкретной территории.
- ³³ Юрты — в данном случае означает населенные пункты.
- ³⁴ Отказать — в данном случае означает признание владельческих прав на землю.
- ³⁵ Ясатчик — должностное лицо, направляемое на сбор ясака с населения.
- ³⁶ Ясачная высылка — принудительное возвращение властями на постоянное место жительства беглого населения для обеспечения своевременной выплаты ясака в казну.
- ³⁷ Служилый новокрещен — представитель нерусского населения Поволжья-Урала, поступивший на царскую службу, после принятия христианства.
- ³⁸ Отказные книги — отчеты местной администрации о предоставлении кому-либо земельных угодий.

«МИЛОСТИВЫЙ МОЙ ГОСУДАРЬ, БАТКА АВТОМОН ИВАНОВИЧ»

Письма поручика В.Н.Татищева командиру Азовского драгунского полка думному дьяку А.И.Иванову. 1708 г.

Историки всегда интересовали не только труды В.Н.Татищева, но и его письма. Их публикация была начата еще в первой половине XIX века¹. Большое число писем В.Н.Татищева в Академию наук опубликовал академик М.И.Сухомлинов в многотомнике «Материалы для истории императорской Академии наук» (СПб., 1885—1900. Т. 1—10)². Несколько писем Василия Никитича было помещено в трудах С.М.Соловьева, Н.А.Попова и П.П.Пекарского³. В советское время большой вклад в дело издания переписки В.Н.Татищева внесли А.И.Андреев и А.И.Юхт. Публикация татищевских писем выполнена ими на высоком научном уровне, снабжена вступительными статьями и прекрасными комментариями⁴. Особое место в этом корпусе источников занимает издание, подготовленное в 1990 г. А.И.Юхтом⁵. Серьезный вклад в дело публикации переписки В.Н.Татищева с Демидовыми внесла директор Демидовского института А.С.Черкасова⁶. В разные

---

¹ См.: Берх В.Н. Жизнеописание тайного советника Василия Никитича Татищева, бывшего советника Берг-коллегии и начальника всех Сибирских горных заводов // Горный журнал. 1829. Кн. 2—3. С. 111—114, 141—114, 141—144.

² См.: Библиография произведений В.Н.Татищева и литературы о нем / Сост. В.С.Астраханский, М.В.Соловьева, Р.В.Шереметьев. Отв. ред. А.А.Чернобаев // Архивно-информационный бюллетень (Приложение к журналу «Исторический архив»). М., 1995. № 8. С. 30—36.

³ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. XI. Т. 22. С. 324—336; Попов Н.А., В.Н.Татищев и его время. М., 1861; Пекарский П.П. Новые известия о В.Н.Татищеве.

⁴ См.: Андреев А.И. Переписка В.Н.Татищева за 1746—1750 гг. // Исторический архив. 1951. Т. VI. С. 245—314; Юхт А.И. Письма В.Н.Татищева 1742—1745 гг. // Исторические записки. М., 1979. Т. 104. С. 289—337; он же. Письма и записки. В.Н.Татищева о денежном обращении и монетном деле в России в первой трети XVIII в. Нумизматический сборник. Ч. 7 // Памятники русского денежного обращения XVIII—XX вв. М., 1980. Труды ГИМ. М., 1980. Вып. 53. С. 117—158; Егоров В.Л., Юхт А.И. В.Н.Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // Советская археология. 1986. № 1. С. 232—239.

⁵ См.: Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717—1750 гг. Ответственный редактор тома, автор вступительной статьи и примечаний А.И.Юхт. М., 1990 [Научное наследство. Т. 14].

годы отдельные письма В.Н.Татищева публиковали также И.Е.Забелин, Н.Н.Пальмов, В.И.Корецкий, Р.Г.Пихоя и другие историки⁷. Неоднократно обращался к изданию татищевского наследия журнал «Исторический архив»⁸.

Следует отметить, что хронологические рамки опубликованных до сих пор писем ограничивались 1717—1750 гг., т.е. временем, когда В.Н.Татищев уже сформировался как ученый. В настоящую публикацию включены два письма В.Н.Татищева 1708 г. Оба документа зафиксированы в описях РГАДА под заголовком «Дела по Азовскому (Пермскому) драгунскому полку под командованием думного дьяка И.Иванова». Однако до сего времени они не публиковались и не вводились в научный оборот, о чем свидетельствует современная литература о В.Н.Татищеве.

Публикуемые документы писались В.Н.Татищевым в период его службы в Азовском драгунском полку. В него он поступил весной 1706 г. и по осень 1707 г. находился в составе полка, который вскоре после формирования был направлен на театр военных действий в ходе Северной войны со Швецией. Из недавно выявленных документов по истории полка стало известно, что В.Н.Татищев отбыл из Москвы со 198 драгунами, снабженными вооружением и припасами⁹. По пути из Москвы через Вязьму, Смоленск далее до польского местечка Мигновичи и были написаны публикуемые письма. Они посланы командиру Азовского драгунского полка думному дьякону, полковнику А.И.Иванову. В.Н.Татищев писал их в Вязьме в июле 1708 г. При анализе этих документов видно, что В.Н.Татищев выступает в них как человек, занятый чисто служебными, практическими заботами, далекий от науки. Язык и стиль писем еще не совершенен по сравнению с тем, что писалось им в последующие десятилетия. Возможно, это объясняется тем, что они писались писарем.

Подписи — автографы самого В.Н.Татищева. Примечательно, что подпись имеет форму, сильно отличающуюся от той, что ставилась Василием Никитичем в документах 30—40 гг. XVIII в.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук В.С.АСТРАХАНСКИЙ.

---

⁶ См.: Черкасова А.С. История одного конфликта. Из переписки В.Н.Татищева с Никитой и Акинфием Демидовыми // Демидовский временник. Исторический альманах. Кн. 1. Екатеринбург, 1994. С. 147—199.

⁷ Подробнее об этом см.: Библиография произведений В.Н.Татищева и литературы о нем. М., 1995.

⁸ См.: «Дерзая о сем по малому моему разумению донести». Записка В.Н.Татищева Петру I. 1724 г. / Публикатор Н.Н.Петрухинцев // Исторический архив. 1993. № 1. С. 210—216; Нынешней планировкой Астрахань обязана В.Н.Татищеву. Август 1745 г. / Публикатор И.В.Торопицын // Там же. 2000. № 3. С. 207—215; Записка В.Н.Татищева о планах застройки крепости Черный Яр. Сентябрь 1742 г. / Публикатор И.В.Торопицын // Там же. 2001. № 2. С. 201—207.

⁹ См.: Поротчик Василий Татищев в Москве // Московский журнал. 1995. № 8. С. 16—19.

№ 1

**Милостивой мой государь, батка Автомон Иванович,
здравие твое государя моего, да сохранит десница
вышнего Бога на лета многа**

О себе доношу милости твоей. Пришли под Вязьму июля 17-го числа и стоим на худых кормах. Удержал нас воевода Иван [Исленьев] за подводами и принял у нас на те подводы простойные денги по указам и прислал подводы без телег и бес хомутов сего 19-го числа. А тех прогонных денег подводчиком не дал. И в том нам есть остановка, что подводчиков снасти тележные портятца. А купить им не на што. Да просим у тебя государь милости, прикажи отписат в Смоленск через почту, чтоб драгуном дать правианту для того, что взять негде, деньги истеряли на Москве в почиске ружья и купит не на што. От Москвы бежало по се число три человека, а которые у нас на Москве не явились 4 человека и они к нам не явились и по се число. А жаловане им осталос 8 рублей. Ис того того числа дано барабанщику 6 рубли. В остатке 6 рублей. Прикажи к нам отписат куды те денги отдать.

Да послан к Москве с Веземи^а з драгунскими и с конскими списками писарь Федосей Сатин. И он к нам не бывал на государеве лошади и в строевом плате.

Писавши, я, слуга твой всегдашней Василий Татищев. Из Вязьми июля 19-го дня 1708-го.

**РГАДА. Ф. 1209 (Приказных дел). Оп. 4. Ч. 2. Д. 5175. Л. 66—67.
Подлинник.**

№ 2

Милостивой мой государь Автомон Иванович

Здравие твое да сохранит десница вышнего Бога на лета многа.

Извесно тебе государь буди в Вязьму пришли 27-го числа и стояли до 30-го числа за не отправлением воеводским, о чем подлинно в след он полковник Федосей Козин ин донесет милости твоей. Подлинно он да в Вязьме ж прислал к нам воевода беглова драгуна Озовского полку Ивана Аврамова, которой был послан за конвоем. И мы, государь, того драгуна приняли с роспискою и написали в полк. А плата и всякую справу дали ему, которое осталос после беглых драгун. А денежное жаловане дано ему против ево брата, равно которое осталос за роздачею. Инне у нас денег за роздачею четыре рубли.

Писавши последний твой раб Василей Татищев из Вязьмы 30-го дня июля.

**РГАДА. Ф. 1209 (Приказные дела). Оп. 4. Ч. 2. Д. 5175. Л. 68—68об.
Подлинник.**

---

^а Видимо, имеется в виду Вязьма.

«ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ УНИЧТОЖИТЬ...»

Протокол заседания Комиссии
Политбюро ЦК ВКП(б) по рассмотрению
отчета и сметы ВЦСПС на международную работу. 1928 г.

В протоколах заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 мая 1928 г. под № 46 значится пункт: «О комиссии по международным сношениям при ВЦСПС (Пб от 19.XI.25 г., пр. № 91, п. 29)»¹. Под этой «нейтральной» формулировкой на самом деле рассматривался вопрос о секретных расходах ВЦСПС. На утверждение Политбюро был представлен «Протокол комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по рассмотрению отчета и сметы ВЦСПС на международную работу». Решение Политбюро гласило: «46. Утвердить протокол комиссии Пб по рассмотрению отчета и сметы секретных расходов ВЦСПС по международной работе (см. прил. № 2)»². Публикуемый документ и является этим самым приложением.

Публикуемый документ не является единичным или уникальным. Практика негласного утверждения на Политбюро основных вопросов деятельности ВЦСПС, включая международную деятельность, была в 20-е годы обычным делом. Таким образом документ отражает реальное подчиненное положение профсоюзов в социально-политической системе нэпа. В чем заключались расходы ВЦСПС по международной работе, почему эти расходы были секретными, решения по ним хранились в «Особой папке», а оправдательные документы после их проверки уничтожались? Ответ на этот вопрос дает, в частности, уже самое первое после утверждения публикуемого отчета и новой сметы решение о расходах на международную деятельность. Опросом членов Политбюро от 21 июня 1928 г. принимается предложения М.П.Томского: «а) Об оказании помощи бастующим горнякам в Киркенесе (Норвегия) в размере 3-х тысяч рублей. б) Разрешить МГСПС оказать бастующим строителям Норвегии помощь в размере 15 тыс. рублей»³. Таким же путем принимались решения о помощи забастовщикам Финляндии 2 июля 1928 г.⁴, Латвии и Бомбея 2 августа 1928 г.⁵, Льежа 13 сентября 1928 г.⁶ и т.д.

Надо сказать, что ВЦСПС был в СССР не единственным источником финансовой помощи международному рабочему движению. Подобной работой занимались, как видим, МГСПС, отраслевые ЦК союзов. Занимался вопросами

¹ Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Каталог. Т. 1. 1919—1929. М., 2000. С. 616.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 95.

³ Там же. Л. 109.

⁴ См.: Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Каталог. Т. 1. С. 625.

⁵ См. там же. С. 630.

⁶ См. там же. С. 638.

моральной и материальной помощи забастовщикам и Профинтерн. Официально он не имел забастовочного фонда⁷. Но он активно сотрудничал с организацией «Международная рабочая помощь» (Межрабпом), через которую осуществлялась поддержка забастовочного движения⁸. Причем наблюдается характерная курьезная закономерность: чем «ниже» уровень профсоюзной организации, тем выше суммы для поддержки иностранных забастовщиков. Так, если ВЦСПС выделяет в поддержку забастовщикам Киркенеса 3 тыс. рублей⁹, МГСПС — 15 тыс. рублей строителям Норвегии, то ЦК союза горняков СССР на 19 июня 1928 г. послал забастовавшим горнякам Швеции 361 тыс. 500 рублей¹⁰. При этом финансовая поддержка на уровне ЦК отраслевых союзов осуществлялась совершенно открыто, в газетах сообщалось о суммах, собранных для забастовщиков. То-есть солидарность на уровне рабочих одной профессии считалась вполне допустимым явлением, деятельность же ВЦСПС, как справедливо подразумевалось, могла встретить негативную реакцию на международном уровне.

Основания оказывать (и скрывать) поддержку бастующих (в частности в Норвегии и Швеции) безусловно были. Дело в том, что скандинавские страны характеризовались в 20-е годы весьма высоким уровнем классового противостояния. Особенно выделялась Норвегия, где с 1920 г. по 1935 г. сменилось 11 кабинетов министров¹¹. Рекордными по количеству потерянных в результате забастовок рабочих дней были для Норвегии 1924, 1926 и 1927 гг. — соответственно 5152000, 2204000 и 1374000 дней¹². На выборах 1927 г. НРП (Норвежская рабочая партия) получила 37% голосов при выборах в стортинг (парламент), сформировала свое рабочее правительство и заявила о своей решимости «облегчать и подготавливать переход к социалистическому обществу.» Правда, правительство продержалось у власти всего 18 дней (17 января — 15 февраля 1928 г.)¹³. Забастовочная борьба не прекращалась, хотя из-за жесткости власти и законодательства не доходила до уровня 1926 — 27 годов. Одной из самых мощных забастовок 1928 года явилась забастовка строительных рабочих Норвегии. Она началась стихийно после 2 мая, когда строительным рабочим была снижена зарплата на 12—22%, вскоре строителей поддержали печатники¹⁴. Здесь обязательно необходимо сказать о том, что в Норвегии действовал так называемый принудительный государственный арбитраж¹⁵. Организаторы «незаконной» забастовки наказывались. Лидеры норвежского

⁷ См.: Адибеков Г.М. Профинтерн: политика коммунистов в профсоюзном движении. М., 1981. С. 102.

⁸ См.: Мичев Д. Межрабпом — организация пролетарской солидарности. 1921—1935. М., 1971.

⁹ Сведений о данной забастовке в Киркенесе ни в литературе, ни в печати обнаружить не удалось.

¹⁰ Труд. 1928, 19 июня.

¹¹ См.: Кан А.С. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). 2-е изд. М., 1980. С. 189.

¹² Derry T.K. A History of Modern Norway. 1814—19727 Clarendon Press. Oxford, 1973. P. 312.

¹³ См.: История Норвегии. Под ред. А.С.Кана. М., 1980. С. 356.

¹⁴ Труд. 1928, 12 июня.

¹⁵ Подробнее см.: Войтинский И. Принудительный арбитраж и канадская система в Европе. 3-е изд. М., 1928. С. 76—111.

объединения профессиональных союзов отказались поддерживать забастовщиков¹⁶. Преследовалась и материальная помощь бастующим. Так, за оказание материальной помощи строительным рабочим Норвегии были оштрафованы даже два депутата стортинга¹⁷. За поддержку бастующих арестовывались редакторы коммунистических изданий¹⁸. Понятно, что в этих условиях открытая помощь ВЦСПС могла вызвать ухудшение международных отношений. К тому же в это самое время развивался процесс ратификации подписанного в апреле 1928 г. договора о сотрудничестве профсоюзов Норвегии, Финляндии и СССР¹⁹. Весьма существенными представлялись и сугубо внешнеполитические аспекты: международные отношения с Норвегией носили в 20-е годы в целом добрососедский характер, еще в 1925 г. между нашими странами был подписан договор о торговле и мореплавании и СССР не хотел давать повода для возникновения разногласий²⁰.

На данном конкретном примере (на тот момент весьма показательном) видны мотивы большевистского руководства как в плане адреса помощи (ситуация действительно в Норвегии была напряженная), так и в плане сокрытия ее факта.

Так что в существовании института секретных расходов ВЦСПС на международную деятельность у большевиков была определенная логика, диктовавшаяся все еще существовавшими надеждами на мировую революцию. Масштабы расходов на международную деятельность были невелики и не могли сыграть сколько-нибудь заметной роли. Контроль за расходованием этих денег обеспечивался всякий раз санкцией Политбюро на те или иные расходы и периодическими отчетами М.П.Томского на комиссии Политбюро.

Публикуемый документ обнаружен в РГАСПИ (Ф. 17. Оп. 162) — Особые папки Политбюро.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук О.И.ГОРЕЛОВ.

Протокол заседания Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по рассмотрению отчета и сметы ВЦСПС на международную работу

Экз. № 1

(Утвержден Политбюро ЦК ВКП(б) 24.V.1928 г.).

Строго секретно

Слушали

Постановили

1. — Представленный тов. Томским¹ отчет секретных расходов ВЦСПС по международной работе с марта по октябрь 1927 года.

1. — Представленный тов. Томским отчет произведенных им секретных расходов на сумму 16815,51 дол. утвердить. Поручить тов. Шкирятову² проверить оправдательные документы по произведенным расходам.

¹⁶ Труд. 1928, 12 июня.

¹⁷ Труд. 1928, 9 июня.

¹⁸ Труд. 1928, 15 июня; 1 июля.

¹⁹ Труд. 1928, 6 апреля; Договор так и не был ратифицирован норвежским объединением профсоюзов (См.: История Норвегии. С. 355—356).

²⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. VIII. № 410.

2. — Смету секретных расходов ВЦСПС на международную работу на время с 1-го октября 1927 г. по 1-е октября 1928 г.

2. — Смету секретных расходов ВЦСПС по международной работе с октября 1927 г. по октябрь 1928 г.

утвердить в сумме 32000 дол.

Эта сумма должна

составиться:

а/ из имеющегося на руках

у тов. Томского налич ного

остатка от прежней сметы

согласно представленного

отчета в сумме..... 835 дол.

б/дополнительного

ассигнования в сумме..... 31165 дол.

Всего 32000 дол.

3. — Об оправдательных документах по произведенным расходам.

3. — Разрешить тов. Томскому уничтожить оправдательные документы по представленному отчету после проверки их тов.

Шкирятовым.

Верно

Сухова

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 98. Заверенная машинописная копия.

Примечания

¹ *Томский (Ефремов) М.П.* (1880—1936) — член партии с 1904 г., член ПБ в 1922—1930 гг., Председатель ВЦСПС в 1918—1921 гг. и в 1922—1929 гг.

² *Шкирятов М.Ф.* (1883—1954) — член партии с 1906 г., член ЦКК в 1922—1934 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИВ ВОЖДЕЙ

- В.М.Чернов о демократии и социализме. Тезисы. 2-я половина 1930-х гг. (О.В.Коновалова).....** 3
- «Дайте мне машину, я оправдаю ваше доверие». Два письма А.Г.Стаханова И.В.Сталину. 1945 г. (А.А.Данилов).....** 11

РОССИЯ В КОСМОСЕ

- «Космические зори действительно прекрасны». К 40-летию полета Г.С.Титова на космическом корабле «Восток-2». 1961 г. (Е.Ю.Башилова, Т.А.Головкина).....** 15

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

- «В промоции Вашей я всегда был уверен». Письма П.Н.Милюкова С.Ф.Платонову. 1890 г. (В.П.Корзун, М.А.Мамонтова, А.В.Свешников) (Окончание).....** 23
- О моем муже. Воспоминания (Н.Г.Думова-Трухановская).....** 42

ФОТОЛЕТОПИСЬ

- Мастера русской историографии: Владимир Григорьевич Трухановский (1914—2000) (А.А.Чернобаев).....** 63

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

- Предыстория правомонархических партий в России. 1902—1905 гг. (Ю.И.Кириянов, Б.Ф.Додонов).....** 79
- Дни скорби. Дневник барона Н.Н.Врангеля. 1914—1915 гг. (А.А.Мурашев) (Окончание).....** 89

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

- «Наша отечественная церковь занимает первое место между всеми православными церквами». Отчет профессора И.Е.Троицкого о командировке на Восток. 1886 г. (Л.А.Герд).....** 135

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

- «Очень рад, что мог чем-то услужить соотечественникам». Письма Г.Н.Вырубова П.Л.Лаврову. 1869—1889 гг. (Г.И.Любина).....** 175

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

- «**Били челом государю царю**». Из истории башкирского землевладения. Середина XVII в. (А.И.Акманов)..... 203
- «**Милостивый мой государь, батка Автомон Иванович**». Письма поручика В.Н. Татищева командиру Азовского драгунского полка думному дьяку А.И.Иванову. 1708 г. (В.С.Астраханский) ... 214

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

- «**Оправдательные документы уничтожить...**». Протокол заседания комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по рассмотрению отчета и сметы ВЦСПС на международную работу. 1928 г. (О.И.Горелов)..... 217

CONTENTS

LEADERS' ARCHIVES

- «**V.M. Chernov on democracy and socialism**». Theses. The second half of 1930s. (O.V.Konovalova). 3
- «**Provide me with a machine and I will justify your confidence**». A.G.Stakhanov's two letters to J.V.Stalin. 1945. (A.A.Danilov)..... 11

RUSSIANS IN OUTER SPACE

- «**Sunrises in outer space are really beautiful**». On the 40th anniversary of G.S.Titov's flight in spaceship «Vostok-2». 1961. (E.Iu.Bashilova, T.A.Golovkina)..... 15

HISTORY AND HISTORIANS

- «**I was always confident of your promotion**». P.N.Miliukov's letters to S.F.Platonov 1890. (V.P.Korzun, M.A.Mamontova, A.V.Sveshnikov) (*The End*) 23
- About my husband**. Reminiscences. (N.G.Dumova-Trukhanovskaya) ... 42

PICTORIAL REVIEW

- Pillars of Russian historiography: V.G.Trukhanovsky. 1914—2000.** (A.A.Chernobaev)..... 63

RUSSIA AT A TURNING POINT

- Prehistory of Right-wing monarchist parties in Russia. 1902—1905.** (Iu.I.Kirianov, B.F.Dodonov) 79

-
- Days of sorrow.** Baron N.N.Vrangel's diary. 1914—1915.
(A.A.Murashev) (*The End*)..... 89

STATE AND CHURCH

- «Our home Church has a dominating position among all Orthodox Churches».** Professor I.E.Troitsky's account of his mission to the East. 1886. (L.A.Gerd)..... 135

RUSSIANS ABROAD

- «I am very pleased that could render a service to my fellow-countrymen».**
G.N.Vyrubov's letters to P.L.Lavrov. 1869—1889. (G.L.Liubina) 175

FROM ANCIENT TIMES

- «We handed the humblest petition to our sovereign and tsar».** From the history of Bashkir landownership. The middle of XVII century.
(A.I.Akmanov)..... 203
- «My dear sir, father and benefactor Avtomon Ivanovich».** Poruchik V.N.Tatishchev's letters to the Azov dragoon regiment commander, clerk in the Boyars' Council A.I.Ivanov. 1708. (V.S.Astrakhansky) 214

MISCELLANEA FROM THE ARCHIVES

- «Covering vouchers must be destroyed...».** Minutes of the meeting of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)'s Politburo commission on consideration of the All-Union Central Council of Trade Unions' account and estimate of expenditure for international work. 1928.
(O.I.Gorelov) 217

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКМАНОВ Айтуган Ирекович — кандидат исторических наук, доцент
Башкирского государственного университета

АСТРАХАНСКИЙ Владимир Сергеевич — кандидат исторических наук,
заведующий сектором Центрального музея Великой Отечественной войны

БАШИЛОВА Елена Юрьевна — специалист 1-й категории РГАНТД

ГЕРД Лора Александровна — кандидат исторических наук, научный
сотрудник Санкт-Петербургского ИРИ РАН

ГОЛОВКИНА Татьяна Александровна — начальник отдела научного
использования и публикации документов РГАНТД

ГОРЕЛОВ Олег Игнатьевич — кандидат исторических наук, доцент РАГС
при Президенте РФ

ДАНИЛОВ Александр Анатольевич — доктор исторических наук,
заведующий кафедрой МПГУ

ДОДОНОВ Борис Федорович — кандидат исторических наук, главный
специалист ГА РФ

ДУМОВА-ТРУХАНОВСКАЯ Наталья Георгиевна — доктор исторических
наук

КИРЬЯНОВ Юрий Ильич — доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник ИРИ РАН

КОНОВАЛОВА Ольга Викторовна — кандидат исторических наук,
преподаватель Сибирского юридического института МВД РФ

КОРЗУН Валентина Павловна — кандидат исторических наук, заведующая
кафедрой Омского государственного университета

ЛЮБИНА Галина Ивановна — кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН

МАМОНТОВА Марина Александровна — аспирантка Омского
государственного университета

МУРАШЕВ Аркадий Анатольевич — кандидат исторических наук,
доцент Московского государственного строительного университета

СВЕШНИКОВ Антон Вадимович — кандидат исторических наук, ответст-
венный секретарь редакции журнала «Вестник Омского университета»

ЧЕРНОБАЕВ Анатолий Александрович — доктор исторических наук,
главный редактор журнала «Исторический архив»

Издатель: АНО Издательство «Российская политическая энциклопедия»

Компьютерная верстка *А.Ю.Егоркина, Е.А.Лаврентева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 29.06.2001. Формат 70×100 1/16.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,06. Тираж 800 экз. Заказ № 1849

125256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);

Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 952000 — журналы

**Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)**

Выпускает научную литературу по истории, философии, политологии, культурологии, экономике, энциклопедические издания, мемуаристику и т.п.

**Наши книги вы можете приобрести без торговых наценок
в фирменных магазинах Издательства в г. Москве:**

«Книжный салон РОССПЭН» (в офисе Издательства): В. Пика ул., д. 4,
корп. 2. Тел. 181-34-57, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ (метро «Ботанический сад»).

«Книжная лавка историка»: Б. Дмитровка ул., д. 15. Тел. 200-50-07, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰
(метро «Охотный ряд», «Театральная», «Пушкинская», «Чеховская»).

«Книжный киоск РОССПЭН»: Дм. Ульянова ул., д. 19. Тел. 126-94-18, с 11⁰⁰ до 17⁰⁰
(метро «Академическая»).

Наши книги постоянно продаются в книжных магазинах:

Академкнига (Екатеринбург)
Мамина-Сибиряка ул., д. 137

Библио Глобус (Москва)
Мясницкая ул., 6

Академкнига (Красноярск)
Сурикова ул., д. 45

Дом книги (Санкт-Петербург)
Невский пр., 28

Академкнига (Новосибирск)
Красный пр., д. 51

Московский Дом Книги (Москва)
Новый Арбат ул., 8

Академкнига (Санкт-Петербург)
Литейный пр., д. 57

Дом книги (Ярославль)
Кирова ул., д. 18

Академкнига (Уфа)
Зорге ул., 10

Светоч (Краснодар)
Красная ул., д. 145/1

Деком (Н. Новгород)
Б.Покровская, 46 (магазин «Дирижабль»)

Топ-книга (Новосибирск)
Арбузова ул., 1/1

Справки по тел./факсу: (095) 181-34-57

E-mail: marketing@rosspen.com

URL: <http://www.rosspen.com>

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)**

проводит подписку на журнал «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»
на II полугодие 2001 г.

Периодичность издания 3 номера в полугодие
Стоимость полугодовой подписки **270 руб.** с учетом почтовых
услуг в пределах Российской Федерации

Для оформления подписки переведите 270 руб.
на расчетный счет издательства через любое отделение Сбербанка

Образец заполнения квитанции в Сбербанке:

АНО «Издательство РОССПЭН»

ИНН 7717098296

Р/сч 40703810638090103673 в Московском банке АК СБ РФ
Мещанское отделение 7811 для филиала № 1585 г. Москва

К/сч 30101810400000000225 БИК 044525225

Просьба в квитанции точно указывать свой почтовый адрес с
индексом, фамилию, имя и отчество.

В графе «вид платежа» укажите: «Исторический архив»
и подписной период

Для сотрудников Федеральной архивной службы и для
подведомственных Росархиву учреждений при подписке в
издательстве на II полугодие 2001 г. (а также при покупке в
издательстве ранее вышедших полугодовых комплектов журнала)
устанавливается специальная цена — 210 руб.

Подписаться на журнал «Исторический архив» или приобрести его
в розницу можно также в офисе издательства:

129256, г. Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2

Тел./факс: (095) 181-34-57

E-mail: marketing@rosspen.com

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ДАННОЕ ИЗДАНИЕ
ПО КАТАЛОГУ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Тел.: /007 095/ 195 6677, 195 6418

Факс: /007 095/ 195 1431, 785 14 70

E-mail: ovs@rosp.ru

Web site at <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

YOU CAN SUBSCRIBE TO THIS EDITION
THROUGH THE «ROSPCHAT» AGENCY CATALOGUE

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Phone: /007 095/ 195 6677, 195 6418

Fax: /007 095/ 195 1431, 785 14 70

E-mail: ovs@rosp.ru

Web site at <http://www.rosp.ru>